

M 55
122

1881

for ap
15/2-11

ОБЩЕПОНЯТНЫЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

ВИКТОРА КАНДИНСКАГО.

I.

ОЧЕРКЪ ПРЕЖНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЗРѢНІЙ НА ПСИХИЧЕСКУЮ
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

II.

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКІЙ КОНТАКТЪ И ДУШЕВНЫЯ ЭПИДЕМІИ.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ЛАНГЪ.

1881.

Л 55
122

1-77
14212

НЕ КОПИРОВАТЬ

ОБЩЕПОНЯТНЫЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

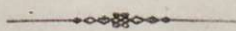
Виктора Кандинскаго.

I.

ОЧЕРКЪ ПРЕЖНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ВОЗЗРѢНІЙ НА ПСИХИ-
ЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

II.

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКІЙ КОНТАГЪ И ДУШЕВНЫЯ ЭПИДЕМІИ.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ЛАНГЪ.
1881.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

№ 314.

32472-0

2011142293

Типографія Т. Риевъ, въ Москвѣ, у Лузской ч.,
домъ Медынцовой.

Очеркъ прежнихъ и современныхъ воззрѣній на психическую жизнь человѣка и животныхъ.

„Impossibile est in uno homine esse plures animas per essentiam differentes, sed una tantum est anima intellectiva, quae vegetativae et sensitivae et intellectivae officiis fungitur“.

Тома Аквинатъ.

Цѣль настоящей статьи — дать, въ возможно общедоступной формѣ, краткій историческій обзоръ воззрѣній, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, на психическую жизнь человѣка и животныхъ. При историческомъ порядкѣ мы будемъ видѣть взаимную связь психологическихъ теорій различныхъ мыслителей и для насъ ясно обрисовуется постепенный прогрессъ мысли въ понятіяхъ о душѣ и о ея дѣятельности; разсмотрѣніе современныхъ воззрѣній дастъ намъ возможность представить очеркъ научной психологіи настоящаго времени и сообщить важнѣйшія открытія послѣднихъ лѣтъ въ *физиологіи мозга*, составляющей теперь основаніе *научной психологіи*. Но физиологическая и вообще научная психологія есть продуктъ нашего времени, прежняя-же психологія имѣетъ характеръ апріорный или метафизическій; тѣмъ не менѣе она не можетъ быть выкинута изъ исторіи психологіи уже потому, что метафизическое направленіе есть непремѣнный фазисъ въ исторіи человѣческой мысли. При очеркѣ *метафизической*

психологii, естественно, придется коснуться философіи, такъ какъ апріорная психологія есть часть философіи. Но отвлеченному мышленію философовъ всегда предшествовали *религіозныя понятія и вѣрованія*, какъ продуктъ естественной дѣятельности нашего мышленія, и намъ кажется не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о вѣрованіяхъ по отношенію къ душѣ. Къ числу вѣрованій мы относимъ также понятія о душѣ анимистовъ и спиритистовъ, на сколько эти понятія не основаны на логическомъ мышленіи, а выставляются какъ продуктъ нравственнаго убѣжденія или откровенія.

I.

Даже первобытные народы, напр. дикари, не лишены представленій о душѣ, какъ о чемъ-то, что движетъ и управляетъ тѣломъ. Образованію представленія о душѣ всего болѣе способствовалъ обыденный фактъ смерти. Вотъ человѣкъ, который вчера еще могъ жить, т. е. ѣсть, пить, двигаться, говорить; сегодня-же онъ лежитъ холоднымъ и неподвижнымъ трупомъ. Перемѣна слишкомъ замѣтна. Въ чемъ-же она заключается? Ясно, что исчезло что-то, что было вчера и позавчера, т. е. исчезла жизнь. Можетъ быть она исчезла навѣки и безвозвратно.... Но сдѣлать такое предположеніе дикарю труднѣе, чѣмъ допустить, что, хотя жизнь повидимому исчезла, но только потому, что она продолжается невидимо, за гробомъ. Вотъ естественное предположеніе о загробной жизни, отъ котораго уже не далеко до представленія о бессмертіи души. Загробная жизнь уже потому должна быть болѣе совершенною, чѣмъ жизнь земная, что первая невидима и неуловима для смертныхъ. Наконецъ, будущая жизнь можетъ быть вознагражденіемъ за трудности настоящей

жизни. Смерть во всякомъ случаѣ есть зло, котораго въ будущей жизни не должно уже быть. Такъ возникаетъ вѣра въ безконечное загробное существованіе.—Въ происхожденіи представленія о душѣ, по мнѣнію *Спенсера* (*Оси. социологіи*, т. I) играютъ большую роль сновидѣнія. Первобытный человѣкъ вѣрить въ дѣйствительность сновидѣній и полагаетъ, что онъ имѣетъ двойника, уходящаго отъ него порою, дѣйствующаго на сторонѣ и опять возвращающагося. Отсюда,—отдѣленіе видимаго и невидимаго человѣка. Только когда предполагаемый двойникъ, мыслимый первоначально совершенно сходнымъ со своимъ оригиналомъ, претерпѣваетъ различныя видоизмѣненія и постепенно лишается большей части своихъ физическихъ свойствъ, несогласимыхъ съ фактами, только тогда устанавливается понемногу представленіе о нашемъ духовномъ я такимъ, какимъ мы представляемъ его себѣ теперь.—Понятіе о душѣ и ея безсмертіи всегда идетъ параллельно понятію о божествѣ. Переселившись въ лучший міръ, душа приближается къ божеству. Если понятіе о божествѣ слишкомъ первобытно и грубо, то такъ-же грубо и просто понятіе о загробной жизни. Послѣ смерти человѣкъ, или душа его, живетъ такъ-же какъ до смерти; онъ ѣстъ, пьетъ, охотится, веселится, только не хвораетъ и не умираетъ. — Жители острововъ *Фиджи* не только вѣрятъ въ загробную жизнь, но и убѣждены, что человѣкъ, умирая, немедленно просыпается въ лучшей жизни. Изъ вѣтерановъ переселиться въ этотъ лучший міръ они почти никогда не доживаютъ до старости, потому что при приближеніи ея они добровольно позволяютъ себя хоронить живыми. Боги ихъ такіе-же дикари и людоеды, какъ они сами. *Маори* или *новозеландцы*, тоже людоеды, вѣрятъ въ безсмертіе души, однако миссіонеры никакъ не могли убѣдить ихъ въ истинѣ догмата о воскресеніи

тѣла. *Таитяне* кладутъ рядо́мъ съ умершимъ его оружіе, а также запасъ пищи и питья. Они полагаютъ, что въ будущей жизни есть двѣ степени блаженства, высшая— для начальниковъ, и нисшая— для черни. Они не вѣрятъ, чтобы ихъ поступки на землѣ могли имѣть какое-либо вліяніе на состояніе ихъ душъ послѣ смерти. Религія *эскимосовъ* самый грубый фетишизмъ, тѣмъ не менѣе ихъ обычаи при погребеніи указываютъ на вѣру въ загробную жизнь. Сѣверо-Американскіе *индѣйцы* вѣрятъ въ Великаго Духа и въ безсмертіе души, хотя и не имѣютъ религіознаго культа. *Патагонцы* при погребеніи убиваютъ лошадей для того, чтобы покойникъ могъ пользоваться ими въ «Алхус-Мапу» или «странѣ мертвецовъ.» Нѣкоторые Южно-Американскіе *индѣйцы*, по словамъ миссіонеровъ, не имѣютъ никакой религіи и ни малѣйшаго представленія о загробной жизни. То же говорятъ относительно многихъ другихъ мало развитыхъ дикарей. Однако почти всѣ дикари вѣрятъ въ колдовство.

Если первая ступень религіи есть болѣе или менѣе грубый *фетишизмъ*, то второю будетъ *пантеизмъ* или религія природы. Здѣсь Богъ есть внутренняя жизнь природы, важнѣйшія явленія которой считаются проявленіями Божества. Сюда относятся древнія религіи Персовъ, Египтянъ, Индѣйцевъ, Китайцевъ.

Религія *Персовъ* исходитъ изъ борьбы божественной мысли или добра (Ормузда) съ матеріею или зломъ (Ариманомъ). Продуктомъ этой борьбы является міръ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Духъ человѣка — божественная мысль или *феруэръ* *), нисходящій во время рожденія съ

*) Всѣ высшіе и нисшіе духи, кромѣ Высшаго Божества, имѣютъ своего рода матерію, и называются *феруэрами*. См. *Новицкаго*, развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Кіевъ. 1860.

неба, тѣло — матерія. Если человѣкъ во время своей земной жизни содѣйствовалъ торжеству добра надъ зломъ, то послѣ смерти духъ его принимается въ жилище безсмертныхъ; духи злыхъ низвергаются въ адъ и, по очищеній ихъ болѣе или менѣе продолжительными муками отъ Аримановскаго элемента, становятся также блаженными. У Персовъ человѣкъ состоитъ изъ трехъ элементовъ — тѣла, души и духа, изъ которыхъ первые два смертны.

Религія древнихъ *Египтянъ* имѣетъ основною идею Божества, завладѣвающаго, какъ внутренняя форма, матеріею и проявляющагося въ органической жизни природы. — Это чистая форма пантеизма. По вѣрованію Египтянъ, въ началѣ земля и воздухъ были населены блаженными духами божественнаго происхожденія, соединенными, впрочемъ, съ тонкою и невидимою матеріею. Но въ наказаніе за то, что они хотѣли проникнуть въ чертоги вышнихъ восьми божествъ, они были заключены въ земныя тѣла; отъ нихъ произошли люди. Такимъ образомъ, человѣкъ есть объединеніе матеріи и духа; смертный по тѣлу, онъ безсмертенъ по духу. Человѣческія души, слѣдовательно, существуютъ до воплощенія своего въ тѣлѣ (это допускали, какъ уводимъ позже, Пифагоръ и Платонъ). Проходя, передъ соединеніемъ съ тѣломъ, по небеснымъ пространствамъ, этотъ духъ, происходящій отъ божественной субстанции, предварительно соединяется съ душою. Если духъ не довольно очистился на землѣ, то по смерти тѣла онъ переводится въ тѣло другого человѣка, въ животное или растеніе. Очистившійся духъ, по смерти тѣла, возносится на небо, тамъ, въ сферѣ планетъ, освобождается отъ души и затѣмъ вступаетъ въ блаженное жилище боговъ.

Если пантеизмъ Египтянъ имѣетъ оттънокъ реализма, то *индійскій* пантеизмъ отличается идеалистическимъ

характеромъ. По религіи *Брамаизма*, Великій Брама, проявляющійся въ божественной троицѣ (Брама, Вишну и Сива, или, въ женскихъ началахъ, Сарасвати, Сри и Баваяи), сотворилъ міръ духовъ различныхъ чиновъ, съ разною степенью совершенства. Возмущившіеся духи были низринуты въ кромѣшную тьму (Андакара). Послѣ, по блакости Вѣчнаго, имъ было назначено для покаянія и исправленія тѣло человѣка. Павшіе духи, пройдя 7 адскихъ круговъ наказанія, очищаются въ продолженіи болѣе или менѣе долгаго времени въ тѣлахъ людей или животныхъ, переселяясь изъ одного въ другое, послѣ чего, соотвѣтственно степени своего совершенства, занимаютъ мѣсто въ одной изъ 7 небесныхъ сферъ. Души человѣческія, не смотря на то, что суть падшіе духи, сохраняютъ образъ Божества. Человѣческая душа по природѣ двояка. Разумное ея начало или Дживатма есть божественная сущность, созная душа или чувственная (Пранатма) тѣснѣе связана съ матеріею. Тѣло человѣка составлено изъ пяти стихій. Душа заключена въ мозгъ, какъ въ сосудъ. По отдѣленіи души отъ тѣла, послѣднее распадается на свои стихіи, а душа, послѣ суда надъ нею, продолжаетъ свое скитаніе по тѣламъ животныхъ или по небеснымъ сферамъ, пока, очистившись совершенно, не сольется съ божественною субстанціею. Только одинъ духъ есть вѣчная реальность, матерія-же не болѣе какъ временное вмѣстилище для духа.

По ученію *Будды*, жившаго въ VI вѣкѣ до Р. Х. вся вселенная состоитъ изъ трехъ міровъ—міра желаній, міра формъ и міра безформенности. Въ міру желаній принадлежатъ животныя, люди, духи добрые и злые; міръ формъ есть міръ покоя и внутренняго созерцанія; безформенный міръ есть міръ высшихъ существъ, ищущихъ

щихъ абсолютнаго совершенства. Человѣкъ состоитъ изъ пяти элементовъ: тѣла, ощущенія, чувства, душевныхъ способностей и разума. Душа проявляется въ своей дѣятельности, измѣненія которой суть измѣненія самого существа души. По смерти видимаго человѣка, невидимое существо его (тонко-матеріальное) путемъ послѣдовательныхъ перерожденій или достигаетъ высшаго блаженства, или доходитъ до мученій ада. Но самый высшій удѣлъ — это достигнуть *нирваны* или *нироды* (т. е. выйти изъ ряда живыхъ существъ, перейти въ абсолютное небытіе), чѣмъ рано или поздно кончаютъ всѣ будды, т. е. всѣ высшія существа.

Взглянемъ на индійскую философію, развившуюся на почвѣ религіозныхъ вѣрованій, именно на систему *Патанджалы*, отличающуюся синтетическимъ воззрѣніемъ на душу. Реальное проявленіе Бога есть Міровой Духъ; происходящія отъ него души также божественны. Но соединяясь съ тонкою матеріальною оболочкою, состоящею изъ 18 началъ, они обособляются отъ Міроваго Духа и, вступая въ болѣе грубыя тѣла, совершенно отрѣшаются отъ Божества, все болѣе погружаются въ природу, заражаются мрачнымъ элементомъ послѣдней (тьмою) и погрязаютъ въ грѣхѣхъ. Освобожденіе души начинается *духовнымъ познаніемъ* или *созерцаніемъ* сущности вещей и Бога, вторая ступень есть *полное отрѣшеніе отъ волненій и страстей*, третья — *добродѣтель*. На дальнѣйшей степени совершенства душа достигаетъ *чудодѣйственной силы* (вибути) и тогда можетъ господствовать надъ природою. Самая высшая ступень совершенства есть сосредоточенное *созерцаніе высшаго бытія* (самади) съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ виѣшняго міра. Въ заключеніе, въ состояніи экстаза душа достигаетъ *единенія съ Богомъ*.

По ученію другаго индійскаго философа *Готамы*, душу можно освободить отъ узъ матеріи только посредствомъ истиннаго знанія о душѣ. Источники познанія суть: наблюденіе, наведеніе, сравненіе и преданіе вмѣстѣ съ откровеніемъ. Большинство истинъ не познаются непосредственно, но требуютъ доказательствъ, прямыхъ (умозаключеній) или непрямыхъ. Доказательства даютъ достовѣрность, а знаніе — свободу духа.

Душа есть реальность, духовная и безконечная, имѣющая родство съ Верховнымъ Разумомъ, но подверженная заблужденіямъ, потому что она соединена съ тѣломъ. Душа соединяетъ въ себѣ способности разума и воли. Ей присуще особое внутреннее чувство (*manas*), позволяющее ей познавать внѣшніе предметы и внутреннюю жизнь. Внѣшнихъ чувствъ пять. Душа совершенно отлична отъ матеріальнаго тѣла, живущаго вслѣдствіе своей жизненной силы (*tchechta*). Освобожденіе совершается послѣ долгихъ странствій по различнымъ тѣламъ, путемъ познания истины и отрѣшенія отъ своей воли.

По древнимъ религіознымъ вѣрованіямъ *Китайцевъ*, основаніе всего — *Тао* или разумный порядокъ вещей, объединяющій въ себѣ всѣ противоположности, напр., бытіе и небытіе, положеніе и отрицаніе (очевидно, это то же, что абсолютъ Гегеля). Все существующее на небѣ и на землѣ безсознательно и достигаетъ самосознанія лише въ человѣкѣ, представляющемъ единство духа и матеріи. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и разумаго духа (*ling*), связанныхъ между собою нисшею душею (*huen*). При преобладаніи духа человѣкъ, послѣ смерти, становится блаженнымъ, при господствѣ нисшей души онъ за гробомъ становится духомъ природы. Воззрѣнія китайскихъ философовъ *Лаоци* и *Конфуція* въ сущности, по отношенію къ душѣ, мало отличаются отъ древнихъ вѣрованій.

Религіозныя понятія *классическаго міра* всѣмъ извѣстны и о нихъ намъ нѣтъ надобности говорить. Ученіе філософовъ классической древности будетъ изложено ниже. Религія древнихъ Грековъ есть религія *личности*. Боги ихъ совершенно антропоморфны, и отличаются только безсмертіемъ. Душа за гробомъ также продолжаетъ *личное* существованіе и, смотря по заслугамъ, становится полубогомъ, или вѣчно скитається въ царствѣ тѣней, или, наконецъ, мучится въ адѣ.

Христіанское ученіе о безсмертіи души изложено въ Св. Евангеліи и въ посланіяхъ Апостольскихъ, по преимуществу у Апостола Павла, а также развито Отцами Церкви. Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ слѣдующее: безсмертіе души есть христіанскій *догматъ*, въ который остается только *спирить*. Психологія, какъ наука, не можетъ не подтвердить его, ни опровергнуть. Вѣра и знаніе суть совершенно различныя области, что справедливо различаетъ Православный Катехизисъ: вѣра есть произведеніе сердца или религіознаго чувства, не только реального, но даже могучаго дѣятеля въ исторической жизни; знаніе есть продуктъ ума; первая имѣетъ предметомъ непостижимое, знаніе — постижимое. Тутъ не можетъ быть никакой точки соприкосновенія. Психологія, какъ наука, занимается въ душѣ, естественно, только тѣмъ, что въ ней постижимо, т. е. законами психическихъ явленій, ихъ взаимною связью и ихъ органическими причинами. Таковъ именно характеръ новѣйшей научной и фізіологической психологіи, которая меньше чѣмъ какая-либо другая психологія можетъ становиться въ разрѣзъ съ вѣрою.

Къ вѣрованіямъ можно отнести также понятія о душахъ *анимистовъ* и *спиритуалистовъ*.

Теорія о безплотной и безсмертной душѣ, продолжаю-

щей *личное* существованіе за гробомъ, у первыхъ основывается частію на нравственномъ убѣжденіи о будущей жизни, частію на нѣкоторыхъ, мало провѣренныхъ фактахъ изъ области таинственныхъ способностей души, не разясняемыхъ, какъ они говорятъ, научною психологіею, частію на quasi-психологическихъ соображеніяхъ. Воззрѣнія спиритуалистовъ основываются главнымъ образомъ на непосредственныхъ откровеніяхъ изъ «міра духовъ».

Какъ образчики анимизма мы можемъ взять профессора Бернского университета *Перти*, доктора медицины и философіи, человѣка, хорошо знакомаго съ физиологіею и психологіею (онъ принадлежитъ къ Гербартовской школѣ), но главнымъ образомъ специалиста по части «таинственныхъ явленій человѣческой природы» или, какъ онъ выражается, «магическихъ явленій» (главные его сочиненія: *Blicke in das verborgene Leben des Menschengeistes*, *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur*, 2 Bände, 1872, *Die Natur im Lichte philosophischer Anschauung* и пр.) и *Корнелиуса*, также Гербартіанца, въ частностяхъ хорошаго психолога, написавшаго, напр., кромѣ *Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele*, капитальное сочиненіе *Die Theorie des Sehens und räumlichen Vorstellung* (1861) и *Grundzüge einer Molecular-Physik* 1866. Въ книгѣ «Мистическія явленія человѣческой природы» собрана масса фактовъ, частію несомнѣнныхъ, частію возможныхъ, частію вовсе невѣроятныхъ и мало провѣренныхъ — относительно разныхъ таинственныхъ явленій животнаго магнетизма, ясновидѣнія, психическаго воздѣйствія одного человѣка на другаго на далекомъ разстояніи, экстаза и т. п. Старательное изученіе этихъ явленій привело Перти къ такимъ выводамъ: 1) существуютъ особыя силы и обусловливаемые

ими явленія (одни изъ нихъ чувственны, другія сверхъ-чувственны), которыя не могутъ быть объяснены на основаніи извѣстныхъ до сихъ поръ естественныхъ и психологическихъ законовъ, но требуютъ признанія законовъ высшаго порядка; эти силы и явленія могутъ быть названы *магическими*; 2) различныя явленія, приписываемыя въ прежнее время богамъ, духамъ, дьяволу и т. д. несомнѣнно обуславливаются *людьми*, одаренными особою (магическою) силою, проявляющеюся только въ нѣкоторыхъ личностяхъ и при опредѣленныхъ условіяхъ; 3) магическая сила, въ высокомъ смыслѣ, есть нѣчто, независящее отъ условій пространства и времени, нѣчто всеобщее и всемогущее, однимъ словомъ нѣчто, представляющее характеръ Божественности, изъ чего слѣдуетъ, что человѣческій духъ близокъ, по существу, къ Духу Божественному.

По мнѣнію Перти и Корнелиуса, душа есть жизненный принципъ, разлитый по всему тѣлу, но сосредоточивающійся преимущественно въ головномъ мозгѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что она составляетъ функцію послѣдняго; душа связана съ мозгомъ потому, что онъ специально приспособленъ для того, чтобы дѣйствовать на внѣшніе предметы и получать отъ нихъ впечатлѣнія. Душа есть субстанція нематеріальная, простая, недѣлимая, имѣющая способности чувствованія, мышленія и воли; она получаетъ возможность дѣйствовать какъ на собственное тѣло, такъ и на внѣшній міръ только въ связи съ центральною нервною системою и съ органами чувствъ. Такимъ образомъ, психическія явленія не могутъ быть сравниваемы съ движеніями пространственными и не объясняются дѣятельностью и группировкою мозговыхъ частичекъ. Для души необходимо особое вмѣстилище (Träger) изъ тонкой матеріи, атомы которой отличны

отъ грубыхъ атомовъ тѣла; только въ такомъ вмѣстилищѣ или субстратѣ могутъ развиваться и различнымъ образомъ связываться между собою представленія, какъ внутреннія состоянія этихъ тонкихъ атомовъ, которые, образуя одно цѣлое, обуславливаютъ единство сознанія. По Корнелиусу, душу можно считать единственнымъ въ своемъ родѣ, особо-тонкимъ атомомъ, вступающимъ во взаимодействие съ атомами тѣла (*Wechselwirkung zwischen Leib und Seele*). Сама по себѣ душа, какъ и всякая недѣлимая реальная единица, неимѣетъ ни какой активности, и, какъ *potentia*, лишена дѣйствительныхъ ощущеній, представленій и воли. Эти явленія, какъ дѣятельности души, освобождаются при дѣйствіи на душу чувственныхъ раздраженій. Душа животныхъ также нематеріальна, но не «духовна» и не лична. Животныя лишены разума, также какъ самосознанія и свободной воли; вся ихъ душевная дѣятельность ограничивается ощущеніемъ и знакомствомъ съ отдѣльными предметами. (Разумѣется Перти не правъ, утверждая, что душа животныхъ безлична и лишена самосознанія; всякій безпристрастный наблюдатель знаетъ, что животныя, напр. птицы, которыхъ очень удобно имѣть на глазахъ сразу въ значительномъ количествѣ, имѣютъ каждая свою индивидуальность, свой личный характеръ, свои наклонности и способности). «Душа, какъ жизненный принципъ тѣла, получаетъ свое происхожденіе отъ родителей, чѣмъ и обуславливается ея эмпирическая индивидуальность. Но черезъ сліяніе ея съ созданнымъ Богомъ духомъ она становится разумною душою, получаетъ печать бесмертія и вѣчности и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ характеръ личного, индивидуально опредѣлившагося существа, съ непрерывностью своихъ состояній, т. е. съ сознаніемъ и воспоминаніемъ». «Различіе индивидуальнаго характера

обусловливается различіемъ родителей, народовъ, расъ; общее между всѣми людьми есть разумный духъ, одинаковый у всѣхъ». (*Perty, Die myst. Erschein. d. menschl. Natur*). Когда тѣло становится неспособнымъ воспринимать вліяніе души, тогда связь между тѣломъ и душою прекращается. Тѣло, лишенное своего жизненнаго принципа, распадается на составныя части, душа перестаетъ получать впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, теряетъ общее чувство и сознаетъ себя отдѣленною отъ тѣла и внѣшняго міра. Но внутренняя дѣятельность ея не прекращается; напротивъ, жизнь представленій продолжается въ ней съ большею живостью, чѣмъ при соединеніи съ тѣломъ, и старыя, давно погасшія представленія, возникаютъ съ необычайною яркостью. Представленія нуждаются въ тѣлѣ и его органахъ для своего происхожденія, но, разъ возникши, они остаются вѣчною собственностью души, даже и послѣ отдѣленія ея отъ тѣла. Лучшіе люди чувствуютъ только сожалѣніе о своей земной жизни, и снова переживаютъ съ реальною ясностью пережитое и перечувствованное во время тѣлесной жизни. Другіе должны выносить душевную боль и жгучее раскаяніе изъ за ошибокъ и проступковъ, совершенныхъ при жизни, такъ какъ нравственное чувство послѣ смерти, не нарушаясь чувственными интересами, становится болѣе строгимъ и неумолимымъ, чѣмъ прежде. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени наступаетъ въ душѣ состояніе равновѣсія, раньше у тѣхъ, которые при жизни имѣли счастье достигъ нравственнаго примиренія и душевной гармоніи, позже — у людей страстныхъ и мятущихся духомъ. (*Perty, указ. сочин. Cornelius, Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele. 1871*). Перти даже полагаетъ, что по вступленіи души въ міръ духовъ она начинаетъ получать сообщенія отъ другихъ

духовныхъ существъ; этимъ дается возможность дальнѣйшаго усовершенствованія души, цѣль котораго есть приближеніе къ Богу. Продолженіе развитія за гробомъ обусловливается взаимнымъ общеніемъ духовныхъ существъ. Разумѣется, при сохраненіи душею ея индивидуальности, она сохраняетъ и свои особенности, зависящія отъ различія пола и характера. Предоставляемъ самимъ читателямъ разобрать, — что у Корнеліуса и Перти, въ ихъ общихъ воззрѣніяхъ на душу, принадлежитъ къ научной теоріи, что относится къ вѣрованіямъ. Другіе авторы подобнаго-же направленія не думаютъ, что душа человѣка создается въ моментъ рожденія, какъ полагаютъ Перти и вообще *креатинисты*, а считаютъ ее существовавшею отъ вѣка (*престабиллисты*). Такое-же представленіе существуетъ во многихъ древнихъ религіозныхъ ученіяхъ, также у Пифагора и Платона.

Очевидно, что отъ анимистическаго ученія о душѣ недалеко до вѣрованій *спиритуалистовъ* (спиритовъ). Извѣстно, что въ настоящее время спиритуализмъ, т. е. вѣра не только въ существованіе духовъ или душъ прежде жившихъ людей, но и въ возможность общенія съ ними здѣсь, на землѣ, раздѣляется многими миллионами людей, особенно въ Англіи и Америкѣ. Спиритуалисты составляютъ теперь большое религіозное общество или секту, создавшую собственную религію, имѣющую свои таинства, свое откровеніе и своеобразную обширную литературу. О существованіи души за гробомъ спиритуалисты заключаютъ изъ несомнѣннаго для нихъ факта возможности общенія съ духами на землѣ; подробности-же загробной жизни взяты изъ откровенія или изъ непосредственныхъ сообщеній духовъ. Какъ примѣръ достаточно привести откровеніе, полученное отъ духа своего отца Робертомъ *Гэромъ*, профессоромъ химіи Пенсильванскаго универси-

тета, извѣстнымъ ученымъ, сдѣлавшимъ много важныхъ оригинальныхъ работъ по химіи, и въ тоже время глубоко убѣжденнымъ спиритуалистомъ. Какъ извѣстно, спиритисты получаютъ сообщенія отъ духовъ посредствомъ постукиваній, производимыхъ духами, посредствомъ движеній стола (причемъ или число движеній стола указываетъ буквы, или же столъ приводитъ въ движеніе указатель, движущійся по циферблату съ азбукою), или, наконецъ, посредствомъ медиумовъ. Откровеніе Гэра получено на азбучномъ циферблатѣ, прочитано потомъ невидимому автору сообщенія, и такимъ образомъ редактировано имъ. Сущность этого сообщенія состоитъ въ слѣдующемъ: «Міръ духовъ» лежитъ на разстояніи отъ 60 до 120 англійскихъ миль отъ поверхности земли. Все это пространство, со включеніемъ части пространства, прилегающей къ земной поверхности и принадлежащей смертнымъ, раздѣляется на 7 концентрическихъ областей или *сферъ*. Человѣческая сфера есть первая сфера или *рудиментарная*, остальные — *духовныя* сферы. Шесть духовныхъ сферъ состоятъ изъ особой тонкой матеріи, съ животворною атмосферою и въ нихъ существуютъ величественныя горы, живописныя долины, лѣса, рѣки и моря, — все то же, что существуетъ на землѣ, только въ болѣе прекрасномъ и совершенномъ видѣ. Чѣмъ выше сфера, тѣмъ богаче и совершеннѣе ея тонко-матеріальная природа. Сферы эти вращаются около солнца вмѣстѣ съ землею, но освѣщаются не нашимъ солнцемъ, а концентрическимъ съ нимъ «духовнымъ солнцемъ». Существованіе сферъ и ходъ явленій въ нихъ обуславливается строгими законами, неодинаковыми для каждаго круга. Жизнь духовъ или душъ прежде жившихъ людей также регулируется опредѣленными внутренними законами, исходящими отъ Бога и передающимися въ каж-

дую сферу ангелами. Но вообще образъ правленія тамъ аристократическій; Богъ оставляетъ каждую сферу управляться по своему, и живущіе тамъ духи подчиняются авторитету духовъ, отличающихся моральными и интеллектуальными достоинствами и составляющихъ правительство этихъ небесныхъ олигархическихъ республикъ. Степень нравственнаго и умственнаго совершенства духовъ различна, смотря по сферѣ. Души ученыхъ людей и людей добродѣтельныхъ сразу занимаютъ высокое мѣсто, и прямо попадаютъ, напр., въ пятую сферу. Души людей, менѣ развитыхъ и менѣ нравственныхъ, должны начинать со второй. Духъ Вашингтона находится въ самой высшей сферѣ. По мѣрѣ нравственнаго и физическаго преуспѣянія, духи переводятся изъ ниснихъ сферъ въ высшія. Нисніе духи и на небѣ, подобно «меньшимъ братіямъ» на землѣ, занимаются болѣе механическими и грубыми работами, непосильными высокоразвитымъ высшимъ духамъ. Нисніе духи, напр., употребляются для передвиженія матеріальныхъ предметовъ при спиритическихъ сеансахъ и вообще служатъ посредниками между высшими духами и смертными. Бываютъ легкомысленные и мало интеллигентные духи, которые нуждаются даже иной разъ въ исправительныхъ наказаніяхъ. Каждая сфера дѣлится въ соціальномъ отношеніи на шесть провинцій или обществъ, и каждая имѣетъ учителей изъ высшихъ сферъ. Безсмертные духи, такъ же какъ и мы, занимаются всякими науками и искусствами, только источники ихъ знанія гораздо доступнѣе и обильнѣе чѣмъ наши. Въ отношеніи науки и на небѣ имѣетъ мѣсто безконечный прогрессъ. Вообще, — всѣ условія и порядки жизни на небѣ, сообщаемые Гэромъ въ главныхъ чертахъ, до такой степени похожи на наши, конечно въ исправленномъ и улучшенномъ видѣ, что скучно все это пересказывать.

Желающіе знать подробности могутъ обратиться къ сочиненію Гара: «Experimentelle Untersuchungen über Geistermanifestationen». Прибавимъ, что по сообщеніямъ, полученнымъ Гаромъ отъ духовъ многихъ изъ его прежнихъ друзей, процессъ смерти нисколько не страшенъ, по крайней мѣрѣ для лучшихъ людей. Кажется, что просто просыпаешься, и иной разъ не сразу даже поймешь, что находишься уже за предѣлами земной юдоли. Замѣтимъ также, что на томъ свѣтѣ, какъ оказывается и «женятся и посягаютъ». Супругамъ, переселившимся въ духовныя сѣры, предоставляется на выборъ или продолжать сожителство другъ съ другомъ, или вступить въ новый бракъ съ другими душами.

Говоря о спиритуалистахъ изъ ученыхъ, нельзя не упомянуть объ *Альфредѣ Уоллестѣ*, знаменитомъ соперникѣ Дарвина по открытію теоріи естественнаго подбора. Уоллестъ замѣчателенъ по своей попыткѣ примиренія спиритуализма съ естественными науками. Въ небольшомъ произведеніи, озаглавленномъ «Научное воззрѣніе на сверхъестественное (The scientific aspect of the supernatural, London 1866), онъ, соглашаясь съ Тиндалемъ относительно невозможности чудесъ, какъ явленій, выходящихъ изъ сѣры закона сохраненія силы, тѣмъ не менѣе говоритъ, что чудо можетъ быть только видимымъ, т. е. зависѣть отъ какого нибудь закона природы, до сихъ поръ еще не открытаго. Онъ полагаетъ, «что безъ малѣйшихъ противорѣчій нашимъ знаніямъ о природѣ и ея законахъ мы можемъ допустить, что существуютъ разумныя существа, способныя дѣйствовать на матерію, хотя сами они непосредственно не доступны нашимъ чувствамъ. Эти существа должны состоять изъ самой тонкой, эфироподобной матеріи. Вѣдь наука допускаетъ-же, что существуетъ особая тончайшая и невѣ-

сояма матерія — эфиръ, движеніями которой объясняются всевозможныя явленія природы, свѣтъ, теплота, электричество, магнетизмъ «и вѣроятно также жизненная сила и тяготѣніе». Если таковыя эфирныя и разумныя существа дѣйствительно существуютъ (что, по мнѣнію Уоллеса, несомнѣнно доказывается явленіями спиритизма и другими таинственными явленіями, засвидѣтельствованными людьми учеными и заслуживающими абсолютнаго довѣрія), то нѣтъ никакого основанія не допустить, чтобы они не могли пользоваться тѣми эфирными силами, которыя составляютъ источникъ всѣхъ извѣстныхъ намъ явленій, — электричества, магнетизма и пр. Если движеніе эфира доступно нашимъ чувствамъ только въ формѣ свѣта, электричества и пр., то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эфирныя существа не имѣли другихъ, высшихъ способовъ воспріятія, такъ же непохожихъ на наши, какъ зрѣніе не похоже на слухъ. Вѣдь мы не можемъ отвергать, что кромѣ тѣхъ движеній эфира, которыя доступны нашимъ чувствамъ, могутъ быть безконечныя виды колебаній, намъ вовсе недоступныхъ; почему-же не могутъ существовать организаціи, способныя воспринимать эти движенія? Дѣйствительно, вѣрующіе въ безсмертіе души не должны видѣть ничего удивительнаго въ существованіи сверхъчувственныхъ эфирныхъ существъ, имѣющихъ способы познанія, отличные отъ нашихъ, и потому въ отношеніи разума стоящихъ выше насъ. Нѣтъ даже необходимости, чтобы «духи» (мы говоримъ прямо «духи», потому что Уоллесъ вѣритъ въ «духовъ» въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ спиритисты) непременно стояли выше смертныхъ въ умственномъ отношеніи. На землѣ каждый день умираетъ множество людей, стоящихъ очень невысоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и души ихъ, прежде чѣмъ успѣютъ усовершенство-

ваться въ загробномъ мірѣ, должны быть много ниже по уму и развитію нашихъ высокоразвитыхъ ученыхъ и философовъ. Эфирные духи, хотя бы они и пользовались силами, намъ недоступными, не должны считаться сверхъестественными. Общіе законы природы, напр. неуничтожимость матеріи, законъ сохраненія силы,—и для нихъ имѣетъ то же значеніе, какъ и для насъ. *Сверхъ-чувственный міръ не есть міръ сверхъ-естественный*; это — продолженіе нашего міра, только въ видѣ менѣе грубомъ и болѣе совершенномъ, и законъ непрерывнаго развитія такъ-же дѣйствителенъ въ томъ мірѣ, какъ и въ этомъ.

При всей видимой логичности возрѣній Уоллеса можно ему возразить слѣдующее. Недоказано, чтобы тѣ явленія (предполагая, что они строго провѣрены и очищены отъ всякихъ умысленныхъ и неумысленныхъ преувеличеній), по которымъ спиритисты считаютъ несомнѣннымъ существованіе духовъ, не могли быть объяснены другимъ образомъ, напр. психологически, при помощи извѣстныхъ намъ законовъ психической дѣятельности, или законовъ, еще подлежащихъ открытію. Недоказано также, чтобы душа могла существовать независимо отъ тѣла (мы говоримъ о научномъ доказательствѣ и не думаемъ касаться вѣры, какъ факта совсѣмъ другаго порядка), недоказано, что душа связана съ особою тонкою матеріею, отличною отъ тѣла, а не съ грубыми атомами нервной ткани. Далѣе, нельзя трактовать объ эфирѣ, какъ о несомнѣнной реальности. Эфиръ есть ничто иное, какъ научная гипотеза, необходимая въ настоящее время для пониманія и объединенія фактовъ, но — все таки гипотеза. Матерія, лишенная вѣса,—собственно такая-же немыслимость, какъ «нематеріальная матерія». Гипотеза объ эфирѣ обязана своимъ происхожденіемъ тому, что въ наукѣ понадобилось математическое представленіе о

матеріи, какъ о математическихъ точкахъ приложенія силы. Эфиръ такъ же мало реаленъ, какъ мало реальна математическая точка.

Если что замѣчательно въ воззрѣніяхъ анимистовъ и спиритистовъ, то это ихъ противоположность съ философами метафизиками. Метафизики одухотворяють матерію, спиритуалисты материализируютъ душу.

II.

Покончивши собственно съ вѣрованіями, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію понятій о душѣ у философовъ, начиная съ самыхъ древнихъ.

Первый изъ греческихъ философовъ, у котораго можно найти болѣе опредѣленное воззрѣніе на психическую жизнь, — *Діогенъ Анполонскій*, изъ школы физиковъ, жившій около 460 г. до Р. Х. По его мнѣнію, душа есть ничто иное какъ воздухъ (πνεῦμα), такъ какъ этотъ философъ, слѣдуя Анаксимену, считалъ воздухъ началомъ всего сущаго. Если душа есть воздухъ, то воздухъ есть душа вселенной, потому что онъ живущъ и разуменъ. Человѣкъ, по мнѣнію Діогена, разумнѣе животныхъ только потому, что онъ дышетъ болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ животныя, голова которыхъ находится ближе къ землѣ. Конечно, это самое грубое и примитивное изъ всѣхъ психологическихъ воззрѣній.

Такой-же послѣдователь Анаксимена, какъ Діогенъ, — элеатъ *Ксенофанъ*, находилъ существенное различіе между душою человѣка и Божествомъ въ томъ, что душа есть воздухъ, Богъ-же слышитъ и видитъ всѣ вещи безъ посредства дыханія.

Что касается вообще до школы элеатовъ, то послѣдніе были чистыми *раціоналистами*, потому что по

ихъ ученію сущность вещей сводилась къ чистому разуму. Если же человѣку свойственно ошибаться, то это зависитъ, по мнѣнію Ксенофана, отъ того, что разумъ затемняется чувствами. *Гераклитъ*, также признававшій всемірный разумъ, объяснялъ ограниченность человѣческаго ума тѣмъ, что въ людяхъ слишкомъ мало Божественнаго эфира.

По *Пифагору*, душа есть монада или единица, движущаяся сама собою. Будучи единицею, душа совершенна, но, находясь въ движеніи, она, естественно, должна становиться несовершенною и снова стремиться къ совершенству. Душа человѣка состоитъ изъ трехъ элементовъ, *разума* (νοῦς), составляющаго отличительное свойство человѣка, *пониманія* (φρόνη), и *страсти* (θорός), общихъ человѣку и животнымъ. Хотя такое различіе, повидимому, не вѣжется съ ученіемъ о переселеніи душъ, тѣмъ не менѣе Пифагоръ вѣрилъ въ это переселеніе. Монада, называемая душею, по Пифагору, можетъ существовать въ двухъ видахъ, или состоящею изъ двухъ элементовъ (пониманія и страсти), какъ у животныхъ, или изъ трехъ, какъ у человѣка. Падая ниже себя, человѣческая душа нисходитъ до уровня животной души, — отсюда возможность переселенія души человѣка въ животныхъ и даже въ растенія. Последнія лишены не только разума, но и способности пониманія. Такимъ образомъ, уже Пифагоръ не отказывалъ животнымъ въ пониманіи и чувствѣ, тогда какъ многіе изъ философовъ XVIII вѣка, какъ мы увидимъ ниже, смотрѣли на нихъ какъ на машины.

Изъ позднѣйшихъ философовъ большая часть отдѣляли отъ души *духъ*, какъ высшую психическую дѣятельность, и придавали ей безконечное и всеобъемлющее значеніе. Духъ есть источникъ нашего познанія, частица міроваго

или Божественнаго разума. Въ противоположность этому, нѣкоторые, какъ напр. *Аристиппъ*, отвергая, по ограниченности человѣческаго пониманія, возможность познанія сущности вещей, довольствовались *сенсуализмомъ*. Такимъ образомъ, сенсуализмъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, матеріализмъ, въ сущности не менѣе древни, чѣмъ идеализмъ. Такъ какъ чувства наши обманчивы, говорилъ Аристиппъ, то мы не только не можемъ вѣрно постигать чувственные предметы, мы даже можемъ сомнѣваться въ ихъ реальности; реальность-же нашихъ ощущеній не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Единственный критерій истины заключается въ ощущеніи:—положеніе чисто сенсуалистическое.

Демокритъ, жившій около 460 г. до Р. Х., особенно замѣчателенъ какъ творецъ перваго механическаго міровоззрѣнія. Положенія его частію навсегда останутся въ наукѣ. Вотъ его главные тезисы:

1. Изъ ничего ничего не происходитъ. Ничто изъ существующаго не уничтожимо. Всѣ измѣненія сводятся на сложеніе и разъединеніе частичекъ матеріи.

2. Нѣтъ ничего случайнаго, но все совершается по необходимости и по опредѣленной причинѣ.

3. Существуютъ только *атомы* и *пространство*, все остальное — ничто иное какъ мнимость.

4. Атомы (послѣдніе элементы матеріи) безчисленны и безконечно разнообразны по формѣ. Міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что атомы находятся въ вѣчномъ движеніи, причемъ большіе, двигаясь въ безконечномъ пространствѣ быстрѣе меньшихъ, натакиваются на послѣдніе. Вслѣдствіе происходящаго при этомъ усложненія движенія образуются безчисленные міры, которые если могутъ возникать, то могутъ и исчезать.

5. Различіе всѣхъ вещей сводится на различіе атомовъ по числу, величинѣ, формѣ и расположенію. Другаго различія между атомами нѣтъ, такъ что они не имѣютъ никакихъ внутреннихъ состояній, но могутъ дѣйствовать другъ на друга только механически, — давленіемъ или ударомъ.

6. Душа, подобно огню, состоитъ изъ тонкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ. Атомы души—самые подвижные и потому при движеніи они проникаютъ все тѣло, обуславливая явленія жизни. Предметы отдѣляютъ свои образы (εἰδωλα), которые черезъ поры органовъ чувствъ воспринимаются душою.

Такимъ образомъ, у Демокрита, какъ и у Діогена Апполонскаго, душа матеріальна, но только матерія ея совершенно особая. Въ этомъ отношеніи оказывается большое сходство между воззрѣніями Демокрита и вѣрованіями новѣйшихъ спиритуалистовъ, особенно изъ «ученой братіи». Демокритъ признаетъ разницу между тѣломъ и душою, считая послѣднюю существеннѣйшимъ началомъ въ человѣкѣ, — началомъ, для котораго тѣло служитъ какъ-бы вмѣстилищемъ. Только душа у Демокрита вовсе не божественна, но чисто матеріальна и механична. Несмотря на грубую матеріалистичность психологіи Демокрита, въ ней можно найти много общаго съ психологіею Лейбница и нѣкоторыхъ матеріалистовъ, полагающихъ что образы предметовъ отражаются въ умѣ.

Прямыми послѣдователями Демокрита были Эпикурейцы. Такъ *Эпикуръ* полагалъ, что атомы, изъ которыхъ состоитъ вселенная, постоянно отдѣляютъ отъ себя частицы (απορροαι), которыя, приходя въ соприкосновеніе съ органами чувствъ, обуславливаютъ ощущенія (αἴσθησις). Изъ частныхъ ощущеній, какъ общее, образуются пред-

ставленія (πρόληψις), а изъ послѣднихъ происходятъ общія идеи (δόξαι).

Что касается до *Сократа*, то онъ, какъ извѣстно, былъ по преимуществу моралистъ. По его ученію, душа есть руководящее и управляющее нами начало, духовное и невидимое, причастное Божественной природѣ и потому безсмертное.

Къ матеріалистическому представленію о душѣ присоединялись *софисты*, представителемъ которыхъ можетъ служить *Протагоръ*. «Все ощущаемое нами существуетъ», говорилъ Протагоръ, «не ощущаемое ни однимъ человекомъ не существуетъ вовсе». Абсолютной истины нѣтъ, и все истинное истина только относительно. Мысль тождественна съ ощущеніемъ, а причина ощущенія лежитъ въ матеріи. Знаніе наше ограничено, но тѣмъ не менѣе человекъ есть критерій всего сущаго («человекъ есть мѣра всѣхъ вещей»).

Ученіе о врожденныхъ идеяхъ имѣется въ зародышѣ еще у элейца *Парменида*. Знаніе, получаемое изъ чувственного опыта недостоверно, истинное-же знаніе составляютъ прирожденные идеи. Развитіе ученія объ этихъ идеяхъ принадлежитъ Платону (+ 430 до Р. Х.).

По поэтическому представленію *Платона*, душа безсмертна и когда-то находилась въ мірѣ боговъ, гдѣ имѣла возможность познавать вѣчную истину. Но попавши на землю и ставъ заключенною въ брѣнную оболочку тѣла, она потеряла способность познавать міръ иначе какъ въ его постоянно измѣняющемся внѣшнемъ теченіи; другими словами, она познаетъ только частности. Понятіе-же объ общемъ, познаніе неизмѣнной идеи, лежащей въ основѣ всего сущаго, можетъ являться въ душѣ только въ видѣ отрывочнаго воспоминанія изъ прежней, неземной жизни. Абсолютной истиной владѣютъ только небо-

жители, смертные-же обладают лишь большею или меньшею долею божественнаго разума, большею или меньшею возможностью познавать *нумы* или идеи. Такимъ образомъ, соотвѣтственно двумъ мірамъ—небесному и земному—существуютъ какъ-бы два рода души въ человѣкѣ, одна разумная, познающая идеи или общее (нумы), другая чувственная, имѣющая дѣло съ явленіями (феноменами) и пробуждающая воспоминанія въ первой душѣ.

Аристотель, (+ 384 до Р. Х.), этотъ высшій авторитетъ схоластиковъ, у котораго мыслимое и реальное нераздѣльно, опредѣляетъ душу такъ (*de anima* II. 1): «душа есть первое осуществленіе живущаго, сообразно возможности, тѣла, обладающаго органами». Опредѣленіе это, конечно, неточно и довольно туманно. Кромѣ того, Аристотель смотрѣлъ на человѣка какъ на высшее твореніе, заключавшее въ себѣ природы всѣхъ нисшихъ существъ. Такъ, функція растенія есть *питаніе* и *произростаніе*, поэтому душа растеній есть *anima vegetativa*; животныя, кромѣ того, что питаются и растутъ, способны къ ощущенію и стремленію, поэтому, кромѣ растительной души, они имѣютъ душу высшую — *animam sensitivam*; наконецъ, человѣкъ, вѣнецъ творенія, обладающій высшимъ разумомъ, кромѣ названныхъ двухъ родовъ души, имѣетъ душу разумную и бессмертную — *animam rationalem*, составляющую часть вѣчной, безусловной, недвижимой субстанціи или Бога.

Психологія *стоиковъ* напоминаетъ Аристотелевскую. По ихъ ученію, матеріалъ знанія дается чувствами и обрабатывается разумомъ. Изъ частныхъ чувственнаго опыта возникаютъ идеи. Изъ *стоиковъ* *Зенонъ* полагалъ, что чувство даетъ намъ понятіе не объ одной только вѣщности вещей, но и о самой ихъ сущности. Кри-

терій істини заключається въ такъ называемомъ имъ *каталептическомъ фантазмъ* (τῇν καταλεπτικὴν φαντασίαν), т. е. въ представленіи, возникающемъ изъ чувственного воспріятія. Фантазмы бывають вѣроятные и невѣроятные, также такіе, истинность которыхъ невозможно провѣрить. Въ числѣ вѣроятныхъ фантазмовъ есть истинные, ложные и неопредѣленные. Истинные фантазмы могутъ быть каталептическими, но могутъ происходить и независимо отъ реальныхъ предметовъ, какъ напр. галлюцинаціи при умственномъ разстройствѣ.

Противоположность каталептическому ученію стоиковъ составляетъ *Аркезилай* (изъ философовъ новой Академіи, причисляемыхъ вообще къ скептикамъ) со своимъ *акаталептизмомъ*. По его понятію, всѣ представленія акаталептичны, т. е. несходны съ ощущаемыми предметами. Ощущенія или измѣненія души не совладають съ внѣшними объектами. Наши представленія не суть даже копія предметовъ или εἰδωλα, какъ думалъ Демокритъ, это—просто измѣненія состоянія души, вызываемыя объектами. Всякое знаніе относительно и даже обманчиво, потому что міръ самъ по себѣ вовсе не похожъ на міръ въ нашемъ представленіи.

Вліяніе *Христіанства* на философію Александрійской школы выразилось въ богословскомъ направленіи послѣдней. Это вліяніе отразилось, конечно, и на психологіи. Древняя философія въ концѣ концовъ пришла къ скептицизму. Философы первыхъ вѣковъ Христіанской эры въ помощь разуму, признанному ограниченнымъ, призвали вѣру,—и философія была подчинена теологіи.

Замѣчательнѣйшіе изъ христіанскихъ неоплатониковъ *Плотинъ*, *Оригенъ* и *Лонгинъ*.

По ученію *Плотина*, причина нашей разумной дѣятельности есть управляющая нами безсмертная душа,

часть духа, разумно управляющаго міромъ. Этотъ превѣчный, міровой духъ (ψυχη) есть Богъ, совмѣщающій въ себѣ три ипостаси, изъ которыхъ первая представляетъ высшее единство, вторая—бытіе, нераздѣльное съ разумомъ, третья есть животворящій духъ, причина всякой дѣятельности и силы. Знаніе, имѣющее предметомъ конечное, не можетъ постигать безконечнаго, которое становится доступнымъ душѣ только при непосредственномъ созерцаніи Вѣчной Истины въ состояніи восторга (экстаза), когда душа, освобождаясь отъ тѣлесныхъ узъ, теряетъ индивидуальное сознаніе, и погружается въ Вѣчный Разумъ. Точно также, послѣ смерти тѣла, душа, теряя свое личное бытіе, сливается съ Вѣчнымъ Разумомъ въ бытіи абсолютномъ. Въ предсмертной агоніи Плотинъ сказалъ: «я борюсь, чтобы освободить заключенное во мнѣ Божество.»

Древняя философія заканчивается *Прокломъ*, послѣднимъ изъ философовъ Александрійской школы. Воззрѣнія Прокла оригинальны тѣмъ, что у него законы и отношенія идей выражаютъ законы и отношенія реальнаго міра, такъ что знать природу ума,—значить знать уже весь міръ. Въ этомъ отношеніи онъ предупредилъ Гегеля.

Въ средніе вѣка философія тѣсно связывается съ теологіею и переходитъ въ руки *схоластиковъ*, *) слѣпо признававшихъ авторитетъ Аристотеля, хотя знавшихъ послѣдняго большею частію по неполнымъ и даже сомнительнымъ источникамъ и преимущественно занимавшихся логикою и діалектикою. Арабскую школу тоже можно оставить въ сторонѣ, потому что и она основалась главнымъ образомъ на Аристотелѣ.

*) *Схоластика* получила названіе отъ школъ для спекулятивной философіи, открытыхъ Карломъ Великимъ при монастыряхъ.

Съ возрожденіемъ наукъ, послѣ паденія Константинополя, въ философію снова проникли свѣжія струи греческаго вліянія. Съ возрожденія авторитетъ Аристотеля начинаетъ постепенно понижаться, и совершенно падаетъ во время реформаціи, послѣ *Галилея* и *Коперника* (1543). Первые борцы реформаціи, сторонники свободы совѣсти и свободнаго научнаго мышленія, какъ напр. *Меланхтонъ*, въ психологіи высказывались въ матеріалистическомъ духѣ.

Доминиканецъ Джіордано Бруно, мужественно погибшій за свои идеи на кострѣ въ Римѣ въ 1600 г., былъ рѣшительный противникъ Аристотеля, нападать на котораго въ то время значило все равно, что возставать на религію. Джіордано Бруно былъ также сторонникъ новой тогда Коперниковой системы міра. Какъ философъ онъ былъ пантеистъ; онъ признавалъ единого, безконечнаго, проникавшаго все сущее духа и считалъ душу частью этой безконечной субстанціи. Чѣмъ выше живое существо, тѣмъ совершеннѣе его разумъ, такъ что въ этомъ отношеніи живыя существа идутъ по степенямъ совершенства. Въ то же время Джіордано Бруно близокъ къ матеріалистамъ, потому что, по его мнѣнію, матерія не сотворена, но существовала отъ вѣка; Богъ только вдохнулъ въ превѣчный міръ жизнь и дѣятельность. Матерія не нуждается въ воздѣйствіи извнѣ, но всю безконечность формъ своихъ раждаетъ изъ собственныхъ нѣдръ путемъ раздѣленія и развитія. Матерія не лишена формъ, но скорѣе заключаетъ всѣ формы въ самой себѣ. Однако, душа міра, вмѣсто того, чтобы необходимо возникать изъ матеріи, становится творческимъ принципомъ и, такимъ образомъ, первоначальный матеріализмъ становится у Бруно уже чистымъ пантеизмомъ.

III.

Бэконъ и *Декартъ* представляютъ два противоположные метода въ философіи. Первый есть творецъ *опытнаго* или *индуктивнаго* метода, второй, называемый отцомъ новой философіи, есть творецъ метода *дедуктивнаго*. Полное изложеніе ученій этихъ мыслителей выходитъ изъ рамокъ этой статьи и потому мы скажемъ только объ ихъ психологическихъ воззрѣніяхъ.

Бэконъ относительно своихъ понятій о душѣ въ сущности материалистъ. Хотя онъ и признавалъ въ человѣкѣ *animam rationalem*, но только по чисто религіознымъ основаніямъ и эту душу онъ не считалъ постижимой. По его мнѣнію, въ сферу науки можетъ входить только *anima sensitiva*, состоящая изъ тонкой матеріи. Вообще *Бэконъ* не признавалъ нематеріальныхъ субстанцій.

Не смотря на всю противоположность *Декарта* съ материалистами, въ своемъ взглядѣ на животныхъ онъ превзошелъ даже материалистовъ. По его мнѣнію, какъ растенія, такъ и животныя суть чистыя машины и существенной разницы между міромъ органическимъ и неорганическимъ нѣтъ. Замѣтимъ, что вообще во время *Декарта* много занимались психологіею животныхъ, и нѣкоторые, какъ напр. *Монтень* и *Геронимъ Рораріусъ* утверждали, что животныя часто отличаются большею разумностью, чѣмъ люди; *Рораріусъ* написалъ даже серьезный трактатъ подъ заглавіемъ «*quod animalia bruta saepe ratione utantur melius homine*». Правда, Декартовскія животныя — машины, думающія, но это неудивительно, если у него и «жизненный духъ» человѣка собственно есть матерія, подлежащая физико-математическимъ законамъ. Но «разумный духъ» въ человѣкѣ, по Декарту, есть нѣчто совершенно отличное отъ тѣла, потому что

тѣло имѣетъ протяженіе и есть субстанція, основной-же атрибутъ духа — мысль. Протяженіе и мысль различны, слѣдовательно, тѣло и духъ также различны.

Спиноза, такъ же какъ и *Декартъ* исходилъ изъ того, что все, истинное въ мысли, истинно и въ реальности. По мнѣнію его, душа есть часть едино-реальной, безконечной и безтѣлесной субстанціи Бога. Не останавливаясь далѣе на *Спинозѣ*, мы переходимъ собственно къ *философамъ-психологамъ* (XVII вѣкъ).

Возврѣнія *Гоббса* прямо противорѣчатъ ученію *Декарта* о врожденныхъ идеяхъ и старой доктринѣ о духовности ума. *Гоббсъ* въ психологіи рѣшительно становится на почву опыта. Сущность его психологіи состоитъ въ слѣдующемъ. Каждая мысль есть образъ или представленіе какого-нибудь качества предмета, которое находится внѣ насъ и называется *объектомъ*. Общее начало всѣхъ представленій лежитъ въ чувствахъ. *Nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu* — изрѣченіе, приписываемое еще *Аристотелю*. Воздѣйствіемъ внѣшнихъ предметовъ обуславливается исходящее изъ сердца органическое движеніе, которое затѣмъ, черезъ посредство мозга, совершается обратно изъ органовъ чувствъ; это — собственно стремленіе къ объекту (*conatus*), и этимъ стремленіемъ объясняется проэкція представленій наружу. Изъ ощущеній рождаются представленія, изъ комбинаціи и воздѣйствія которыхъ возникаютъ представленія болѣе сложные. Всѣ познаваемые нами качества объекта суть ничто иное какъ движеніе матеріи, которое и въ нашихъ органахъ чувствъ вызываетъ соотвѣтствующее движеніе, потому что движеніе ничего другого кромѣ движенія родить не можетъ. Движеніе въ органахъ чувствъ передается мозгу и затѣмъ отражается на сердцѣ, отчего и происходитъ ощущеніе. Человѣческія способности раз-

дѣляются на физическія и умственные. Между первыми можно различать силу *питанія, воспроизведенія и мышечнаго движенія*; между умственными способностями различаются способности *познаванія, воображенія или представленія и движенія*. Все воображаемое нами — конечно, о безконечномъ-же мы не можемъ имѣть никакого представленія. Гоббсъ первый высказалъ ту истину, что наши ощущенія прямо не соотвѣтствуютъ вѣшнымъ предметамъ, но что это — только измѣненія нашего ощущающаго существа.

Если Гоббсъ принималъ только *одинъ* источникъ идей, то Локкъ утверждаетъ, что существуютъ *два* таковыхъ источника, *ощущеніе и рефлексія*. Большая часть нашихъ идей происходитъ изъ чувственного опыта, но есть еще источникъ знанія *идеальнаго*, «изъ котораго опытъ почерпаетъ идеи для разума» (Essay on the Human Understanding), это — рефлексія или «внутреннее чувство», посредствомъ котораго мы, напр., достоверно знаемъ о существованіи Бога. Вѣшніе предметы, дѣйствуя на чувства, даютъ матеріаль знанія; посредствомъ внутренняго опыта умъ познаетъ свои собственные отправления. «Разумъ, разъ снабженный изъ этихъ источниковъ простыми идеями, обладаетъ способностью повторять, сравнивать и комбинировать идеи съ разнообразіемъ почти безконечнымъ и, такимъ образомъ, можетъ производить сложныя идеи». Но никакая проникаемость, никакой обширный умъ, никакая быстрота или разнообразность мысли не въ состояніи произвести въ умѣ хотя одну простую идею, не вошедшую въ него вышеуказанными путями. Разумѣется, и Локкъ не принималъ соотвѣтствія между предметами и нашими идеями, но считалъ знаніе исключительно субъективнымъ. «Знаніе наше ограничивается идеями и есть ничто иное какъ пониманіе связи

и согласія или противорѣчія и несогласія между нашими идеями». Поэтому, оно относительно. Истина, оставаясь для насъ истиною, можетъ быть ложною съ абсолютной точки зрѣнія.

Изъ философовъ XVIII вѣка *Джорджа Берклея*, епископа Клойнскаго, можно по справедливости считать главою *идеализма*. Для Берклея объекты знанія суть идеи, которыя, разумѣется, не могутъ существовать безъ познающаго ихъ разума. Отсюда — отрицаніе матеріи какъ *отвлеченной идеи*. Матерія, какъ неизвѣстный субстратъ, существованіе котораго Локкъ считалъ необходимымъ выводомъ изъ нашего знанія, по мнѣнію Берклея, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи Берклея ближе къ реализму, чѣмъ кажется, потому что онъ отвергалъ матерію какъ «вещественную сущность», неизвѣстную и недоступную чувствамъ, а не матерію видимую и осязаемую. Вопросъ о происхожденіи знанія Берклея рѣшаетъ подобно Локку, но для него все небесное и земное не имѣетъ существованія отдѣльно отъ познающаго ихъ разума. Человѣческое знаніе есть, слѣдовательно, мѣра всѣхъ вещей, а умъ или духъ есть единая реальность, безконечная и безсмертная. Существенная заслуга Берклея состоитъ въ томъ, что онъ показалъ всю бесплодность онтологическихъ спекуляцій (умозрѣній) и проложилъ путь *скептицизму*, къ представителямъ котораго въ XVIII вѣкѣ мы и переходимъ.

Берклея пришелъ къ заключенію, что матерія есть фикція (мнимость). Юмъ пошелъ еще далѣе и рѣшилъ, что духъ или душа точно также есть фикція; таинственный субстратъ, предлагаемый для объясненія явленій жизни, т. е. душа, отрицается имъ. О матеріи онъ говоритъ только какъ о совокупности впечатлѣній и идей. Мы знаемъ только впечатлѣнія и идеи, субстанція-же

отъ которой они исходятъ, точно такъ-же, какъ субстанція, воспринимающая ихъ, недоступны намъ.

Къ Локку прямо примыкаетъ *Этьенъ Кондильякъ*. Но въ своемъ знаменитомъ трудѣ «*Traité des sensations*» онъ, оставляя Локка, является чистымъ *сенсуалистомъ*. По его мнѣнію, всѣ наши душевныя способности имѣютъ корень единственно въ ощущеніи. Есть только одна элементарная способность — способность чувствовать. *Ощущеніе* постепенно превращается во *вниманіе*, двойственное вниманіе есть *сравненіе*, отсюда уже близко до *разсужденія*. Такимъ образомъ, у сенсуалистовъ психологія чрезвычайно упрощается: «*penser — c'est sentir*». Значеніе внѣшнихъ чувствъ Кондильякъ поясняетъ наглядно на своемъ извѣстномъ примѣрѣ человѣка-статуи. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, человѣка, одареннаго способностью чувствовать, но защищеннаго отъ внѣшняго міра, отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, мраморнымъ покровомъ. Естественно, въ такомъ человѣкѣ психическая жизнь будетъ равна нулю и чувство будетъ только *in potentia*. Представимъ себѣ теперь, что органы чувствъ его постепенно, одинъ за другимъ, открываются для внѣшняго міра и его впечатлѣній. При функціи только одного чувства міръ представится этому субъекту совершенно другимъ, чѣмъ при владѣніи двумя или всѣми чувствами....

Англія — классическая страна смѣшенія матеріалистическихъ воззрѣній съ религіозными вѣрованіями. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, напр., о гениальномъ Фарэдеѣ, которому мы обязаны строгимъ проведеніемъ механическаго принципа по всей физикѣ и химіи, — что ему не помѣшало оставаться ревностнымъ сектантомъ. Въ Англіи-же и въ родственной ей Америкѣ ученые легко становятся спиритуалистами; примѣры — Круксъ, Гэръ, частію Уоллесъ.

Въ 1749 г. англійскій врачъ — *Давидъ Гартлей* выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Observation on Man, his Trame, his Duty and his Expectations* (наблюденія надъ человѣкомъ, съ его строеніемъ, обязанностями и его ожиданіями), въ которомъ фізіологическая сторона тѣсно связана съ теологическою. Несмотря на то, что Гартлей вѣрилъ въ чудеса, защищалъ Библию и подробно трактовалъ о загробной жизни, англиканское духовенство причислило его къ еретикамъ, на томъ только основаніи, что онъ сомнѣвался въ вѣчности загробныхъ мукъ.

По мнѣнію Гартлея, человѣкъ состоитъ изъ двухъ началъ — тѣла и души. Однако, онъ признавалъ также, что матерія и движеніе ничего не могутъ произвести кромѣ матеріи и движенія, и что мысль и ощущеніе сводятся на элементарныя движенія въ мозгѣ. У Гартлея, подобно тому, какъ у Корнеліуса, Перти и др. новѣйшихъ анимистовъ, тѣло есть какъ-бы инструментъ души, мозгъ есть инструментъ для ощущенія и мысли. Сначала Гартлей полагалъ, что душа играетъ на своемъ инструментѣ совершенно произвольно, но впослѣдствіи, хотя не безъ труда, призналъ, что необходимость психическихъ явленій есть неизбежное слѣдствіе необходимости и законосообразности мозговыхъ отправленій. Бѣлое вещество мозга и нервовъ, говоритъ онъ, есть непосредственный субстратъ ощущенія и движенія (что фізіологически невѣрно, потому что психическія функціи принадлежатъ не бѣлому, а сѣрому мозговому веществу или, говоря точнѣе, для психическихъ отправленій необходима какъ одна, такъ и другая субстанція мозга). Внѣшніе предметы возбуждаютъ, сначала въ нервахъ, потомъ въ головномъ мозгѣ, колебанія безконечно малыхъ элементовъ, въ родѣ колебаній маятника или дрожанія звучащихъ

тѣлъ. Всякое измѣненіе въ душѣ необходимо предполагаетъ соотвѣтствующее измѣненіе или движеніе въ мозгѣ. Посредникомъ между тѣломъ и душою у Гартлея служитъ особая тонкая матерія, въ родѣ гипотетическаго эфира. Гартлей полагалъ между прочимъ, что Всемогуцій Богъ могъ сотворить матерію мыслящую. Свободу совѣсти Гартлей признавалъ въ полномъ объемѣ.

Что касается до *Вольтера*, то о психологическихъ воззрѣніяхъ его можно сказать немного. «Я тѣло», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, «а между тѣмъ я мыслю,—вотъ все что я знаю». Онъ признавалъ, что вся психическая жизнь человѣка истекаетъ изъ дѣятельности чувствъ, но опредѣлительно не рѣшалъ,—матерія-ли принимаетъ матеріалъ, доставляемый чувствами, или что другое. Повидимому онъ полагалъ, что Всемогуцій Богъ могъ и матерію сдѣлать мыслящую. Относительно вопроса о безсмертіи души мнѣнія его также колебались; съ одной стороны, по теоретическимъ основаніямъ онъ готовъ былъ рѣшить его отрицательно, съ другой стороны, практическія соображенія вели къ положительному рѣшенію.

Англійскій врачъ *Эразмъ Дарвинъ* также замѣчательнъ какъ психологъ, стремившійся къ фізіологическому объясненію психическихъ явленій. Его теорія близка къ Гартлеевской. Въ своей *Zoonomia or Laws of organic Life* (1795) онъ называетъ *sensorium* не только мозговые части мозга, нервовъ, мышцъ и органовъ чувствъ, но также разумѣетъ подъ этимъ именемъ и жизненный принципъ или животворный духъ, разлитый по всему тѣлу и доступный намъ только въ своихъ проявленіяхъ. Идея есть сжиманіе, движеніе или измѣненіе въ наружномъ видѣ элементовъ органовъ чувствъ. Какъ синонимъ слова идея имъ употреблялось выраженіе *сенсуальное* или *чувственное движеніе*.

Что касается *Томаса Рида*, то оригинальность его состоитъ только въ томъ, что у него одновременно съ ощущеніемъ происходитъ и познаваніе. Чувства имѣютъ двойное назначеніе, говоритъ онъ (*Essays on intellectual powers*, 1785, v. II. ch. XVII), они даютъ намъ различныя ощущенія и въ то же время родятъ въ насъ понятіе о внѣшнихъ предметахъ и вѣру въ ихъ существованіе. Это понятіе и эта вѣра суть то, что мы называемъ *познаваніемъ*.

Жюльенъ-Оффре-де-ла-Метри или просто *Ламетри*, врачъ и ученикъ знаменитаго Бэргавы, можетъ считаться главою французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка. Воззрѣнія его, доставившія ему извѣстность и много враговъ, изложены въ *Histoire naturelle de l'âme* (1745) и въ *Homme machine* (1748). Въ «естественной исторіи души» онъ начинаетъ съ того, что показываетъ, какъ ни одинъ философъ отъ Аристотеля до Мальбранша нисколько не разъяснилъ намъ, что такое душа. Сущность души человѣка и животныхъ всегда останется намъ неизвѣстною, равно какъ сущность матеріи и тѣла. Душа безъ тѣла такъ-же мало мыслима какъ матерія безъ формы. Душа и тѣло нераздѣльны, и образуются въ одно и то же время. Желаящій знать что-либо о душѣ долженъ изучать тѣло, жизненный принципъ котораго и есть душа, т. е. она есть то, что заставляеть сердце биться, нервы — ощущать и мозгъ мыслить. Единственныя орудія знанія, посредствомъ которыхъ мы можемъ достигать до истины, суть чувства.

Начавъ съ эмпиризма, Ламетри потомъ вполне становится матеріалистомъ. Онъ отрицаетъ всякое *primum movens immobile*, всякій находящійся *en* матеріи двигательный принципъ. Только вслѣдствіе своей формы матерія становится опредѣленною субстанціею, форма-же

присуца ей отъ вѣка. Форма и матерія такъ-же нераздѣльны, какъ матерія и движеніе. Абстрактная матерія пассивна и ей свойственна только сила инерціи, конкретная или дѣйствительная матерія всегда имѣетъ форму и движеніе. Если гдѣ видимаго движенія нѣтъ, то тамъ есть движеніе потенціальное; потому что матерія въ возможности (*en puissance*) заключаетъ въ себѣ всѣ формы движенія. Матеріи присуца также способность *ощущать*. Мы знаемъ непосредственно только свои ощущенія. Что другіе люди также ощущаютъ, мы заключаемъ изъ выраженія ихъ ощущеній въ звукахъ и жестахъ болѣе, чѣмъ изъ ихъ членораздѣльной рѣчи. Языкъ душевныхъ движеній свойствененъ животнымъ въ такой-же мѣрѣ какъ и человѣку, и конечно, этотъ языкъ болѣе убѣдителенъ, чѣмъ всѣ софизмы Декарта. Различіе внѣшняго образа человѣка и животныхъ значитъ не много, потому что сравнительная анатомія свидѣтельствуетъ о полной аналогіи во внутреннихъ органахъ между человекомъ и животными. Если способность матеріи ощущать сама по себѣ непонятна, то ровно на столько, на сколько въ сущности непостижима вообще связь между силою и матеріею. Можетъ быть матерія способна къ ощущенію только въ формѣ организма, но и въ этомъ случаѣ ощущеніе, все равно какъ движеніе, должно быть присущимъ, по крайней мѣрѣ потенціально, всей матеріи. Всѣ ощущенія получаются черезъ органы чувствъ, связанные съ мѣстомъ ощущенія—головнымъ мозгомъ, посредствомъ нервовъ, въ которыхъ движется особая жидкость, *esprit animal*. Всякое впечатлѣніе, дѣйствующее на нервы, производитъ измѣненіе въ этой жидкости, передающееся душѣ. Мѣсто ощущенія не на периферіи, какъ намъ кажется, потому что душа проэктируетъ качества ощущенія въ опредѣленные мѣста наружу, а въ мозгъ;

ощущаетъ-ли также самая субстанція органовъ, мы навѣрное не знаемъ, потому что это можетъ быть извѣстно только ей, а не всему организму. Точно также мы не знаемъ навѣрное, занимаетъ-ли душа только одинъ пунктъ или цѣлую область въ мозгѣ, хотя послѣднее вѣроятнѣе. Сохраненіе представленій въ душѣ сводится къ органическимъ состояніямъ. Далѣе, Ламетри приходитъ къ заключенію, что и самая ощущающая субстанція, т. е. собственно душа, также матеріальна, послѣ чего объясняются механически память, воображеніе, страсти. Только религія можетъ насъ заставить вѣрить въ разумный духъ, о которомъ истинная философія ничего не знаетъ. Ламетри даже предупреждаетъ до извѣстной степени Чарльза Дарвина и эволюціонистовъ, потому что онъ считаетъ весь разумъ человѣка продуктомъ развитія и воспитанія. Орангъ-утанга онъ изображаетъ уже черезчуръ антропоморфно.

И такъ Ламетри приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «При отсутствіи чувствъ не можетъ быть идей». «Ихъ нѣтъ и при отсутствіи чувственныхъ впечатлѣній». «Недостаточностью воспитанія обусловливается бѣдность идеями». Заключительный выводъ всей *Histoire naturelle de l'âme* — душа существенно зависитъ отъ органовъ тѣла, вмѣстѣ съ которыми она слагается, растетъ и ослабляется. «*Ergo participem leti quoque convenit esse*». — Изъ этого изложенія содержанія «Естественной исторіи души» видно, имѣютъ-ли право метафизики называть автора этого сочиненія «невѣжественнымъ и легкомысленнымъ Ламетри». Если что можно поставить въ упрекъ этому мыслителю, то только нѣкоторую фривольность языка, особенно въ другомъ сочиненіи его «*L'homme-machine*», которое написано въ томъ-же духѣ, но разчитано на большую публику. Единственно вѣрными путями въ психологіи

Ламетри считаетъ опытъ и наблюденіе. Разработка этой науки должна принадлежать однимъ врачамъ, потому что только они одни имѣютъ возможность наблюдать душу во всемъ ея величіи и въ глубочайшемъ ея упадкѣ. Человѣческую машину можно понять только путемъ наблюденія и изученія нервной системы. Всѣ психическія явленія имѣютъ фізіологическую почву. Подъ вліяніемъ болѣзни душа то затемняется, то какъ-бы удваивается, то совершенно слабѣетъ; слабоумный субъектъ, выздоравливая, становится разумнымъ. Величайшій теній можетъ впасть въ идіотство и тогда всѣ наидѣйшійшія знанія, пріобрѣтенныя съ такимъ трудомъ, разлетаются прахомъ. «Можетъ-ли что-нибудь измѣнить въ молодуніе мужество такихъ людей какъ Кай Юлій, Сенека, Петроній? — Конечно; для этого достаточно застоя крови въ селезенкѣ, въ печени или въ воротной венѣ». Если матеріальныя измѣненія въ мозгѣ оказываются не при всѣхъ душевныхъ разстройствахъ, то только потому, что болѣзнь зависитъ отъ состоянія плотности частей или другихъ, неуловимыхъ для насъ измѣненій. «Сущій пустякъ, ничтожная лихорадка или вообще что-нибудь такое, чего не въ состояніи открыть скальпель искуснѣйшаго анатома, могли-бы сдѣлать изъ Эразма и Фонтенеля двухъ глупцовъ».

Единственное отличіе человѣка отъ животныхъ и могущественнѣйшій рычагъ умственного развитія есть языкъ. Ламетри мечталъ о возможности научить говорить обезьяну или по крайней мѣрѣ развить ее по способу, употребляемому, напр., для обученія глухонѣмыхъ. Безъ языка человѣкъ — животное, съ меньшимъ инстинктомъ чѣмъ другія. Но разъ даны различныя знаки или символы, мозгъ долженъ ихъ сравнивать и опредѣлять ихъ взаимныя отношенія съ тою-же необходимостью, какъ глазъ долженъ видѣть. Вся душевная дѣятельность сводится

къ дѣятельности ощущенія и воображенія. Надо замѣтить, что Ламетри не отрицалъ Высшаго Существа, но полагалъ, что изъ этой теоретической истины нельзя сдѣлать никакого практическаго примѣненія. Касаться нравственной и политической части ученія Ламетри здѣсь не мѣсто; прибавимъ, что упрекъ въ безнравственности этого ученія такъ-же справедливъ, какъ тотъ-же упрекъ, напр., Миллевскому утилитаризму.

Къ Ламетри близокъ баронъ *Гольбахъ*, отличающійся только большею серьезностью и систематичностью мысли, вмѣстѣ со сдержанностью языка. Его извѣстное сочиненіе «*Système de la nature*» есть опытъ полного механическаго міровоззрѣнія, и въ то-же время оно имѣло громадное политическое значеніе, но собственно психологія въ немъ занимаетъ не много мѣста. Гольбахъ—строгій атомистъ; онъ полагаетъ, что сущность матеріи намъ недоступна, и что мы можемъ знать только нѣкоторыя изъ качествъ матеріи. Человѣкъ есть физическое существо, а моральное его существованіе — только другая сторона существованія физическаго.

Гассенди и вообще матеріалисты приписываютъ способность ощущенія собственно не атомамъ, но соединенію атомовъ или организаціи. Атомы, сами по себѣ не способные ощущать, при извѣстномъ расположеніи даютъ организацію, способную къ ощущенію. Отсюда уже близко до гипотезы, что ощущеніе есть свойство мельчайшихъ частицъ матеріи. Авторъ этой гипотезы—*Робинс*. Робинс отличается вообще смѣшеніемъ понятій, близкихъ къ Шеллинговской натуръ-философіи, съ матеріалистическими. Но его книга *della Nature* (1761) замѣчательна строгимъ проведеніемъ по всей психологіи, отъ чувственныхъ впечатлѣній до высшихъ функцій мозга, словъ и дѣйствій, принципа сохраненія силы, о чемъ до него не

было еще и помину. По мнѣнію Робине, каждая частица матеріи имѣетъ жизнь и душу; даже элементы неорганической природы суть живущія единицы, носящія въ себѣ принципъ ощущенія, но безъ сознанія. Человѣку извѣстны только его ощущенія, собственная-же его субстанція недоступна для пониманія. Но дѣйствіе духа на матерію, говоритъ Робине, есть ничто иное, какъ обратное дѣйствіе полученнаго матеріальнаго впечатлѣнія, при чемъ субъективно свободныя движенія человѣческой машины имѣютъ причину только въ механической дѣятельности машины. Ученіе о свободѣ воли отличается опредѣленностью: быть свободнымъ значитъ имѣть возможность дѣйствовать сообразно хотѣнію, а не хотѣть произвольно. Я дѣйствую свободно или произвольно, если иду, куда хочу. Самое-же хотѣніе, конечно, обусловливается естественною необходимостью, которая для субъекта исчезаетъ; такимъ образомъ, мы свободны не абсолютно, но только въ нашемъ сознаніи.

Гольбахъ, Ламетри и Робине имѣли большое вліяніе на *Дидеро*. Принимая ощущающіе атомы Робине, Дидеро особенно занятъ вопросомъ, какъ изъ ощущеній происходитъ единство сознанія и рѣшаетъ тѣмъ, что ощущающіе элементы должны быть въ непосредственномъ соприкосновеніи и составлять, такимъ образомъ, непрерывный рядъ.

IV.

Матеріализмъ XVIII-го вѣка вызвалъ въ Германіи реакцію, произведшую системы *Лейбница* и *Вольфа*. Система Лейбница полна противорѣчій, но въ ней заслуживаетъ вниманія ученіе о монадахъ и о предустановленной гармоніи. *Монады*, такъ-же какъ атомы, суть

элементы матеріи, или, вѣрнѣе сказать, онѣ суть вообще *principia rerum*. Для матеріалистовъ, принимающихъ атомы лишенными ощущенія, всегда составляло затрудненіе объяснить происхожденіе сознанія и ощущенія. Лейбнидовскія-же монады суть атомы съ особыми внутренними явленіями жизни; онѣ производятъ ощущенія изъ самихъ себя и внѣшній міръ тутъ не играетъ рѣшительно никакой роли, онъ даже не имѣетъ реальнаго бытія, а есть лишь представленіе упомянутыхъ монадъ. Каждая монада есть замкнутый въ самомъ себѣ міръ, изъ котораго ничего не исходитъ и въ который ничего не вступаетъ. Отдѣльныя монады различны; однѣ болѣе, другія менѣе богаты представленіями; кромѣ того представленія монадъ могутъ быть отчетливыми или смутными. Противорѣчія между представленіями монадъ нѣтъ, только благодаря отъ вѣка *предустановленной* гармоніи между монадами, остающейся при всѣхъ различіяхъ и измѣненіяхъ въ состояніи ихъ. Всякая единичная монада смутно или отчетливо заключаетъ въ себѣ весь міръ, и весь міръ есть сумма всѣхъ монадъ. Представленія монадъ неорганическихъ тѣлъ нейтрализуютъ другъ друга, вслѣдствіе чего эти тѣла находятся въ безсознательномъ бытіи, напоминающемъ сонъ безъ всякихъ грезъ. Органическія монады уже имѣютъ дѣятельныя представленія, такъ что состоянія нисшихъ животныхъ подобны сну со смутными грезами. Высшія животныя имѣютъ болѣе ясныя представленія, кромѣ того ощущеніе и память. Человѣкъ-же, имѣя разумъ, отличается способностью мыслить. Такимъ образомъ, характеристическіе атрибуты души у Лейбница — нематеріальность и простота.

Идеи и представленія у Лейбница прирождены, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ у Картезіанцевъ; у него прирождены всѣ идеи, потому что всѣ онѣ истекаютъ изъ

существа духа, который никакимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ не подверженъ. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ, какъ у Декарта, различія между прирожденными и неприрожденными идеями.

Замѣчательнѣйшій изъ послѣдователей Лейбница *Христианъ Вольфъ* создалъ новую схоластику, довольно близкую къ первой. Вся система его главнымъ образомъ держится на старомъ положеніи, что душа есть простая и безтѣлесная субстанція. Въ *psychologia rationalis* Вольфъ занимается изслѣдованіемъ существа души, и сводитъ всѣ различныя душевныя способности къ силѣ представленія. Своею *psychologia empirica* онъ самъ признаетъ необходимость другой психологіи, съ методомъ естественныхъ наукъ; здѣсь онъ занимается преимущественно классификаціею душевныхъ способностей. Онъ раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: способность познаванія и способность желанія; въ каждомъ отдѣлѣ различаются два класса—вышнія и нисшія способности. Нисшія познавательныя способности суть чувство, воображеніе, память, вышнія—вниманіе, разсужденіе, разумъ. Нисшія способности желанія — физическія чувства, стремленія, и аффекты; вышнія—хотѣніе и нехотѣніе, свободная воля.

Мы видѣли, что у Лейбница различіе между человѣкомъ и животными заключается собственно только въ степени умственныхъ способностей. Вообще въ психологіи этого времени уже замѣчается стремленіе къ доктринѣ, обнимающей и человѣка, и животныхъ. Раціоналисты болѣе и болѣе приходили къ мысли, что вышнія животные — существа очень близкія къ человѣку. Въ Англіи и Франціи психологи, считая душу человѣка и животныхъ идентичными по существу, хотя различными по степени, объясняли ту и другую механически. Въ Германіи, по иниціативѣ Лейбница и ради похвальной

послѣдовательности, стали считать и душу животныхъ не только нематеріальною, но и безсмертною. Напр., профессоръ *Мейеръ* въ своей психологіи животныхъ (1749) не только признавалъ, что животныя имѣютъ душу, но также что души эти, проходя различныя степени совершенства, возвышаются наконецъ до степени *духовъ*, т. е. становятся равными человѣческимъ душамъ.

Теперь мы переходимъ къ знаменитому *Канту*, съ котораго многіе философы считаютъ новую эру въ исторіи философіи. Дѣйствительно, вліяніе Канта на философію вообще, а также на психологію, чрезвычайно велико. Помимо того, что и теперь еще много прямыхъ послѣдователей его, которыхъ можно отнести къ двумъ направленіямъ:—*кантистовъ* и *критицистовъ*, это вліяніе видно почти во всякомъ трудѣ по фізіологической психологіи.

Кантъ начинаетъ съ анализа сужденій и раздѣляетъ ихъ на аналитическія и синтетическія. *Аналитическимъ* сужденіе называется тогда, когда оно ничего не прибавляетъ къ нашему понятію о предметѣ, а только анализируетъ это понятіе, напр. «треугольникъ есть трехсторонняя фигура». Въ *синтетическомъ* сужденіи предмету приписывается что-либо, что не разумѣется само собою, не заключается въ самомъ понятіи объ этомъ предметѣ, напр., «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками». Синтетическія сужденія бываютъ двоякаго рода; напр., сужденіе «желѣзо ковко», выведенное изъ опыта есть *синтетическое сужденіе a posteriori*; сужденіе же «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» хотя и подтверждается опытомъ, но имѣетъ вѣрность независимо отъ него, и отличается такимъ характеромъ общности, который не можетъ быть продуктомъ опыта; это *синтетическое сужденіе*

a priori. Априорное сужденіе имѣетъ основу въ природѣ нашей умственной организаціи и потому представляетъ для насъ значеніе безусловной истины; таковы напр. всѣ математическія истины. И такъ, хотя значительная часть нашего знанія дается опытомъ, но далеко не вся. Есть знаніе независимое отъ опыта, «трансцендентное» вытекающее изъ законовъ нашего ума, и отличающееся характеромъ общности и необходимости; только это знаніе имѣетъ абсолютную достовѣрность. Вообще наше знаніе не есть объективная истина, потому что мы не знаемъ, соотвѣтствуетъ-ли оно вещамъ самимъ въ себѣ, но намъ совершенно достаточно субъективной достовѣрности знанія.

Что касается до психологіи Канта, то въ своей *Kritik der reinen Vernunft* онъ изслѣдуетъ априористическіе принципы знанія, не занимаясь ощущеніями. Кантъ принимаетъ двѣ основныя психическія способности: пассивную — *восприимчивость ума* или способность воспринимать впечатлѣнія отъ вѣшнихъ предметовъ, затѣмъ активную и самопроизвольную способность *разсудка*, познающаго вещи посредствомъ представленій, даваемыхъ первою.

При всей многочисленности и многообразности объектовъ, наше я, т. е. субъектъ, остается однимъ и тѣмъ-же. Поэтому, при всей сложности и различности представленій, въ нихъ есть неизмѣнный элементъ (обусловленный неизмѣнностью субъекта) — такъ называемая Кантомъ *форма* представленія. Восприимчивость нашего ума (чувствительность) имѣетъ двѣ основныя формы: *пространство*, форма чувствительности вѣшной и *время*, форма внутренней чувствительности. Эти формы могутъ быть представлены независимо отъ всякаго содержанія; послѣднее-же безъ нихъ не мыслимо; онѣ априористичны,

т. е. не зависят от опыта, а обуславливаются природою нашего ума. Формальные элементы мысли, время и пространство, не имѣютъ никакой реальности. Функція *разсудка* (Verstand)—сужденіе и образованіе изъ представлений простыхъ понятій. Разсудокъ имѣетъ свои формы, которыя суть законы его дѣятельности или *категоріи*: качество, количество, отношеніе, модальность. Съ помощью этихъ категорій, къ одной изъ которыхъ должно относиться всякое сужденіе, мы превращаемъ въ знаніе матеріалъ, доставляемый намъ чувствительностью. Третья и высшая способность есть *разумъ* (Vernunft) — способность умозаключенія. Разумъ выводитъ изъ простыхъ понятій разсудка понятія сложные, и наконецъ восходитъ до безусловнаго начала или Бога. Функція разума есть не только выведеніе изъ частнаго общаго, но и изъ общаго частнаго, т. е. вообще разсужденіе. Разумъ имѣетъ три общія формы, или какъ называетъ ихъ Кантъ *идеи*: идея вселенной, какъ обобщеніе всѣхъ понятій изъ внѣшняго міра, идея личности, или нашего я, какъ обобщеніе всѣхъ измѣненій нашего внутренняго существа и идея Бога, соединяющая въ себѣ первыя двѣ. Нужно прибавить, что дѣятельность разума заключается въ обработкѣ матеріала, доставляемаго разсудкомъ; внѣ этой сферы разумъ безсиленъ. Дойдя до трехъ наиболѣе идей, разумъ долженъ остановиться, потому что изслѣдованіе сущности вещей, существа міра и Бога невозможно для человека.

Мы можемъ знать вещи только въ субъектѣ, слѣдовательно, знаніе имѣетъ характеръ относительности. Но въ основаніи міра явленій или феноменовъ лежатъ самыя вещи, *Dinge an sich* или нумены, которыя, какъ нумены, недоступны для насъ. Несмотря на это, знаніе имѣетъ полную достовѣрность въ субъективной сферѣ, тѣмъ болѣе

что мы имѣемъ идеи, независимыя отъ опыта. Сознаніе абсолютно достовѣрно.

Доказать разумомъ, логически, существованіе Высшаго Существа невозможно. Но есть достовѣрность другаго рода, именно *нравственная*, основанная на вѣрѣ, такъ какъ мы имѣемъ неодолимое убѣжденіе въ существованіи Бога. Принципъ достовѣрности сознанія составляетъ основу «практическаго разума». Мотивы дѣйствій человѣка или свободная воля суть предметъ *Kritik der practischen Vernunft*; принципъ свободы воли по существу неопредѣлимъ, но нравственные законы обусловливаются самою природою нашего сознанія и имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости или силу *категорическаго императива*. Идеи добра и справедливости суть идеи апріорныя. Точно также апріорна идея причинности, она есть законъ нашей нравственной природы. Необходимость и строгая универсальность суть свойства знанія чистаго, а не эмпирическаго.

Въ понятіи о *душевныхъ способностяхъ* Кантъ недалеко ушелъ отъ старой психологіи. Классификація способностей у него довольно сбивчива. Онъ различаетъ три главныя *Seelenvermögen*: познаваніе, чувствованіе, желаніе. Способность познаванія заключаетъ въ себѣ разсудокъ, способность сужденія и разумъ. Кромѣ того онъ отличаетъ чувствительность, какъ низшую познавательную способность отъ высшей — разсудка (*Kritik der Urtheilskraft*).

Кантъ считалъ свою философію оплотомъ, съ одной стороны, противъ скептицизма, съ другой, — противъ метафизики. Но *Иоганнъ Готтлибъ Фихте*, почитавшій себя послѣдователемъ Канта, чистый метафизикъ, потому что онъ строить всю систему знанія *a priori*. Мы имѣемъ, говоритъ онъ (*Bestimmung des Menschen*), органъ, по-

средствомъ котораго мы *познаемъ реальность*, и этотъ органъ есть не разумъ, а *вѣра*, — вѣра, обзрѣвающая знаніе, указывающая намъ добро и возводящая знаніе въ убѣжденіе. Всякое истинное совершенствованіе исходитъ изъ воли, а не изъ разума. Въ основаніе своего идеализма Фихте кладетъ сознаніе. Я (Ego) есть дѣятельность, не-я (Non-Ego) есть продуктъ ея. Сознаніе и бытіе, субъектъ и объектъ тождественны. Истинное назначеніе человѣка не мышленіе, а дѣятельность или реализація мышленія. Знаніе наше относительно, потому что мы познаемъ только явленія. Вещи сами въ себѣ недоступны для разума. Въ ученіи Фихте вообще преобладаетъ нравственная сторона. Основная идея человѣчества есть идея долга. Нашъ міръ есть только воплощеніе нашего долга (unsere Welt ist das versinnlichte Material unserer Pflicht). Съ нашимъ бытіемъ необходимо связана и наша свободная нравственная дѣятельность. Бога мы знаемъ какъ нравственный порядокъ (moralische Ordnung) міра. Богъ непостижимъ и въ него мы можемъ только вѣрить. Соціальныя взгляды Фихте отличались вообще прогрессивностью, и въ этомъ отношеніи онъ противоположность Гегелю, мирившемуся съ политическимъ гнетомъ.

По мнѣнію Шеллинга философія начинается тамъ, гдѣ кончается обыкновенное знаніе. Высшія истины не доказываются, а постигаются, для чего существуетъ особая высшая способность — *интеллектуальное постиженіе* (intellectuelle Anschauung). У Фихте я конечно, у Шеллинга оно безконечно. Абсолютъ проявляется въ формѣ нашего духа (я) и въ формѣ внѣшняго міра (не-я). Я и не-я равно реальны и тождественны въ абсолютѣ. Природа есть видимый духъ, духъ — невидимая природа. Абсолютный идеалъ и абсолютная реальность одно и то же. Жизнь состоитъ въ постоянномъ колебаніи и воз-

становленіи равновѣсія. Всѣ функціи жизни суть индивидуализаціи одной міровой души (Weltseele, anima mundi). Абсолютъ есть Богъ, источникъ всякаго бытія, достигающій самосознанія въ человѣкѣ. Вообще философія Шеллинга очень близка къ спинозизму.

Что касается до Гегеля, то даже почитатели его соглашались, что въ немъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ метода, потому что Гегеля считаютъ изобрѣтателемъ «абсолютнаго» метода. Основное положеніе Гегеля, что все истинное въ идеѣ, истинно и объективно, принадлежитъ Декарту. Гегель измыслилъ лишь *принципъ противоположностей*, по которому противоположности напр. бытіе и небытіе, отождествляются въ высшемъ единствѣ, такъ что бытіе и небытіе — одно и то же (Sein und Nichtsein ist dasselbe). Собственно дѣло здѣсь идетъ такимъ образомъ: какое-нибудь положительное понятіе непременно, по Гегелю, переходитъ, въ силу контраста, въ понятіе отрицательное, отрицаніе же переходитъ въ отрицаніе отрицанія или въ такъ-называемое *высшее положеніе*, которое будетъ понятіемъ среднимъ, сглаживающимъ противоположности. Въ общемъ — это цѣлый рядъ «эволюцій» и ихъ «универсальный законъ», по которому, разумѣется, можно примирить что угодно. Если ученіе Шеллинга можетъ быть названо объективнымъ идеализмомъ, то Гегелевское ученіе есть идеализмъ абсолютный; онъ самъ свой методъ называетъ абсолютнымъ. Дѣйствительно, у него реальны лишь отношенія и идеи. Міръ есть міръ идей; онъ въ одно и то же время и субъектъ и объектъ, отождествляющійся въ своихъ противоположностяхъ. Все дѣйствительное разумно. Субъективно идея проявляется какъ *душа*, возвращаясь сама въ себя, она становится *сознаніемъ*, а дѣлаясь своимъ объектомъ, превращается въ *разумъ*. Объективно идея проявляется какъ *воля*. У Гегеля было

множество послѣдователей, но никто изъ нихъ не подарилъ міръ психологіею, потому что характеристическая черта ихъ твореній, говоря словами Экснера, — сплюснутая игра пустыми понятіями, порою переходящая въ чепуху.

Чтобы покончить со всѣми метафизиками, скажемъ о двухъ новѣйшихъ натуръ-философахъ — Шопенгауэрѣ и Гартманѣ.

По ученію *Артура Шопенгауэра*, единственное явленіе, въ которомъ вещь сама въ себѣ доступна намъ, это *воля*. Воля, слѣдовательно, должна составлять точку исхода всѣхъ нашихъ объясненій природы. Къ истинному познанію можно придти не объективнымъ путемъ, но путемъ самосознанія, открывающимъ намъ сознаніе во всѣхъ другихъ вещахъ. Въ основаніи воли, общей сущности всего міра, природы органической и неорганической, лежитъ принципъ самосохраненія; *natura vult esse conservatrix sui*. Въ животномъ мірѣ, кромѣ общаго и высшаго начала всего сущаго — воли, является *представленіе*. Такимъ образомъ, всѣ живыя существа характеризуются съ одной стороны волею, съ другой представленіемъ (см. *Welt als Wille und Vorstellung*). Внутреннее условіе всякаго бытія и движенія есть *воля*, внѣшнее проявленіе послѣдней есть *причина*. Причины бываютъ троякаго рода. Первый родъ причинъ дѣйствуетъ въ неорганическомъ мірѣ. Второй родъ составляютъ *раздраженія*, причины преобладающія въ вегетативной сферѣ; третій родъ суть *мотивы*, господствующіе въ сферѣ животной. Такимъ образомъ, воля и причинность тождественны на всѣхъ ступеняхъ бытія.

Въ области механики волѣ соотвѣтствуютъ центробѣжная и центростремительная сила, притяженіе и отталкиваніе атомовъ. Растенія имѣютъ чувствительность и въ

этомъ смыслѣ представляютъ зародышъ представленія или безсознательныя представленія (но не абсолютно безсознательныя). Познание присуще всей природѣ, начиная съ нисшей и неясной формы представленія въ неорганическихъ тѣлахъ, до высшихъ формъ его въ мозгѣ человѣка. Первичное во всякомъ случаѣ воля, представленіе же вторично.... Степени представленія обуславливаются степенями воли, но сущность представленія и воли вездѣ одинакова. Степень умственного развитія животныхъ всегда обуславливается количествомъ ихъ потребностей и побужденій, т. е. степенью ихъ воли (Ueber den Willen in der Natur). Вторичное проявленіе воли, — способность познания или интеллектъ, — есть функція мозга. Интеллектъ есть объективированіе воли, потому что онъ собственно представляетъ «хотѣніе познания». Интеллектъ является какъ-бы средою для мотивовъ; мотивы же суть проявляющіяся въ волѣ причины, и въ этомъ смыслѣ мотивы по существу идентичны съ матеріальными причинами. Интеллектъ животныхъ простъ и доставляетъ только познание настоящаго, — познание чувственное. Интеллектъ человѣческій возвышается до абстрактнаго познания, не связаннаго съ чувственностью или съ настоящимъ, и становится разумомъ (Vernunft). Разумъ, дѣлаясь повелителемъ животной природы, производитъ то, что можетъ быть названо практическимъ разумомъ. Высшая форма воли, единореальной сущности, есть *хотѣніе жизни* (Wille zum Leben, Lebenswille, см. Welt als Wille und Vorstellung). Все сущее имѣетъ стремленіе къ бытію, и, на сколько возможно, къ бытію органическому, т. е. къ жизни. Такимъ образомъ, какъ интеллектъ въ человѣкѣ двоякъ — чувственный и абстрагирующий, такъ двояка и человѣческая воля, — частію животная, частію разумная. Последняя въ человѣкѣ чрезвычайно перевѣшиваетъ пер-

вую, оттого *метафизическую* потребность Шопенгауэръ считаетъ характеристическимъ отличіемъ человѣка, котораго онъ называетъ *animal metaphysicum*. Вся суть міра заключается въ тождествѣ субъекта хотѣнія съ субъектомъ познанія, вслѣдствіе чего слово «я» обозначаетъ и заключаетъ оба субъекта. Координація этихъ двухъ субъектовъ необъяснима и составляетъ то, что Шопенгауэръ называетъ «чудомъ $\kappa\alpha\tau'\epsilon\zeta\omicron\chi\eta$ ». Разъединеніе этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ происходитъ при смерти. Интеллектъ какъ функція мозга, уничтожается со смертію тѣла, воля-же, какъ метафизическая реальность, какъ *Ргійс* жизни, вѣчна, и потому она не умираетъ. Идея животности заключаетъ въ себѣ идею интеллекта. Индивидуумы рождаются и умираютъ, идеи-же вѣчны. Въ этомъ отношеніи и интеллектъ вѣченъ, но только не индивидуальный интеллектъ, а интеллектъ вообще. Воля не подвержена условіямъ времени и никогда не измѣняется. Интеллектъ можетъ развиваться, но можетъ и угасать. Органическая сила, крѣпость мышцъ, чувства, память, умъ, геній — все это можетъ ослабѣвать или притупляться къ старости, воля-же всегда одинакова. Интеллектъ утомляется, воля никогда. Интеллектъ есть функція мозга, воля-же первична и тѣло есть собственно ея функція. Хотѣніе жизни въ общемъ никогда не исчерпывается, но частныя формы его или функціи могутъ истощаться. Хотѣніе жизни не можетъ одновременно проявляться во всѣхъ своихъ трехъ формахъ, — воспроизводительности, раздражительности и чувствительности, оттого-то различныя функціи и смѣняются другъ друга. Частныя формы неисчерпаемаго начала хотѣнія жизни могутъ исчерпываться, — отсюда утомленіе, потребность сна, наконецъ, смерть.

Всѣ чувства, какъ-то физическія чувства, аффекты и страсти, желанія и стремленія, по Шопенгауэру, сво-

дятся къ хотѣнію. Чувствованіе имѣетъ предметомъ удовлетвореніе или подавленіе хотѣнія. Идеи у Шопенгауэра суть не только субъективныя представленія, но скорѣе первыя и непосредственныя, всеобщія и адекватныя проявленія вещей въ самихъ себѣ. Представленіе, предполагающее распаденіе на субъектъ и объектъ, есть первое формальное выраженіе вещей въ самихъ себѣ. Поэтому пространство, время, множество и причинность суть не простыя формы представленія, но *реальности*, хотя и не абсолютныя, потому что эта реальность обуславливается лишь проявленіями въ идеяхъ вещи въ самой себѣ. Идеи суть реальныя явленія воли и ихъ много, слѣдовательно реальна множественность; идеи тождественны съ силами природы, дающими отдѣльнымъ причинамъ силу дѣйствія, слѣдовательно реальна причинность; идеи представляютъ частію сосуществующія, частію послѣдовательныя природныя ступени (*Naturstufen*), идущія другъ подле друга въ пространствѣ и другъ за другомъ во времени, слѣдовательно реальны пространство и время.

И такъ, сущность всего есть воля. Матерія есть ничто иное какъ воля опредѣленнаго характера и направленія. По сущности весь міръ есть воля; для насъ онъ—представленіе. Но что такое представленіе? Весьма сложный фізіологическій процессъ въ мозгѣ животнаго, имѣющій результатомъ сознаніе образа. Измѣненія, испытываемыя тѣломъ животнаго, ощущаясь, сводятся къ дѣйствію опредѣленныхъ причинъ и, такимъ образомъ, даютъ понятіе объ объектѣ. Безъ дѣятельности ума, не только чувственной но и мозговой, мы не могли-бы придти къ понятію объ объективномъ мірѣ, о мірѣ какъ представленіи, но оставались-бы на степени свойственнаго растеніямъ смутнаго сознанія органическихъ измѣненій на-

шого тѣла. Такимъ образомъ, объектъ родится изъ дѣятельности субъекта. Объектъ реаленъ на столько, на сколько онъ представляетъ вещь въ самой себѣ. По апріорнымъ своимъ элементамъ вещи принадлежатъ представленію и суть явленія, по эмпирическимъ или апостеріорнымъ элементамъ онѣ суть проявленія единой реальности—воли. Способность ума воспринимать ощущение, какъ дѣйствіе, и относить это дѣйствіе къ вѣдѣнней причинѣ—есть способность прирожденная, слѣдовательно независящая отъ опыта, но примѣненіе этой функціи развивается отъ опыта и упражненія. Хотя умъ имѣетъ различныя степени и находитъ примѣненіе въ различныхъ сферахъ, сущность его вездѣ одинакова.

Шопенгауэра можно назвать *идеалистическимъ материалистомъ*. По его мнѣнію все дѣйствительное материально. По апріорнымъ элементамъ, матерія есть представленіе или, вѣрнѣе говоря, отвлеченіе. Въ дѣйствительности матерія является только въ видѣ тѣла, т. е. неразлучно со своими качествами и формою. Сущность матеріи заключается въ дѣйствіи и здѣсь въ ней проявляется абсолютъ т. е. воля.

Воля заключаетъ въ себѣ стремленіе, въ основаніи-же всякаго стремленія лежитъ неудовлетворенность или недостатокъ чего-либо, т. е. страданіе. Если частные акты воли заключаютъ въ себѣ частные случаи страданія или боли, то всеобъемлющая воля, сущность всего сущаго, объединяетъ въ себѣ всяческое страданіе. Удовлетвореніе никогда не можетъ быть полнымъ и всегда становится началомъ новаго стремленія. Природа въ цѣломъ цѣлесообразна и устроена гармонически, но ровно на столько, на сколько это нужно для существованія міра и живыхъ существъ. Природа заботится только о видахъ, а не объ индивидуумахъ и вовсе не имѣетъ въ виду

личнаго счастія послѣднихъ. Въ мірѣ животныхъ и человѣка повсюду царствуетъ постоянная война, взаимное истребленіе и нескончаемое страданіе. Вотъ сущность Шопенгауэровскаго пессимизма.

Эдуардъ фонъ Гартманъ принадлежитъ, какъ надо надѣяться, къ послѣднимъ могикамъ метафизики, и прямо примыкаетъ къ Шопенгауэру, которому онъ обязанъ наиболѣе оригинальными и важнѣйшими сторонами своей «*Philosophie des Unbewussten*» (1868). Гартманъ ставитъ своею цѣлю «достиженіе спекулятивныхъ результатовъ путемъ индуктивнаго естественно-научнаго метода,» и, дѣйствительно, онъ беретъ громадную массу фактовъ изъ естественныхъ наукъ, но только обрабатываетъ эти факты по своему, частію преувеличивая, частію искажая ихъ, присоединяя къ нимъ факты сомнительные или взятые неизвѣстно изъ какого источника, иногда даже совсѣмъ невозможные, и выводя изъ всего этого заключенія, часто, по истинѣ, изумительныя. Намъ нѣтъ надобности подвергать систему Гартмана подробной критикѣ. На русскомъ языкѣ она существуетъ если не въ полномъ переводѣ, то въ подробномъ изложеніи А. Козлова. Отъ всякаго безпристрастнаго читателя не скроется слабость ея въ философскомъ отношеніи. Естественно-научныя же основанія «Философіи Безсознательнаго» прекрасно разобраны зоологомъ *Оскаръ Шмидтъ* (*Oscar Schmidt, die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Philosophie des Unbewussten, 1877*). Мы изложимъ только ту часть «Философіи Безсознательнаго», которая ближе касается психической дѣятельности.

Согласно съ фیزیологами Гартманъ считаетъ сознательную душевную жизнь дѣятельностью мозга, но старается доказать, что существуетъ независимая отъ мозга *безсознательная дѣятельность*, какъ высшій духовный

принципъ или метафизическая сущность, такъ называемое имъ «Бесознательное» (das Unbewusste), атрибуты котораго суть бесознательная воля и бесознательное представленіе и въ которомъ заключаются и которымъ объясняются причина и цѣль, вообще вся жизнь міра.

Гартманъ начинаетъ съ ученія о цѣлесообразности въ природѣ, и полагаетъ что эта цѣлесообразность выражается въ томъ, что міровой процессъ имѣетъ конечную цѣль, къ которой онъ идетъ естественнымъ путемъ подъ руководствомъ Бесознательнаго. Къ своей телеологии Гартманъ пробуетъ примѣнить математическую теорію вѣроятностей и рѣшаетъ, что «изъ матеріальныхъ явленій можно заключить о содѣйствіи духовныхъ причинъ, хотя бы онѣ не обнаруживались для непосредственнаго познанія».

По мнѣнію Гартмана, волю имѣютъ не только высшія животныя, но и нисшіе организмы, какъ напр. полипы. Сознательная воля высшихъ животныхъ и человека есть функція головного мозга. Но существуютъ нисшіе нервные центры, продолговатый и спинной мозгъ, имѣющіе самостоятельную волю, которая однако не сознается головнымъ мозгомъ и въ этомъ смыслѣ есть воля бесознательная. Точно также отдѣльныя пары брюшныхъ узловъ насекомыхъ имѣютъ, по Гартману, каждая свою самостоятельную волю, несознаваемую животнымъ. Свою теорію бесознательной воли нисшихъ центровъ Гартманъ выводитъ, главнымъ образомъ, изъ явленій рефлексъ у обезглавленныхъ животныхъ. Бесознательная воля необходимо соединена съ бесознательнымъ представленіемъ. Но даже сознательное и произвольное движеніе, по Гартману, не можетъ совершиться безъ бесознательнаго представленія. Сознательное желаніе произвести извѣстное движеніе возбуждаетъ бесознательную волю

вмѣстѣ съ безсознательнымъ представленіемъ того мѣста въ головномъ мозгѣ, на которое должна подѣйствовать воля, чтобы произвести данное движеніе. Понятно, что инстинкты представляютъ особенно широкое поле для проявленій Безсознательнаго. Истиникъ, по Гартману, есть «цѣлесообразная сознательная дѣятельность безъ сознанія цѣли». Гартманъ считаетъ невозможнымъ смотрѣть на инстинктъ, какъ на слѣдствіе тѣлесной организаціи или душевнаго механизма, или какъ на унаслѣдованныя привычки, хотя вообще значеніе наслѣдственности въ извѣстномъ смыслѣ онъ не отвергаетъ, но утверждаетъ, что инстинктъ, доходящій иногда до настоящаго *ясновидѣнія*, можетъ быть только слѣдствіемъ безсознательной духовной дѣятельности или проявленіемъ Безсознательнаго. Въ инстинктѣ заключается безсознательное познаніе, всегда безошибочное. Точно также и относительно рефлексивныхъ явленій Гартманъ утверждаетъ, что они не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ «мертваго механизма», но суть выраженія пребывающей въ центральныхъ органахъ разумной силы (Intelligenz). Такъ какъ рефлексивныя движенія имѣютъ явственно индивидуальный характеръ, то они должны быть разсматриваемы какъ инстинктивныя дѣйствія ниспихъ нервныхъ центровъ, т. е. они суть безсознательныя представленія, которыми обуславливается безсознательная воля, проявляющаяся въ рефлексивныхъ движеніяхъ.

Далѣе, Безсознательное проявляется въ цѣлительной силѣ природы и въ силѣ органическаго образованія и развитія. Обѣ эти силы суть видоизмѣненія инстинкта и имѣютъ цѣлю осуществленіе типической идеи рода. Органическое образованіе строго цѣлесообразно. Цѣль животнаго царства есть «повышеніе сознанія». Для достиженія этой цѣли органическая природа должна была

распасться на два царства — животных и растений. Растения имѣютъ цѣлю доставлять животнымъ органическую пищу, потому что громадный расходъ силы на душевную дѣятельность не позволяетъ животнымъ брать себѣ пищу изъ неорганическаго міра.

Растения, по мнѣнію Гартмана, суть также одушевленные существа. Безсознательная душевная дѣятельность у растений, какъ и у животныхъ, выражается въ органическомъ образованіи, въ цѣлительной или возстановляющей силѣ, въ «рефлективныхъ движеніяхъ», «въ инстинктѣ», «въ эстетическомъ стремленіи» (*Schönheitstrieb*). Растения даже не лишены сознанія, потому что простѣйшіе организмы или зоофиты, съ которыхъ начинается раздѣленіе царствъ животного и растительнаго, несомнѣнно имѣютъ сознаніе. Сознаніе растений обуславливается матеріальнымъ движеніемъ въ протоплазмѣ ихъ клѣтокъ; такъ какъ растения не имѣютъ нервной системы съ ея проводящими путями, то единства сознанія въ растенияхъ Гартманъ не допускаетъ.

Въ безсознательной душевной дѣятельности воля и представленіе связаны нераздѣльно. Сознаніе-же возникаетъ вслѣдствіе эмансипированія представленія отъ воли. Живая клѣтка есть не только индивидуумъ, но даже индивидуумъ сознающій. Органический индивидуумъ высшаго порядка состоитъ изъ единства индивидуумовъ нисшаго порядка. Сознаніе возникаетъ только черезъ взаимодействие органическаго индивидуума и Безсознательнаго. Жизненный принципъ, дѣйствующій какъ въ цѣломъ организмѣ, такъ и въ его частяхъ, есть ничто иное какъ вездѣ одинаковое Безсознательное или «безсознательная міровая душа». Развѣтіе органическаго міра есть проявленіе той же всеединой реальности. Гартманъ принимаетъ первичное зарожденіе (*generatio spontanea*) при

началѣ органической жизни, но допускаетъ его только подъ непосредственнымъ участіемъ Безсознательнаго. Высшіе организмы произошли изъ низшихъ волею того-же бессознательно-творческаго духовнаго начала. Если теперь не происходитъ первичнаго зарожденія даже низшихъ организмовъ, хотя всемогущему Безсознательному ничего не стоитъ непосредственно произвести не только простѣйшій организмъ, но и высшее животное или растеніе, то только потому, что Безсознательное разчетливо, и не хочетъ тратить много силы тамъ, гдѣ цѣль достигается съ меньшею затратою путемъ болѣе отдаленнымъ и долгимъ, путемъ органическаго развитія (*lex parcimoniae naturae*).

Безсознательное всеобщее; оно проявляется въ жизни тѣлесной и духовной, въ инстинктѣ, умѣ, чувствѣ, стремленіи, характерѣ, поэзіи, творествѣ, языкѣ, наконецъ въ исторіи. Цѣль міроваго процесса есть развитіе органической природы. Сознаніе есть продуктъ дѣятельности нервныхъ центровъ, въ особенности-же большаго головного мозга высшихъ животныхъ и человѣка. Мозгъ есть необходимое условіе сознанія; безтѣлесное сознаніе немыслимо. Только бессознательное не зависитъ отъ мозга или вообще отъ матеріи, потому что бессознательная душевная дѣятельность есть часть бессознательной міровой души. Отдѣльныя органическія особи суть опредѣленные акты воли Безсознательнаго. Гартманъ даже признаетъ значеніе Дарвиновскаго принципа естественнаго подбора, но считаетъ его только средствомъ, которымъ пользуется Безсознательное для достиженія своихъ цѣлей. Матеріальное движеніе, т. е. колебаніе частицъ мозга, есть необходимое условіе сознанія. Сознаніе происходитъ изъ Безсознательнаго, потому что оно есть ничто иное какъ изумленіе воли (*sic*) передъ нежелаемымъ ею представле-

ніємъ, а потому сознаніе всегда связана съ недовольствомъ. Сознаніе есть эманципація представленія отъ воли, причемъ воля противится такой эманципаціи. Надо замѣтить, что ученіе о происхожденіи сознанія самое темное мѣсто во всей «философіи Безсознательнаго». Воля сама по себѣ никогда не можетъ быть сознательною, потому что она никогда не можетъ быть въ противорѣчій съ собою. При появленіи сознанія происходитъ распаденіе на субъектъ и объектъ, потому что объекты сознанія суть чувства удовольствія и неудовольствія. Сознаніе и самосознаніе—вещи очень различныя. Сознаніе становится самосознаніемъ только тогда когда объектомъ его дѣлается представленіе субъекта. Самосознаніе имѣетъ степени, сознаніе нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ ни высшаго ни нисшаго сознанія. Человѣческое сознаніе и сознаніе нисшихъ животныхъ въ сущности совершенно одинаковы и различаются только по содержанію. Единство сознанія обусловливается тѣмъ, что нервная система представляетъ одно цѣлое.

Матерія въ послѣднемъ анализѣ сводится къ представленію системы силъ. Атомная сила разрѣшается на волю и представленіе. И такъ атомы суть проявленія единой субстанціи Безсознательнаго. Вещество есть пустое слово, не нужное для науки. Сила мыслима и безъ матеріи.

Весь міръ есть сумма дѣятельностей или актовъ воли Безсознательнаго. Душа происходитъ изъ общаго духа, и возрастаетъ постепенно, параллельно съ развитіемъ органической способности къ жизни. Безсознательное премудро и дѣйствія его—самыя цѣлесообразныя изъ всѣхъ возможныхъ. слѣдовательно нашъ міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Повышеніе сознанія, ближайшая цѣль міроваго процесса, собственно есть средство настоящая-же цѣль есть счастье. Высшее достижимое

состояніе счастья есть покой, равняющійся небытію. Счастіе для человѣка возможно только при условіи иллюзіи. Но иллюзіи рано или поздно исчезаютъ, и мы убѣждаемся, что все есть суета. Возможное повышеніе міроваго процесса повлечетъ къ повышенію пессимистическаго сознанія въ человѣчествѣ и разрушитъ послѣднюю иллюзію о достижимости счастья въ будущемъ міроваго процесса, и человѣчество, увидя невозможность положительнаго счастья, сознательно будетъ стремиться къ нирванѣ.

Вотъ сжатое изложеніе «Философіи Безсознательнаго,» о которой можно сказать, что она писана диллетантомъ и для диллетантовъ. По выраженію Оскара Шмидта, это — опіать для слабыхъ головъ, — вотъ вся тайна ея успѣха.

V.

Основаніе психологическаго метода положено Локкомъ. Еще болѣе сдѣлали шагъ впередъ въ этомъ направленіи Гартлей и Э. Дарвинъ. Но *научный* или *физиологическій методъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова мы находимъ только у врача Кабаниса.

Кабанисъ, написавшій извѣстный трактатъ «Rapport du physique et du moral de l'homme», хотя и былъ ученикомъ Кондильяка, тѣмъ не менѣе ясно созналъ невозможность ограничивать психическія явленія ощущеніями, игнорируя природные инстинкты. Великая заслуга Кабаниса состоитъ въ томъ, что у него у перваго психологія является отраслью науки о жизни вообще, связываетъ проявленія разума и воли съ общими жизненными явленіями и показываетъ, что тѣло и душа соотносительны. Съ этихъ поръ душа, какъ одна изъ сторонъ жизни, должна

быть изучаема не спекулятивно, но посредствомъ метода естественныхъ наукъ, метода опыта и индукціи. Путемъ наблюденія человѣческаго организма и сравненіемъ его съ организмами животныхъ, Кабанисъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. «Способность чувствованія и произвольнаго движенія составляетъ существенное свойство животной природы. Чувствованіе состоитъ въ свойствѣ нервной системы отзываться на впечатлѣнія, дѣйствующія на различныя ея части, въ особенности на окончанія нервовъ. Эти впечатлѣнія могутъ быть внѣшними и внутренними. Ясно различаемыя внѣшнія впечатлѣнія называются *ощущеніями*. Внутреннія впечатлѣнія болѣею частію смутны и неясны; животное только смутно чувствуетъ ихъ, но не различаетъ ясно ихъ связи съ причинами. Ощущенія составляютъ результатъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на органы чувствъ; отъ ощущеній происходятъ *идеи*. Внутреннія впечатлѣнія истекаютъ или изъ нормальнаго хода отправленій или изъ болѣзненнаго состоянія органовъ; ими обусловливаются побужденія, называемыя инстинктами. Ощущеніе и движеніе тѣсно связаны другъ съ другомъ. Каждое движеніе обусловливается впечатлѣніемъ, и нервы, какъ органы ощущенія, возбуждаютъ и направляютъ органы движенія. При ощущеніи нервный органъ дѣйствуетъ самъ на себя; при движеніи онъ дѣйствуетъ на мышцы, заставляя ихъ сокращаться. Наконецъ, жизненныя отправленія могутъ совершаться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ нервныхъ развѣтвленій, уединенныхъ отъ общей массы нервной системы; такъ, напр., инстинктивныя способности могутъ замѣчаться даже тогда, когда головной мозгъ почти совершенно разрушенъ, или когда онъ, повидимому, вовсе не дѣятеленъ. Но для образованія мыслей необходимо, чтобы существовалъ головной мозгъ, и притомъ въ здо-

ровомъ состояніи. *Головной мозгъ есть спеціальный органъ мысли*».

Кабанису современна другая доктрина, ставившая своимъ основаніемъ фізіологію, и быстро пріобрѣтшая огромную извѣстность, это—*френологія*. Какъ-бы ни смѣялись теперь надъ френологіею, но для своего времени произведение *Галля* (*Anatomie et physiologie du système nerveux*, 1810) было произведеніемъ въ высшей степени замѣчательнымъ. (Это-же сочиненіе явилось въ переработанномъ видѣ въ 6-ти том. in 8° въ 1823 г. подъ названіемъ *Fonctions du cerveau*). Изъ своихъ анатомическихъ изслѣдованій Галль вывелъ заключеніе, что форма черепа соотвѣтствуетъ формѣ мозга, и что различныя способности локализованы на поверхности мозга. Сначала Галль принималъ 24 такихъ «мозговыхъ органа,» впослѣдствіи только 20 и притомъ иначе размѣстилъ ихъ. Заслуга Галля вообще состоитъ въ томъ, что онъ далъ сильный толчекъ изслѣдованію головного мозга, и установилъ какъ незыблемый законъ, что психическія явленія непосредственно связаны съ нервной системою вообще и съ головнымъ мозгомъ въ особенности; онъ также установилъ правильную связь между органомъ и функціею. Галлевская френологія есть въ одно и тоже время психологія и практическое искусство узнавать характеры людей. Френологія утверждаетъ, что различныя мозговые органы развиты неодинаково у разныхъ субъектовъ, и что этимъ различіямъ соотвѣтствуютъ различія индивидуальнаго характера; она считаетъ возможнымъ опредѣлять характеры людей не только по наружному виду мозга, но даже по возвышеніямъ и углубленіямъ черепа.

Относительно значенія френологіи можно повторить то, что сказалъ о ней Іоганнъ Мюллеръ: «Что касается принципа, то противъ возможности его ничего нельзя

сказать а priori, но Галлевская органологія не имѣетъ никакого опытнаго основанія и исторія головныхъ поврежденій скорѣе говоритъ противъ существованія особыхъ областей въ мозгу для различныхъ умственныхъ дѣятельностей.» Прибавимъ, что неровности на наружной поверхности черепа вовсе не соотвѣтствуютъ возвышеніямъ и углубленіямъ на поверхности мозга; даже на внутренней поверхности черепныхъ костей отпечатывается только общая форма мозга, а не извилины его.

Попытка *Гербарта* создать математическую психологію была чистымъ самообольщеніемъ, и не привела рѣшительно ни къ чему. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Гербарта еще до сихъ поръ чувствуется въ нѣмецкой психологіи. Психологія Гербарта (*Psychologie als Wissenschaft*, 1825 и *Lehrbuch der Psychologie*, 1815) въ сущности метафизическая, потому что понятіе о бытіи у него основано не на опытѣ, а на спекуляціи. Бытіе по Гербарту, абсолютно просто, едино и можетъ имѣть лишь атрибутъ качества. Душа есть простая, нераздѣлимая субстанція, неизвѣстная по существу, но знакомая намъ только по своей дѣятельности, цѣль которой есть *самосохраненіе* (*Selbsterhaltung*). Результатъ этого стремленія къ самосохраненію суть представленія, происходящія изъ отношеній субъекта къ другимъ существамъ. Несмотря на такое метафизическое понятіе о бытіи и о душѣ, Гербартъ даетъ роль въ своей психологіи наблюденію и является ожесточеннымъ противникомъ ученія о душевныхъ способностяхъ, которое у Вольфа и Канта поглотило всю психологію. Гербартъ стремился сдѣлать психологію точною наукою, но не находя возможности примѣнить къ ней экспериментъ, вздумалъ основать ее на вычисленіи. Всѣ состоянія сознанія, по Гербарту, суть представленія, которыя, насколько они противодѣй-

ствуютъ другъ другу, могутъ быть разсматриваемы какъ противоположныя силы. Отсюда, — психологія раздѣляется на *статику*, разсматривающую условія равновѣсія представленій и *динамику*, изучающую законы ихъ движенія. Существеннѣйшую роль въ душевной жизни играетъ антагонизмъ представленій, который можетъ быть различенъ по степени. Вслѣдствіе этого антагонизма часть взаимно противодѣйствующихъ впечатлѣній теряется (Nemung). Подавленіе представленія можетъ дойти до того, что вытѣснить представленіе изъ сознанія, не уничтожая однако его совершенно, такъ что представленіе остается въ видѣ скрытой потенціи. Тотъ случай, когда преставленія совершенно подавляютъ другъ друга, будетъ, по Гербарту, случаемъ равновѣсія. При преобладаніи одного представленія надъ другимъ получится активное представленіе, или движеніе представленій. Вычисленіе, съ помощію дифференціаловъ, условій этого равновѣсія и движенія и составляетъ предметъ статической и динамической психологіи. Представленіе, подавляемое другимъ представленіемъ, можетъ быть вытѣснено изъ сознанія. Переходный пунктъ между сознательнымъ и безсознательнымъ представленіемъ называется *порогомъ сознанія* (Schwelle des Bewusstseins). Величина этого порога (математическая) есть та величина, которую имѣетъ представленіе при появленіи въ сознаніи; если интенсивность каждаго изъ двухъ представленій А и В равна 1, то С на порогъ сознанія выразится $\sqrt{\frac{1}{2}}$ или 0,707. Простѣйшій случай тотъ, когда два представленія находятся между собою въ полномъ антагонизмѣ и имѣютъ одинаковую интенсивность, напр. оба равны 1; вслѣдствіе взаимнаго противодѣйствія каждое изъ нихъ потеряетъ тогда $\frac{1}{2}$ своей первоначальной интенсивности. При неравной силѣ и не полномъ антагонизмѣ рѣшеніе чрезвычайно сложно. Что касается до

динамики представленій, то она имѣетъ задачи: вычислить уменьшеніе суммы подавленія при движеніи представленій, опредѣлить скорость движенія и время продолжительности каждаго движенія, выразить математически условія возникновенія представленій.

Общія идеи, по Гербарту, возникаютъ изъ взаимной реакціи аналогическихъ представленій. Напр., идея пространства получается изъ послѣдовательности ощущеній въ томъ случаѣ, если эта послѣдовательность можетъ быть пройдена отъ начала къ концу и отъ конца къ началу. Чувства суть ничто иное, какъ отношенія между представленіями. Желанія (сюда Гербартъ включаетъ стремленіе, страсти, волю) происходятъ при преобладаніи одного представленія, направляющаго въ ту-же сторону и другія. Сознаніе есть сумма наличныхъ представленій. Вся психологія Гербарта переполнена произвольными гипотезами, какъ, напр., единство бытія и простота души, стремленіе души къ самосохраненію, особенно-же ученіе, что представленія оставляютъ *остатки*, черезъ которые могутъ сливаться въ одно цѣлое, — и много другихъ. Точки исхода у Гербарта совершенно произвольны и въ то же время слишкомъ просты для того, чтобы привести къ общимъ законамъ взаимныхъ отношеній представленій и дать механику интенсивныхъ психическихъ явленій.

VI.

Теперь, оставя пока нѣмецкую психологію, которая мало по-малу, отрѣшаясь отъ метафизики, становится на твердую почву наблюденія и опыта и постепенно переходитъ въ *физиологическую* психологію, мы займемся англійской школой. «Скипетръ психологіи» говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, «рѣшительно принадлежитъ Англіи».

Дѣйствительно, со времени Локка англичане съ большою любовью занимались эмпирическою психологіею, освобожденною отъ всякой метафизики, и сдѣлали въ этомъ направленіи для психологіи больше, чѣмъ какая-нибудь другая нація. Отцемъ *англійскаго эмпиризма* можно считать Гартлея, о которомъ была рѣчь раньше. Оставивъ въ сторонѣ *Гамильтона*, больше метафизика и логика, чѣмъ психолога, и *Дюальда Стюарта*, мы начнемъ съ *Джемса Милля*, отца *Джона Стюарта Милля*.

Джемсъ Милль есть настоящій творецъ *ассоціанистической* психологіи. Вся психическая дѣятельность у него сводится къ ощущеніямъ, представленіямъ и ассоціаціи ихъ. Онъ распредѣляетъ ощущенія по слѣдующимъ классамъ: обоняніе, слухъ, зрѣніе, вкусъ, осязаніе, ощущеніе разстройства въ различныхъ частяхъ тѣла, ощущенія мышечныя и внутренностныя. По прекращеніи своемъ ощущеніе и представленіе оставляютъ послѣ себя *слѣды* или *копію*; это *Джемсъ Милль* называетъ *идею*. Соотвѣтственно съ этимъ, параллельно способности чувствованія онъ ставитъ способность *идеаціи* (Ideation). Всѣ представленія какъ простыя, такъ и сложныя, происходятъ изъ простыхъ ощущеній и идей вслѣдствіи *ассоціаціи* ихъ. Ассоціація ощущеній происходитъ или въ синхроническомъ (одновременномъ) порядкѣ, и тогда даетъ представленіе пространства, или въ порядкѣ послѣдовательности, и тогда даетъ начало понятію о времени. Что касается до идей, то онѣ рождаются и существуютъ въ томъ-же порядкѣ, какъ тѣ ощущенія, отъ которыхъ онѣ остались какъ копіи. Сложныя идеи ассоціируются точно такъ же, какъ простыя. *Сознаніе* есть ничто иное какъ рядъ или послѣдовательность ощущеній. Послѣдовательность или рядъ идей составить *воображеніе*, гдѣ характеръ идей можетъ быть весьма различенъ; такъ, у медика,

метафизика, купца, юриста, солдата, дипломата — идеи совершенно различны. *Память* или *воспоминание* имѣетъ основною способность идей вызывать одна другую. Вспоминая что-нибудь, мы пробѣгаемъ рядъ идей въ надеждѣ, что одна изъ нихъ вызоветъ въ сознаніе то, что намъ нужно. Сложное воспоминаніе также зависитъ отъ ассоціаціи идей и состоитъ изъ трехъ элементовъ: идеи настоящаго момента, идеи воспоминаемаго момента и ряда промежуточныхъ идей; понятно, что отъ настоящаго момента, возобновивъ рядъ промежуточныхъ идей, мы доходимъ и до припоминаемаго момента. Обобщающими функціями ума Джемсъ Милль называетъ *классифицированіе* и *отвлеченіе* или *абстракцію*. Классифицированіе есть умственный процессъ, посредствомъ котораго мы соединяемъ объекты нашихъ ощущеній въ извѣстныя группы, называемыя *классами*, для удобства обозначенія этихъ предметовъ именами. Абстракція же отдѣляетъ въ сложной идеѣ нѣкоторую часть, чтобы получить предметъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ. Для каждого, получаемого отъ отдѣльнаго предмета ощущенія, наше воображеніе предполагаетъ *причину*; общая причина этихъ причинъ есть *субстратъ*; субстратъ со своими качествами составляетъ *объектъ*. Болѣе простыя мысли у Джемса Милля называются *сужденіями*. Между абстрактными понятіями Джемсъ Милль отличаетъ идеи отношенія или *относительные термины* (напр. сходство и несходство, предъидущій и послѣдующій) и *термины отрицанія*. Происхожденіе понятій времени и пространства объясняются нашимъ авторомъ очень просто. Въ реальномъ предметѣ пространство всегда дается вмѣстѣ съ тѣломъ; стоитъ только отвлечься отъ самаго тѣла, чтобы получить мѣсто его въ пространствѣ или самое пространство. Идея-же времени есть идея послѣдовательности; чтобы получить

отвлеченное представленіе времени нужно обобщить представленіе времени, — представленіе настоящего, прошедшаго и будущаго. Идея движенія есть отвлеченіе изъ представленія движущагося тѣла. Идей пространства и движенія получаютъ изъ осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній.

Наши ощущенія бывають пріятными, непріятными и индифферентными. Причины удовольствія и неудовольствія могутъ быть ближайшими и отдаленными. Идея (т. е. мысленное представленіе) удовольствія есть *желаніе*, идея неудовольствія — *отвращеніе*. Ожиданіе пріятнаго въ будущемъ, но не навѣрное, называется *надеждою*; ожиданіе, что пріятное имѣетъ быть навѣрное, есть *радость*. Ожиданіе непріятнаго при тѣхъ же условіяхъ составитъ *опасеніе* и *огорченіе*. Пріятное ощущеніе или идея этого ощущенія, въ соединеніи съ идеею причины его, даетъ начало *склонности* или *любви*. Непріятное ощущеніе или идея его, въ такомъ-же случаѣ, составитъ *антипатію* или *ненависть*.

Отдаленныя причины удовольствія или неудовольствія даютъ начало чувствамъ и желаніямъ: эгоистическимъ (власть, богатство, почести), социальнымъ (любовь, дружба, товарищество), эстетическимъ (вкусъ, чувство изящнаго).

Побужденіе къ дѣйствію называется *мотивомъ*. Мотивами бывають удовольствіе, неудовольствіе и ихъ причины, близкія и отдаленныя. Нравственныя чувства и добродѣтель имѣють въ основѣ доставляемое ими удовольствіе и пользу, а также одобреніе другихъ людей. Джемсъ Милль придаетъ громадное значеніе воспитанію, которое можетъ устанавливать полезныя ассоціаціи идей. *Воля* есть способность развивающаяся, и на развитіе ея должно обращать особенное вниманіе при воспитаніи. Вопросы о свободѣ воли Джемсъ Милль не касается.

Джонъ Стюартъ Милль одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ философовъ. Его обыкновенно считаютъ между позитивистами, и это справедливо въ томъ смыслѣ, если имѣть въ виду положительное направленіе современной философіи, но собственно къ школѣ позитивизма, глава которой есть Огюстъ Контъ, Милль ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ. Большая часть одного изъ главныхъ его сочиненій, «Системы Логики», написана до его знакомства съ философіею Конта.

Джонъ Стюартъ Милль не изложилъ своихъ психологическихъ воззрѣній систематически и потому намъ придется собирать ихъ по разнымъ его сочиненіямъ.

«Предметъ психологіи, говоритъ Милль (Система Логики пер. Резенера 1867 II гл. VI) составляютъ однообразія послѣдовательности, законы, самобытные или произвольные, по которымъ наши душевныя состоянія слѣдуютъ одно за другимъ, по которымъ одно причиняется другимъ, или, по крайней мѣрѣ, вынуждено за нимъ слѣдовать. Изъ этихъ законовъ одни общіе, другіе болѣе частные». «Пусть психологія далека отъ точности, доступной нынѣ астрономіи, все таки нѣтъ причины, почему бы не признать ее наукою наравнѣ съ тайдологіею (наукою о приливахъ и отливахъ) или астрономіею, когда вычисленія послѣдней одолѣвали только главныя явленія а не пертурбаціи». Относительно метода психологіи Милль говоритъ (Логика, II гл. IV) слѣдующее: «Послѣдовательность душевныхъ явленій не можетъ быть выведена изъ фізіологическихъ законовъ нашей нервной организаціи. Намъ пришлось-бы ждать еще долго и можетъ быть не дожидаться никогда дѣйствительнаго знанія въ томъ объемѣ, въ которомъ мы можемъ приобрѣсти его путемъ прямаго изученія послѣдовательности душевныхъ явленій. Такимъ образомъ, существуетъ наука о душѣ, отличная

отъ фیزیологіи нервной системы. Конечно, никогда не должно упускать изъ вида отношеній науки о душѣ къ фیزیологіи или пренебрегать этими отношеніями. Отнюдь не слѣдуетъ забывать, что законы души могутъ быть производными законами, вытекающими изъ законовъ животной жизни, и что истинность ихъ, вѣроятно, въ концѣ концовъ опирается на фیزیческихъ условіяхъ. Вліяніе фیزیологическихъ состояній или измѣненій на измѣненіе или нарушеніе послѣдовательности душевныхъ явленій есть одинъ изъ болѣе важныхъ отдѣловъ психологической науки. Но, съ другой стороны отвергать (какъ Огюсть Контъ) пособіе психологическаго анализа и строить теорію души на однѣхъ данныхъ, какія представляетъ фیزیологія, кажется мнѣ важною ошибкою въ принципѣ и еще большею на практикѣ».

Само собою разумѣется, что Джонъ Стюартъ Милль свою эмпирическую психологію или психологію *a posteriori* противопоставляетъ психологіи метафизической или *a priori*. Последняя утверждаетъ, что во всякомъ психическомъ актѣ, даже въ самомъ простомъ, есть элементъ, не входящій извнѣ, но обусловливаемый самимъ духомъ въ силу его собственныхъ свойствъ. Въ этомъ душевномъ элементѣ нуждается, напр., ощущеніе, чтобы сдѣлаться воспріятіемъ. Понятія пространства, времени, числа, силы и др. суть продукты не опыта, а собственныхъ законовъ духа, только пробуждаемыхъ ощущеніями. Точно также опытъ неприменимъ (по мнѣнію метафизиковъ) къ явленіямъ нравственнаго порядка. Напротивъ, психологія эмпирическая, не отвергая въ нашихъ идеяхъ элемента, налагаемаго субъектомъ, и вполнѣ признавая, что наши представленія не суть точныя копіи внѣшнихъ предметовъ, но продукты нашей психической организаціи, полагаетъ, что всѣ душевные процессы могутъ

быть изслѣдованы и объяснены. Она полагаетъ, что можно открыть законы, по которымъ изъ простыхъ идей и представленій происходятъ сложные идеи и общія понятія, какъ-то: понятія времени, пространства, причинности и др.

Основные положенія психологіи *a posteriori* суть: 1) самыя общія и абстрактныя умственные явленія суть продукты явленій простыхъ и элементарныхъ; 2) психологическій законъ, посредствомъ котораго происходятъ эти идеи, есть законъ ассоціаціи.

Въ наукѣ о душѣ, какъ и во всякой другой естественной наукѣ, можно слѣдовать двумя путями, или путемъ *индуктивнымъ*, возвышаясь отъ частныхъ фактовъ къ общимъ законамъ и отъ послѣднихъ — къ еще болѣе общимъ, или путемъ *аналитическимъ*, отправляясь отъ сложныхъ явленій и разлагая ихъ на явленія простыя.

Кромѣ общей психологіи, изслѣдующей законы душевныхъ явленій, Джонъ Стюартъ Милль отличаетъ *практическую психологію* или *этологію*. Этологія есть наука о характерѣ; это — прикладная психологія, въ настоящее время находящаяся еще въ эмбриональномъ состояніи; этологія занимается не общими, но производными и частными законами психической дѣятельности, преимущественно законами образованія характера. Она можетъ быть названа точною наукою о человѣческой природѣ, потому что истины ея суть не приблизительныя обобщенія, подобно зависящимъ отъ нихъ эмпирическимъ законамъ, а дѣйствительныя законы. Психологія есть наука опыта и наблюденія; этологія — наука вполне дедуктивная. Если первая указываетъ простые законы душевной жизни вообще, то вторая обнаруживаетъ ихъ дѣйствіе въ сложныхъ сочетаніяхъ обстоятельствъ (Логика, кн. VI, гл. V). Между психологіею и этологіею такое-

же различіе, какъ между физикою и механикою. Методъ изученія этологіи можетъ быть двоякій. Можно взять частное явленіе, вывести его теоретическія слѣдствія и сравнить выводъ съ непосредственными данными опыта; или можно изучать различные типы человѣческой природы, анализировать ихъ, наблюдать условія и обстоятельства, при которыхъ господствуютъ извѣстные типы, и затѣмъ объяснять характеристическія черты типовъ особенностью условій. Само собою разумѣется, что дедуктивные выводы этологіи нуждаются въ провѣркѣ а posteriori.

Теперь взглянемъ собственно на психологію Милля. Душею мы называемъ то, что чувствуетъ въ насъ. Проявленія души суть ощущенія, идеи, душевныя движенія, воля. *Сознаніе* есть интуитивное познаніе, составляющее фонъ нашихъ душевныхъ состояній, которыя только и могутъ появляться въ сознаніи и благодаря сознанію; имѣть ощущеніе значитъ имѣть сознаніе объ этомъ ощущеніи. Милль хотя и признаетъ, по примѣру Гамильтона, бессознательные акты, но не причисляетъ ихъ къ области душевной дѣятельности, а считаетъ ихъ результатами измѣненій собственно въ нервахъ. Понятіе о *личности*,—т. е. самосознаніе, отличеніе себя отъ окружающаго,—не присуще намъ съ самаго начала, но составляетъ продуктъ извѣстнаго числа ощущеній. Различеніе субъекта и объекта, духа и матеріи приводится къ отличію ощущенія, принимаемаго субъективно, отъ ощущенія, разсматриваемаго объективно. Наше воспріятіе матеріи или объекта въ сущности сводится къ представленію трехъ основныхъ качествъ — сопротивленія, протяженія и формы. Сопротивленіе дается намъ нашими мышечными ощущеніями, съ которыми такъ тѣсно ассоціируются осязательныя ощущенія, что однихъ послѣд-

нихъ часто довольно, чтобы возбудить представленіе сопротивленія, относимое къ какой-нибудь вѣшной причинѣ (объекту). Идея протяженія зависитъ отъ воспріятія послѣдовательности. Ощущеніе мышечнаго движенія даетъ происхожденіе представленію незанятаго пространства, ощущеніе задержаннаго мышечнаго движенія обусловливаетъ представленіе занятаго пространства или протяженія. То обстоятельство, что у насъ въ происхожденіи понятія о пространствѣ играетъ большую роль зрѣніе, затемняетъ указанное происхожденіе понятія пространственности. Но наблюденія надъ слѣдпорожденными не позволяютъ сомнѣваться, что это понятіе въ сущности приводится къ идеѣ времени и что представленіе протяженія или разстоянія есть собственно представленіе болѣе или менѣе долго продолжающагося мышечнаго движенія.

Главнѣйшій законъ психической жизни есть законъ *ассоціаціи*. «Этотъ законъ», говоритъ Милль, «имѣетъ для психологіи то же значеніе, какъ законъ тяготѣнія для астрономіи, или элементарныя свойства для фізіологіи.» Частные законы ассоціаціи суть: 1) идеи ассоціируются по сходству; 2) идеи ассоціируются, если онѣ возникаютъ одновременно или непосредственно одна за другою; 3) большее напряженіе одного или обоихъ впечатлѣній равняется, въ отношеніи ассоціируемости, болѣе частому повторенію ихъ сочетанія (Логика, кн. VI, гл. IV). Сложныя идеи могутъ быть сравниваемы иногда со сложными механическими явленіями, иногда съ химическими соединеніями. Въ первомъ случаѣ результатъ дѣйствія многихъ причинъ есть просто сумма дѣйствій каждой причины въ отдѣльности, такъ что въ общемъ итогѣ мы всегда можемъ отыскать каждую изъ отдѣльныхъ причинъ. Во второмъ случаѣ, т. е. въ результатѣ химичес-

каго соединенія, мы получаемъ тѣло, вовсе не похожее на тѣла, изъ которыхъ оно составилось. Поэтому, можно сказать, что иногда сложные идеи *слагаются* изъ простыхъ, иногда ими *производятся*.

Синхроническія ассоціаціи характеризуютъ людей впечатлительныхъ и даютъ живое представленіе о предметѣ, съ чрезвычайною конкретностью и обиліемъ подробностей. Преобладаніе этихъ ассоціацій составляетъ то, что называется *живымъ воображеніемъ*,—способностью, которою отличаются вообще художники. У другихъ людей преобладаютъ послѣдовательныя ассоціаціи, особенно характеризующія людей, много мыслящихъ, ученыхъ и философовъ.

Намъ остается теперь сказать о Миллевской теоріи причинности, о ея понятіи о свободѣ воли, о матеріи и духѣ. Значенія Милля, какъ логика и моралиста, мы касаться не будемъ.

«Явленія природы,» говоритъ нашъ авторъ (Логика, кн. III, гл. V) стоятъ одно къ другому въ двоякомъ отношеніи, въ отношеніи одновременности и въ отношеніи послѣдовательности. Каждое явленіе связывается единообразно съ нѣкоторыми явленіями, существующими съ нимъ одновременно, и съ другими, которыя ему предшествовали, или послѣдуютъ за нимъ. «Извѣстныя явленія всегда слѣдуютъ и, какъ мы полагаемъ, всегда будутъ слѣдовать за извѣстными другими явленіями. Незмѣнный предшествующей членъ этого отношенія называется *причиною*, неизмѣнный послѣдующій членъ — *слѣдствіемъ*. Говоря философски, «причина есть сумма всѣхъ условий положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, совокупность случайностей всякаго рода, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ.» Но неизмѣнная послѣдовательность еще не однозначуща съ

отношеніемъ причины къ слѣдствію; нужно чтобы послѣдовательность была не только неизмѣнна, но и безусловна. Послѣ ночи неизмѣнно слѣдуетъ день, но ночь вовсе не есть причина дня. И такъ, причина есть антецедентъ или цѣлый рядъ антецедентовъ съ которыми явленіе связано неизмѣнно и безусловно необходимо. Безусловная необходимость такой связи узнается путемъ опыта. Въ послѣдовательности дня и ночи опытъ показываетъ отсутствіе безусловности; ночь и день имѣютъ общую причину, обуславливающую ихъ правильную смѣняемость.

Метафизики говорятъ, что причина всѣхъ явленій есть духъ или воля. Милль не занимается причинами трансцендентальными, но, переводя вопросъ на почву чловѣческой воли, находитъ, что воля не есть *causa efficiens*, но причина физическая. Воля обуславливаетъ тѣлесное движеніе въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ холодъ производитъ ледъ и искра производитъ взрывъ пороха. Хотѣніе, состояніе нашего я, есть предшествующее, своеобразное хотѣнію движеніе—послѣдующее. Теорія, выставляющая волю какъ *causa efficiens*, опровергается тѣмъ, что между сознаваемымъ актомъ воли и двигательнымъ актомъ, также сознаваемымъ нами, есть рядъ промежуточныхъ актовъ, совершенно несознаваемыхъ.

Между общими идеями однѣ, по общему признанію, суть обобщенія опыта, другія-же отличаются характеромъ необходимости, ставящимъ ихъ, по мнѣнію раціоналистовъ, выше опыта. По Миллю, и общія идеи послѣдняго рода суть также обобщенія опыта. Положеніе, какъ напр.: «двѣ параллельныя линіи всегда находятся на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга,» не есть положеніе апріорное, потому что эта истина — ничто иное, какъ продуктъ «мысленно продолженнаго опыта.» Что касается характера необходимости, т. е. немыслимости здѣсь от-

рицанія, то этотъ критерій для Милля не имѣетъ большаго значенія. Многія вещи, бывшія когда-то немислѣмостями, стали теперь фактами (напр., существованіе антиподовъ, явленія тяготѣнія, авіонавтика).

Процессъ мышленія на нисшей своей ступени есть ничто иное, какъ случайное ассоціированіе идей. Форма примитивнаго мышленія есть заключеніе отъ частнаго къ частному. Правильное сужденіе есть заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему, причемъ мѣсто случайныхъ ассоціацій, характеризующихъ дѣтей и высшихъ животныхъ, занимается ассоціаціями постоянными и безусловными, т. е. отношеніями причинности.

Относительно вопроса о *свободѣ воли* Милль держится такого мнѣнія. Существуютъ необходимыя физическія послѣдовательности, напр., смерть при отсутствіи воздуха или пищи, и существуютъ причинныя отношенія, не представляющія такой необходимости, напр., смерть отъ отравленія, которая можетъ быть предотвращена употребленіемъ противоядія или желудочнаго насоса. Человѣческія дѣйствія принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Причинность отношеній здѣсь существуетъ въ полной силѣ, но необходимости тутъ нѣтъ, такъ что мы можемъ дѣлать рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ. Тутъ происходитъ борьба, но не между волею и чѣмъ-то постороннимъ, но между двумя мотивами, изъ которыхъ сильнѣйшій всегда побѣждаетъ. Отвѣтственность, однако, остается въ полной мѣрѣ. Мы имѣемъ нравственную обязанность стараться объ облагороженіи нашего нравственнаго характера, потому что наше поведеніе, а частію и нашъ характеръ зависятъ отъ насъ самихъ.

Психологическая теорія вѣрованія въ реальность внѣшняго міра предполагаетъ нѣкоторые постулаты, которые всѣ берутся изъ опыта: 1) испытавъ дѣйствительныя

ощущенія мы способны составить понятіе вообще объ ощущеніяхъ возможныхъ; 2) наши идеи ассоціируются по извѣстнымъ законамъ: а) о сходныхъ явленіяхъ мы всегда мыслимъ вмѣстѣ; б) мы всегда мыслимъ вмѣстѣ объ явленіяхъ, смежныхъ по пространству и времени; с) ассоціаціи, обусловленныя смежностью, становятся особенно устойчивыми; 3) когда образовались устойчивыя ассоціаціи, — явленія, соотвѣтственные ассоціированнымъ идеямъ, кажутся нераздѣльно и неизмѣнно связанными между собою.

Такимъ образомъ, порядокъ нашихъ ощущеній и идей, устанавливая естественныя и необходимыя ассоціаціи, неизбѣжно приводитъ къ вѣрѣ въ существованіе внѣшняго міра и вѣра эта кажется намъ интуитивною. Во всякомъ случаѣ, идея внѣшняго міра есть идея ощущеній, дѣйствительныхъ или возможныхъ. Возможныя ощущенія, группы этихъ возможностей и порядокъ между группами, а также полное согласіе въ этомъ отношеніи всѣхъ людей, — въ результатъ даютъ идею *матеріи* (*Examination of Sir William Hamilton philosophy, ch. XI*). Если спросить, почему мы полагаемъ, что предметы существуютъ *вне* насъ, мы отвѣтимъ, что это зависитъ отъ постоянства и неизмѣнности группъ возможныхъ ощущеній, неизмѣняющихся при измѣненіяхъ нашего сознанія. Разумѣется, понятіе о матеріи относительно. Мы знаемъ внѣшній міръ только по измѣненіямъ, производимымъ имъ въ нашемъ сознаніи. Наше понятіе о *духѣ* (указ. сочин. гл. XII) есть собственно понятіе о чемъ-то постоянномъ въ противоположность мѣняющимся состояніямъ сознанія. Идея о духѣ есть ничто иное какъ представленіе ряда дѣйствительныхъ ощущеній и безконечнаго ряда ощущеній возможныхъ, способныхъ реализоваться въ надлежащихъ условіяхъ. Такое опредѣле-

ніе понятія о духѣ, само по себѣ, нисколько не противорѣчить ни понятію о Высшемъ Духѣ, ни понятію о безсмертіи души.

Гербертъ Спенсеръ можетъ быть названъ оригинальнѣйшимъ изъ современныхъ мыслителей. Ему мы обязаны полной теоріей *эволюціонизма*. Изъ всѣхъ его капитальныхъ трудовъ насъ здѣсь интересуютъ преимущественно его *Principles of Psychology*. Содержаніе этого сочиненія нелегко можетъ быть рассказано на нѣсколькихъ страницахъ, потому что въ подлинникѣ эти два тома составляютъ болѣе тысячи страницъ.

По Спенсеру, психологія занимается не соотношеніями внутреннихъ явленій, — это предметъ фізіологій, — и не соотношеніями явленій внѣшнихъ, — это предметъ физики, — а соотношеніемъ перваго соотношенія со вторымъ. То, что мы называемъ душою, по всей вѣроятности, въ послѣднемъ анализѣ есть нервный процессъ, изъ котораго путемъ интеграціи (сліяніе въ одно цѣлое) происходятъ всѣ различныя состоянія нашего сознанія (*Princ. of psych. t. II ch. I*). Всѣ состоянія сознанія могутъ быть раздѣлены — на душевныя движенія, исходящія изъ нервныхъ центровъ, и ощущенія, берущія начало изъ периферіи. Периферическія ощущенія раздѣляются на наружныя и внутреннія. Отношенія между состояніями сознанія сводятся къ тремъ рубрикамъ; сосуществованіе, послѣдовательность и различіе. *Principles of psychology* имѣютъ задачею, посредствомъ двойнаго пути синтеза и анализа, показать единство душевныхъ явленій и непрерывность ихъ развитія. Первый результатъ, къ которому мы приходимъ при изученіи психическихъ явленій, — тотъ, что между ними и явленіями фізіологическими нѣтъ рѣзкой границы; жизнь тѣла и жизнь души суть только

различные виды жизни вообще. Задача научной психологии состоитъ въ изученіи различныхъ формъ ощущенія и мысли и въ томъ, чтобы прослѣдить нить непрерывнаго развитія съ ничтожнѣйшей инфузоріи до цивилизованнаго человѣка. Основная идея психологии Спенсера — *принципъ прогресса* или *развитія*. «Хотя мы обыкновенно различаемъ жизнь душевную отъ жизни тѣлесной, но стоитъ только немного подняться выше обыкновенной точки зрѣнія, чтобы убѣдиться, что жизнь тѣла и жизнь души суть только виды одной общей жизни и что всякая граница между ними совершенно произвольна».... «Но если принять въ соображеніе, что отъ простаго рефлексивнаго акта ребенка, акта сосанія, до самаго сложнаго мыслительнаго процесса взрослого человѣка прогрессъ идетъ съ каждымъ днемъ, хотя медленно и постепенно, если убѣдиться, что между автоматическими актами самыхъ низшихъ изъ живыхъ существъ и самыми высшими функциями человѣческаго сознанія лежитъ рядъ психическихъ явленій, свойственныхъ различнымъ классамъ животнаго царства, — то понятно, что трудно и даже невозможно сказать на извѣстномъ мѣстѣ этого ряда: здѣсь начинается мышленіе». Вотъ — ученый, который примѣняетъ въ своихъ изысканіяхъ различныя умственные операціи и методы мышленія, вполне отдавая въ нихъ отчетъ себѣ, вотъ — человѣкъ обыкновеннаго уровня образованія, разсуждающій здраво и умно, но безъ отчета какъ это происходитъ; далѣе, вотъ — крестьянинъ, у котораго самыя высшія обобщенія не выходятъ изъ области мѣстныхъ фактовъ; вотъ дикарь, почти неразмышляющій, понятія котораго о числахъ едва превышаютъ понятія этого рода у собаки; далѣе, — высшій представитель приматовъ, дѣйствія котораго настолько же обдуманны, какъ у маленькаго школьника; потомъ, — самыя

вышшія въ умственномъ отношеніи четвероногія, отъ которыхъ постепенно можно перейти къ животнымъ, руководящимся только инстинктомъ и не мѣняющимъ своихъ дѣйствій сообразно обстоятельствамъ; отъ сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствій перейдемъ къ простымъ, гдѣ стимулъ и движеніе очень просты; далѣе — рефлексъ, гдѣ мышечное сокращеніе непосредственно вызывается раздраженіемъ чувствующаго нерва; еще ниже — и вотъ животныя, лишенныя какъ мышечной, такъ и нервной системы, у которыхъ одна и таже ткань имѣетъ чувствительность и сократительность и, кромѣ того, отправляетъ функціи питанія, выдѣленія, дыханія и размноженія. Просмотрѣвши этотъ длинный рядъ различныхъ ступеней развитія и убѣдившись, что между сосѣдними ступенями рѣзкихъ границъ не существуетъ, мы поймемъ тогда, что не можетъ быть рѣзкой границы между умственными явленіями и явленіями жизни органической вообще.

Другое основаніе доктрины Спенсера — необходимое соотвѣтствіе между живымъ существомъ и его средою. Жизнь есть *соотвѣтствіе* или непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Когда къ физической жизни присоединяется жизнь психическая, приспособленіе становится только болѣе сложнымъ. Степень жизни различна, такъ же какъ различна и степень соотвѣтствія. Между простѣйшими животными, состоящими только изъ одной ткани и отражающими только самыя простыя механическія измѣненія сосѣднихъ молекулъ, до Шекспира и Ньютона, носившихъ въ умѣ всю конкретную или абстрактную реальность міра, — довольно мѣста для всевозможныхъ степеней соотвѣтствія, но параллелизмъ между животнымъ и его средою всегда существуетъ.

Самая низшая степень соотвѣтствія — *соотвѣтствіе*

прямое и однородное, Примѣры: дрожжевыя клѣтки, грибокъ *protococcus nivalis*, одноклѣточное животное гregarина. Здѣсь организмъ крайне простъ, въ немъ мало измѣненій и то такія, которыя непосредственно зависятъ отъ измѣненій въ средѣ, почти однородной; отдаленнаго соотвѣтствія между внутренними и внѣшними отношеніями здѣсь еще нѣтъ. Спенсеръ не зналъ тогда, что существуютъ еще болѣе простыя существа, не дошедшія еще до степени клѣтки, это — недавно открытыя *монеры*, которыя находятся въ глубинѣ морей въ видѣ простыхъ комковъ однороднаго слизистаго вещества и которыя питаются, просто втягивая въ себя питательныя частицы или инфузорій и растворяя ихъ (см. *Haeckel, natürl. Schöpfungsgeschichte*).—Степенью выше соотвѣтствіе *прямое*, но *инородное*, какъ у зоофита, употребляющаго свои щупальцы. Здѣсь существованію въ средѣ осязаемыхъ частичекъ и другимъ ея качествамъ соотвѣтствуетъ въ организмѣ отношеніе послѣдовательности между извѣстными осязательными впечатлѣніями и сокращеніями.—Далѣе, *соотвѣтствіе распространяется въ пространство*, т. е. внутреннія отношенія приспособляются къ болѣе и болѣе отдаленнымъ внѣшнимъ отношеніямъ. Возьмемъ, напр., органъ зрѣнія. У нисшихъ животныхъ вся ихъ ткань имѣетъ способность отвѣчать на рѣзкія свѣтovyя раздраженія; зачаточный глазъ у планеръ является въ видѣ небольшого количества пигментныхъ зеренъ, помѣщенныхъ подъ кожу; у членистыхъ моллюсковъ, у водяныхъ позвоночныхъ, у высшихъ млекопитающихъ и у человѣка мы видимъ все большее и большее усовершенствованіе органа зрѣнія, все большую и большую способность охватывать отдаленныя внѣшнія отношенія. Моллюскъ движется только при непосредственномъ прикосновеніи къ нему, цивилизованный человѣкъ приспособляется

къ самымъ отдаленнымъ внѣшнимъ отношеніямъ. Европейскій банкиръ *с*сображается въ своихъ дѣйствіяхъ съ ходомъ дѣлъ въ Америкѣ, а искусственно усиленный глазъ астронома достигаетъ до далекихъ туманныхъ пятенъ. — *Соотвѣтствіе* *возрастаетъ также во времени.* Нисшимъ животнымъ доступны только простѣйшія и кратчайшія механическія слѣдствія. Чѣмъ выше животное, тѣмъ болѣе оно приспособляется къ болѣе долгимъ періодамъ и, наконецъ, начинаетъ предвидѣть будущее, какъ собака, прячущая кость на голодной день. У бродячихъ дикихъ племенъ самый долгій промежутокъ времени, имѣемый въ виду, — самое большее годъ. Мы-же садимъ деревья, плоды которыхъ увидятъ только наши потомки, и строимъ дома, которые будутъ стоять столѣтія. Было время, когда человѣкъ зналъ только послѣдовательность дня и ночи; современный-же астрономъ опредѣляетъ громадное время, послѣ котораго земная ось возвратится къ своему прежнему положенію въ пространствѣ и еще болѣе громадный періодъ планетныхъ пертурбацій. Прогрессъ виденъ также въ *спеціализаціи* соотвѣтствія. Напр., развитіе органа зрѣнія выражается въ возрастаніи способности различать оттѣнки цвѣтовъ и тѣней. Прогрессъ въ спеціализаціи представляется также въ переходѣ отъ обыкновеннаго знанія къ наукѣ, къ точному количественному предвидѣнію.

Кромѣ того, соотвѣтствіе возрастаетъ въ *общности* и *сложности.* Впечатлѣніе, получаемое отъ объектовъ, становится все болѣе и болѣе инороднымъ. Напримѣръ, глазъ, воспринимаетъ не только цвѣтъ, величину и форму, но и разстояніе въ пространствѣ, движеніе и его быстроту. Примѣръ возрастанія въ общности и сложности представляется въ минералогѣ, изслѣдующемъ въ отдѣльности каждое изъ свойствъ минерала, чтобы изъ

нихъ составить общее понятіе о минералѣ и дать ему назначеніе.

Вотъ различные пути прогресса въ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Координація соотвѣтствій представляетъ всевозможныя степени, отъ преслѣдующаго и бѣгущаго животнаго до современнаго ученаго, обнимающаго самыя точныя количественныя отношенія и самыя сложныя данныя. Изъ координаціи соотвѣтствій происходитъ ихъ интеграція, т. е. сліяніе простыхъ соотвѣтствій въ одно нераздѣльное цѣлое. Нужно, напр., не только знать чужой языкъ теоретически, но и привыкнуть слышать его, чтобы понимать бѣглый разговоръ на немъ.

Умъ не представляетъ рѣзко раздѣльныхъ степеней и не состоитъ изъ независящихъ другъ отъ друга способностей. Принятая психологическія классификаціи совершенно произвольны. Каковы-бы ни были различія разныхъ формъ ума, они не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ особенными формами приспособленія внутреннихъ условій къ внѣшнимъ или частными случаями этого процесса приспособленія. Вотъ результатъ общаго синтеза или первой части «Основаній психологіи», за которой мы переходимъ ко второй части—аналитической.

Два вида жизненныхъ явленій, явленія психологическія и явленія фізіологическія, отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что вторыя представляютъ вмѣстѣ измѣненія, и послѣдовательныя и одновременныя, первыя-же — только послѣдовательныя. Существенный характеръ психическихъ явленій — ихъ сознательность, а такъ какъ одно состояніе сознанія исключаетъ другое, то, понятно, что эти состоянія могутъ явиться только въ видѣ простаго ряда. Разумѣется, въ этомъ различеніи нѣтъ ничего абсолютнаго. При началѣ развитія различныя проявленія душев-

ной дѣятельности скорѣе одновременны, чѣмъ послѣдовательны, т. е. имѣютъ характеръ болѣе физическій, чѣмъ психологическій. Въ высшихъ лучистыхъ животныхъ каждая изъ одинаковыхъ частей тѣла имѣетъ свой самостоятельный нервный узелъ, слѣдовательно здѣсь психическія измѣненія локализируются *одновременно* въ различныхъ частяхъ организма. Если разрѣзать тѣло суставчатаго на нѣсколько частей, то каждая проявляетъ чувствительность и движеніе самостоятельно. Прогрессъ психической жизни выражается постепеннымъ перевѣсомъ послѣдовательности душевныхъ явленій надъ ихъ одновременностью. Для возможности соотвѣтствія между животнымъ и его средою необходимо, чтобы по мѣрѣ полученія организмомъ болѣе многочисленныхъ впечатлѣній, эти впечатлѣнія координировались, централизовались, наконецъ, составили единство. Поэтому, послѣдовательная форма есть специальный характеръ ума. Задача психологін состоитъ въ опредѣленіи закона послѣдовательности для непрерывнаго ряда душевныхъ явленій. Умъ есть соотвѣтствіе мыслящаго существа со внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями, отражаемыми его мыслями. Основной законъ ума можетъ быть формулированъ такъ: «сила стремленія каждаго послѣдующаго психическаго измѣненія слѣдовать за своимъ предшествоующимъ пропорціональна постоянству связи между представляемыми имъ внѣшними предметами». Но это не значитъ, что такой законъ осуществляется въ каждомъ разумномъ существѣ. Это законъ ума *in abstracto*, въ дѣйствительности-же онъ выполняется только съ большею или меньшею полнотою. Такимъ образомъ, вся умственная дѣятельность въ сущности сводится къ ассоціаціи идей—основной способности ума. Спенсеръ полагаетъ, что существуютъ нераздѣлимые ассоціаціи идей,

передающіяся по наслѣдству и имѣющія неотразимую силу потому, что онѣ суть слѣдствія систематизировавшагося опыта не одного индивидуума, но всѣхъ нашихъ человѣческихъ предковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже— всѣхъ животныхъ организмовъ, находящихся, по теоріи эволюціонизма, въ числѣ нашихъ далекихъ родичей.

Строго говоря, есть только одинъ законъ ассоціаціи,— что душевные акты *координируются* другъ съ другомъ *во времени*. Процессъ ассоціаціи состояній сознанія совершается автоматически, такъ что каждое состояніе сознанія сразу входитъ на свое мѣсто, въ свой классъ, порядокъ, родъ, видъ и разновидность между предшествовавшими, подобными ему состояніями.

Между субъективными явленіями и объективными измѣненіями, происходящими въ нервной ткани, существуетъ полный параллелизмъ. Измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ объективно соотносительны съ извѣстными намъ субъективно состояніями сознанія и движенія въ волокнахъ, соединяющихъ мозговья клѣтки, суть объективныя соотносительныя отношеній между состояніями сознанія. Ассоціированіе одного состоянія сознанія съ другимъ соотвѣтствуетъ локализациі нервного измѣненія въ извѣстной части клѣточной мозговой массы; ассоціація между отношеніями этихъ состояній соотвѣтствуетъ локализациі молекулярнаго движенія въ какомъ нибудь пучкѣ нервныхъ волоконъ.

Самый элементарный психическій актъ есть актъ *простаго рефлекса*. Онъ составляетъ основу инстинкта, памяти, наконецъ,—ума, чувства, воли. Въ простомъ рефлексѣ отдѣльное впечатлѣніе имѣетъ результатомъ отдѣльное мышечное движеніе. Въ сложныхъ рефлексивныхъ актахъ, составляющихъ то, что называютъ *инстинктомъ*, одно впечатлѣніе имѣетъ результатомъ цѣлый

рядъ движеній. Въ самой сложной формѣ инстинкта мы видимъ координаціи, въ одно и тоже время выполняющія сложные движенія и регулирующія ихъ. Переходъ простаго рефлѣкса въ сложный или въ инстинктъ совершается черезъ накопленіе опыта и черезъ наслѣдственную передачу. Возрастая въ сложности, инстинктъ постепенно переходитъ въ разумъ, потому что, по мѣрѣ усложненія, рефлексивная координація становится менѣе правильною и постепенно теряетъ характеръ автоматичности.

Съ инстинктомъ тѣсно связывается память, которая можетъ быть названа рождающимся инстинктомъ, какъ инстинктъ можетъ быть рассматриваемъ какъ организованная память. Воспоминаніе есть ничто иное какъ внутреннее воспроизведеніе полученнаго раньше впечатлѣнія. Внутреннія возбужденія, вызывая другъ друга, образуютъ правильную или неправильную послѣдовательность идей, называемую памятью. Происходя изъ инстинкта, память, обратно, можетъ переходить въ него; такъ, пѣніе играетъ автоматически то, что разъ заучилъ. Понятно, что между инстинктомъ и умомъ не можетъ быть рѣзкой границы. Разница состоитъ только въ томъ, что въ инстинктѣ соотвѣтствіе внутреннихъ отношеній съ внутренними сравнительно просто и обще, тогда какъ умъ представляетъ соотвѣтствіе между отношеніями сложными, частными, абстрактными и рѣдкими. Отъ формы сужденія отъ частнаго къ частному, свойственной дѣтямъ, и высшимъ млекопитающимъ, до индуктивнаго или дедуктивнаго мышленія мы видимъ непрерывный прогрессъ, обусловливаемый накопленіемъ опыта.

Чувство, какъ извѣстно, тѣсно связано съ собственно умственными процессами. Всякое душевное движеніе имѣетъ въ себѣ элементы познанія и всякій актъ познанія связывается съ чувствомъ. Развитіе чувства также

обусловливается развитіемъ соотвѣтствія и прогрессъ въ чувствѣ выражается въ интеграціи, въ возрастаніи сложности. Самый простой видъ чувства есть *желаніе*; далѣе слѣдуютъ простые чувственные импульсы, соотвѣтствующіе малосложнымъ впечатлѣніямъ, потомъ—простыя чувства, соединяющіяся въ группы, изъ ассоціаціи которыхъ происходятъ сложные чувства. Чувство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше заключается въ немъ ощущеній, дѣйствительныхъ или въ зародышѣ. Этимъ-то и обусловливается неодолимая сила *любви*.

Воля происходитъ изъ того-же самаго процесса какъ умъ и чувство. «Когда отъ организованаго накопленнаго опыта автоматическія дѣйствія становятся на столько разнообразны, сложны и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдки, что не могутъ болѣе быть производимы безъ замедленія и съ машинообразною точностью, когда послѣ сложнаго впечатлѣнія соотвѣтствующія ему движенія, зарождаясь, не могутъ быть выполнены въ силу противодѣйствія другихъ зародышннхъ двигательныхъ актовъ, зависящихъ отъ впечатлѣнія, неразрывно соединеннаго съ первымъ,—тогда происходитъ то состояніе сознанія, которое, когда оно, наконецъ, разрѣшается въ дѣйствіи, называется *актомъ воли*.» Источники развитія воли суть аффективныя явленія и корень ея составляютъ желанія. Абсолютная свобода воли немыслима. Актъ воли есть продуктъ суммы дѣйствительныхъ состояній сознанія, которыя сами по себѣ происходятъ въ зависимости отъ опыта, настоящаго или прежняго. Кромѣ наличныхъ впечатлѣній и чувствъ, воля обусловливается характеромъ чловѣка и наслѣдственностью.

Третью часть перваго тома *Principles of Psychology* составляетъ физическій синтезъ. Здѣсь изображается генезъ нервныхъ системъ отъ самыхъ простыхъ до самыхъ

сложныхъ и непрерывный процессъ нервной дѣятельности представляется какъ сложный результатъ физическихъ причинъ. Процессъ возбужденія нерва сводится на молекулярное движеніе. Каждое возбужденіе оставляетъ нервъ въ такомъ состояніи, что то же самое молекулярное движеніе въ другой разъ совершается легче, съ меньшимъ сопротивленіемъ. Это — существеннѣйшій законъ нервной дѣятельности, лежащій въ основаніи универсальнаго закона ума. Физическій синтезъ болѣе чѣмъ какая либо другая часть психологіи Спенсера полонъ оригинальныхъ взглядовъ и остроумныхъ объясненій, но къ сожалѣнію онъ совершенно не можетъ быть изложенъ на одной, двухъ страницахъ.

Въ концѣ перваго тома своей психологіи Спенсеръ говоритъ: «мы нашли, что какъ въ простѣйшихъ, такъ и въ сложныхъ случаяхъ физическій принципъ и душевныя явленія идутъ параллельно. Разсматривая усложненія строенія, отъ генерациі къ генерациі присоединяющіяся одно къ другому, мы составили себѣ общее понятіе о способѣ происхожденія сложныхъ нервныхъ системъ изъ простыхъ. Въ то же время мы яснѣе поняли природу различныхъ состояній сознанія—воспріятій, идей, душевныхъ движеній и пр. Простирая разсужденіе до болѣе отдаленныхъ слѣдствій, мы нашли, что формы душевнаго развитія, какъ нормальныя, такъ и ненормальныя, начиная съ измѣненій сознанія, сопровождающихъ тѣлесныя измѣненія и до экстазическихъ состояній, вызываемыхъ извѣстными веществами, становятся объяснимыми».

Фактъ передачи нервныхъ функцій потомству неоспоримъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ поколѣнія къ поколѣнію передаются по наслѣдству измѣненія строенія, какъ тѣ, которыя называются нами произвольными, такъ и тѣ,

которыя зависятъ отъ развитія функцій упражненіемъ. Въ первые періоды развитія нервной организаціи самыми главными причинами, произведшими благопріятное измѣненіе первнаго строенія, было переживаніе организмовъ съ этими измѣненіями. Но въ позднѣйшее время развитія болѣе важною причиною является непосредственное произведеніе (вслѣдствіе измѣненій, зависящихъ отъ упражненія функцій) извѣстныхъ измѣненій и передача ихъ потомству. Спенсеръ считаетъ наслѣдственные видоизмѣненія, производимыя самими функціями, болѣе дѣятельными факторами развитія, чѣмъ естественный подборъ и переживаніе болѣе способныхъ индивидуумовъ, что, по его мнѣнію, играетъ только второстепенную роль.

И такъ, вся душевная дѣятельность можетъ быть сведена къ молекулярному движенію въ мозгѣ. Тѣмъ не менѣе, Спенсеръ далекъ отъ матеріализма. Въ самомъ дѣлѣ, что такое движеніе? Сущность души такъ же мало постижима какъ сущность движенія. «Мы можемъ мыслить о матеріи только въ терминахъ духа; мы можемъ мыслить о духѣ только въ терминахъ матеріи.» Мы имѣемъ уравненіе съ двумя неизвѣстными и, понятно, мы или опредѣляемъ x чрезъ y , или y чрезъ x (Princ. of psych. I ch. X.) Единственное заключеніе, которое мы можемъ еще сдѣлать,—что одна и таже реальность проявляется намъ въ другъ видахъ,—субъективно и объективно. Природа этой реальности намъ недоступна, но порядокъ явленій ея въ мірѣ интеллектуальномъ, очевидно, тотъ же, что и порядокъ проявленій ея въ мірѣ матеріальномъ. Вотъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ насъ объективная психологія.

Субъективная или аналитическая психологія указываетъ на тотъ-же законъ развитія, какъ и психологическій синтезъ. Основной принципъ аналитической психо-

логіи Спенсера — тотъ, что между всѣми умственными явленіями существуетъ *единство состава*. Природа простѣйшаго, едва сознательнаго умственнаго акта одинакова съ природою сложнаго мыслительнаго процесса въ мозгѣ ученаго; въ томъ и другомъ случаѣ въ основѣ дѣятельности лежитъ схватываніе *сходства* и *различія*. Результатъ аналитики ума тотъ, что умственная жизнь обуславливается двумя основными процессами: процессомъ *объединенія* или *интеграціи* и процессомъ *дифференцированія* или *дезинтеграціи*.

Начнемъ съ самаго сложнаго умственнаго процесса, съ *разсужденія количественно-сложнаго*, т. е. съ мышленія точнаго и состоящаго изъ многочисленныхъ отношеній. Точность этого разсужденія зависитъ отъ того, что здѣсь идетъ дѣло объ отношеніяхъ однородныхъ и идентичныхъ. Разсужденіе количественно сложное сводится къ разсужденію *количественно простому*, гдѣ уму приходится оперировать съ равенствами. Оперированіе съ неравенствами, которыхъ можетъ быть безконечное множество (тогда какъ равенство единично), составляетъ *количественно простое несовершенное* разсужденіе.

Когда мы переходимъ отъ сравненія величинъ къ сравненію интенсивностей, мы имѣемъ дѣло уже не съ количествами и здѣсь такой точности уже не можетъ быть. Это будетъ разсужденіе *качественное*, имѣющее задачей опредѣленіе сосуществованій или несосуществованій вещей, атрибутовъ и отношеній, одинаковыхъ по природѣ съ извѣстными другими вещами, атрибутами и отношеніями. Тутъ дѣло идетъ уже не о равенствѣ или о неравенствѣ отношеній, а о ихъ подобіи или несходствѣ. Къ качественному разсужденію относятся индукція, силлогизмъ и аналогія. Къ качественно-несовершенному сужденію принадлежитъ способъ мышленія, обычный у дѣтей и

высшихъ животныхъ, который названъ Джономъ Миллемъ—заключеніемъ отъ частнаго къ частному.

Изученіе мышленія сводится къ классификаціи отношеній. Классификація-же есть группировка отношеній подобныхъ и раздѣленіе отношеній несходныхъ. Все мышленіе, слѣдовательно, состоитъ въ ассимилизаціи и въ дезассимилизаціи. Отъ разсужденія или отъ акта мышленія вообще недалеко до классифицированія, отъ послѣдняго близко до воспріятія; воспріятіе частнаго предмета есть помѣщеніе его въ категоріи предметовъ, ему подобныхъ.

Обращаясь къ воспріятію *пространства*, мы видимъ, что вопросъ собственно проводится къ тому, какимъ образомъ изъ воспріятія отношенія между положеніями, представляющими сопротивленіе, получается воспріятіе отношенія между положеніями безъ сопротивленія. Чтобы воспринимать между двумя точками не конкретное протяженіе, но пространство, необходимо, чтобы въ насъ готовы были родиться идеи различныхъ ощущеній, мышечныхъ, осязательныхъ и зрительныхъ, — ощущеній, даваемыхъ между этими двумя точками опытомъ. О части пространства, близкой къ намъ, мы составляемъ себѣ точное понятіе, благодаря обилію опытовъ объ относителномъ положеніи различныхъ точекъ этой части пространства. Но это представленіе становится все менѣе и менѣе точнымъ и полнымъ по мѣрѣ удаленія этой части отъ насъ. Если идея пространства нераздѣльна съ идеею сосуществованія, то идея времени нераздѣльна съ понятіемъ о слѣдствіи. Время *in abstracto* есть отношеніе положенія въ состояніяхъ нашего сознанія. Всякій періодъ времени кажется намъ болѣе или менѣе длиннымъ, смотря по числу нашихъ впечатлѣній и идей. Опіофагъ Кинсей увѣрялъ, что въ одну ночь онъ проживалъ 70—100 и болѣе лѣтъ.

Путемъ анализа мы доходимъ, наконецъ, до послѣдняго элемента, который есть ничто иное, какъ впечатлѣніе сопротивленія,—первичный и универсальный элементъ сознанія. Понятно, что этому субъективному элементу съ объективной стороны соотвѣтствуетъ молекулярное движеніе въ нервныхъ клѣткахъ. Разсматривая различныя формы воспріятія, мы, наконецъ, убѣдимся, что въ общемъ воспріятіе есть ничто иное какъ классификація отношеній между состояніями сознанія, настоящими или испытанными прежде. (Princ. of Psych. II ch. VIII—XX.).

Подробно разбирая различныя отношенія соинтенсивности, сопротивленія, сосуществованія, тождества по природѣ (ch. XX—XXV), Спенсеръ показываетъ, что въ послѣднемъ анализѣ всѣ отношенія приводятся къ сходству или различію. Различіе соотвѣтствуетъ измѣненію, сходство—отсутствію измѣненія. И вотъ мы пришли къ концу нашего анализа. Простѣйшее изъ воспринимаемыхъ отношеній есть отношеніе послѣдовательности; послѣдовательность, измѣненіе, несходство — составляютъ такъ сказать фонъ сознанія.

Неподвижное сознаніе—безсмыслица. Но для сознанія не довольно одной послѣдовательности измѣненій, нужно еще, чтобы послѣдовательность эта была правильною, такъ чтобы измѣненія классифицировались по сходству или по несходству. Простѣйшій актъ сознанія есть воспріятіе разности. И такъ, съ самаго элементарнаго акта сознанія до самаго сложнаго мыслительнаго процесса, начиная съ воспріятія грубаго различія, до воспріятія полнаго тождества,—умственный процессъ остается однимъ и тѣмъ-же. Всякое душевное явленіе есть интегрированіе и дифференцированіе состояній сознанія. Интеграція и дифференцированіе, эти два процесса, лежащія въ осно-

ваніи душевной жизни, имѣютъ то-же значеніе и для жизни тѣлесной.

Если Джонъ Стюартъ Милль скорѣе склоняется къ идеализму, то Спенсера слѣдуетъ считать *реалистомъ*, каковымъ онъ и самъ заявляетъ себя. Что реализмъ всего ближе къ истинѣ, доказывается, по Спенсеру, какъ отрицательнымъ путемъ, такъ и положительнымъ. Съ отрицательной стороны въ пользу реализма можно привести: 1) его первенство, потому что первоначальныя понятія, напр., у ребенка, у крестьянина, вполне реалистичны; 2) его простоту, потому что имъ предполагается только одинъ актъ,—актъ безразличія; 3) его ясность, потому что реалистическія понятія всегда ясны, опредѣленны, идеалистическія-же всегда страдаютъ туманностью и неопредѣленностью. Положительныя доказательства въ пользу реализма заключаются въ показаніи, что противоположность объекта и субъекта есть продуктъ правильныхъ актовъ мысли, актовъ, точно такихъ-же какъ и тѣ, которыми даются истины, считаемыя самыми несомнѣнными. Какъ результатъ этой противоположности получаются два почти параллельные ряда состояній сознанія—внѣшній міръ и собственно субъективное сознаніе. Эти два ряда сами по себѣ относительно связаны, но несвязаны другъ съ другомъ. Полное дифференцированіе субъекта и объекта приводитъ къ утвержденію реальности объективнаго бытія. Существенная и неразрывная связь между состояніями сознанія, соотвѣтствующая внѣшнему міру, неизбежно приводитъ къ представленію о бытіи внѣ нашего ощущенія, отличномъ отъ послѣдняго. Этого рода реализмъ мы можемъ назвать *философскимъ*; самъ Спенсеръ называетъ его *преображеннымъ реализмомъ* (*réalisme transfiguré*).

Двѣ работы, *The senses and the intellect* и *The emotions and the will* поставили профессора Эбердинскаго университета *Бэна* на ряду съ первыми психологами Англїи. У Бэна особенно оригинальна та часть, въ которой трактуется о душевныхъ движеніяхъ, особенно-же его ученіе объ инстинктахъ. Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій Бэнъ начинаетъ со строенія нервной системы и подробно описываетъ большой мозгъ, мозжечекъ, продолговатый и спинной мозгъ, спинно-и голово-мозговые нервы. Далѣе, онъ дѣлаетъ выводъ, что нервно психическая дѣятельность есть проявленіе нервной силы, дѣйствующей въ различныхъ частяхъ нервной системы на подобіе гальваническаго тока. Нервная сила развивается въ зависимости отъ процесса питанія и, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу извѣстныхъ намъ силъ, имѣющихъ общее происхожденіе и превращающихся одна въ другую, именно, силъ—механическаго движенія, теплоты, электричества, магнетизма и химическаго сродства. Нервная сила, происходя отъ издержки извѣстнаго количества питательнаго матеріала, можетъ быть обращена въ другую форму животной или жизненной силы. Субстратъ души не есть только мозгъ; психическая дѣятельность связана со всѣми тѣми частями, въ которыхъ проходятъ нервные токи, съ мозгомъ, нервами, мышцами, органами чувствъ, внутренними органами. Самыя общія явленія, до сихъ поръ мало обращавшія на себя вниманіе психологовъ, суть, по мнѣнію Бэна, явленія *самостоятельной сократительности*, извѣстной намъ по мышечному чувству. Самостоятельная сократительность выражается въ тоничности мышцъ, въ постоянномъ сокращеніи сфинктеровъ (кольцевидныхъ мышцъ), въ непомѣрной подвижности дѣтства. Съ мышечнымъ движеніемъ всегда связывается мышечное ощущеніе, дающее намъ мѣру дви-

женія и выражающееся также въ чувствѣ удовольствіи или въ ощущеніи утомленія и боли отъ дѣйствія мышцами. Мышечное ощущеніе имѣетъ характеръ или аффективный, или интеллектуальный; тотъ и другой обратно пропорціональны между собою. Извѣстно, что движеніе, смотря по быстротѣ или медленности, навѣваетъ тѣ или другія чувства. Познавательное значеніе мышечныхъ ощущеній весьма важно. Измѣненіе мышечнаго чувства даетъ намъ идею *разности*, составляющей основу нашего познанія. Изъ мышечнаго движенія получается понятіе о сопротивленіи, о продолжительности и быстротѣ сокращеній. Изъ этихъ основныхъ понятій получаютъ другія. Такъ, изъ степени усилія мы выводимъ вообще механическія свойства матеріи, изъ продолженности мышечнаго движенія—идеи инертности, вѣса и пространства, изъ быстроты нашихъ движеній—понятіе о скорости движенія постороннихъ тѣлъ.

Осязаніе, подобно мышечному чувству имѣетъ громадное интеллектуальное значеніе. Изъ осязательныхъ ощущеній рождаются понятія величины, формы, направленія, разстоянія и положенія. Мышечное чувство и движенія, въ соединеніи съ осязаніемъ, даютъ понятія о протяженіи, именно, о протяженіи по двумъ и тремъ измѣреніямъ. У человѣка, владѣющаго всѣми чувствами, пространство слагается преимущественно въ терминахъ зрѣнія. Вообще, сложные зрительныя ощущенія происходятъ изъ комбинаціи зрительныхъ эффектовъ съ двигательными ощущеніями глазныхъ мышцъ. Оттого-то, не смотря на то, что мы имѣемъ отдѣльное изображеніе предмета въ каждомъ глазѣ, мы видимъ предметъ не вдвойнѣ, но просто. Отсюда-же зависитъ видимое протяженіе предметовъ въ глубину, обусловливаемое разницею изображеній въ томъ и въ другомъ глазѣ.

Самая оригинальная часть у Бэна та, гдѣ говорится объ инстинктѣ. Подъ именемъ *инстинкта* Бэнъ разумѣетъ въ человѣкѣ все то, что не зависитъ отъ опыта и воспитанія. Инстинктивные движенія суть результатъ прирожденнаго строенія нервной системы и составляютъ основаніе для развитія чувства, ума и воли. Эти двигательные акты образуютъ, по Бэну, 5 группъ: 1) рефлексивныя движенія, 2) рефлексивный механизмъ языка, 3) рефлексорныя приспособленія, необходимыя для гармоніи и координаціи нѣкоторыхъ дѣйствій, 4) физическія выраженія чувствъ, 5) инстинктивное начало воли. Въ инстинктивныхъ актахъ заключается основа чувства и страсти. Первичное чувство удовольствія соотвѣтствуетъ повышенію всѣхъ или нѣкоторыхъ жизненныхъ отправленій, напротивъ, чувство неудовольствія соотвѣтствуетъ пониженію ихъ. Зародышъ воли лежитъ въ той самостоятельной сократительности, причина которой заключается въ нервныхъ центрахъ, и которая, безъ всякаго внѣшняго раздраженія, выражается въ активности мышцъ. Въ силу такого внутренняго стремленія къ активности, происходящаго отъ избытка нервныхъ силъ или отъ сосредоточиванія ихъ въ извѣстныхъ центрахъ, двигается, напр., ребенокъ еще въ утробѣ матери. Внѣшній стимулъ играетъ впослѣдствіи только ту роль, что онъ направляетъ волю въ извѣстномъ смыслѣ.

Всѣ психическіе акты сводятся къ ассоціаціи идей, чувствъ, ощущеній и желаній. «Сознаніе обозначаетъ душевную жизнь съ ея различными проявленіями, насколько она отличается отъ чисто жизненныхъ функцій и отъ состояній сна, оупѣнія, нечувствительности и пр.» Это слово означаетъ также психическую дѣятельность, направленную на саму себя, а не на внѣшній міръ. Основные и первичные умственные акты суть:

сознаніе разности или сходства и способность воспроизведенія ощущеній и идей (relativeness), обуславливающая память и воспоминаніе. Существеннѣйшій законъ ума есть законъ относительности. Мы можемъ знать что-либо лишь по отношенію къ другой вещи. Знанія безотносительное или абсолютное не совмѣстно съ нашею умственною организаціею.

Теорія ассоціаціи разработана у Бэна болѣе, чѣмъ у другихъ авторовъ. Ассоціаціи бываютъ простыя, сложныя и конструктивныя. Въ *простыхъ* ассоціаціяхъ дѣйствія, ощущенія, чувства, являющіяся вмѣстѣ или въ непосредственной послѣдовательности, связываются между собою такимъ образомъ, что появленіе однихъ изъ нихъ вызываетъ въ сознаніи и другія (законъ смежности). При этомъ, ассоціирующіяся состоянія могутъ быть однородны (напр. звукъ и звукъ), или разнородны (цвѣтъ и сопротивленіе). Другой законъ простыхъ ассоціацій есть законъ сходства, причемъ наличныя ощущенія, чувства и мысли стремятся вызвать изъ прежнихъ тѣ, которыя сходны съ ними. Этого рода ассоціаціи играютъ большую роль въ наукѣ. Изъ умственныхъ операций сюда относятся классификація, отвлеченіе, опредѣленіе, индукція, дедукція, силлогизмъ, аналогія. Въ *сложныхъ* ассоціаціяхъ—ощущенія и мысли, чувства и дѣйствія вызываются изъ прошлаго тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ большимъ числомъ настоящихъ впечатлѣній они ассоціировались. Всѣ упомянутыя ассоціаціи вызываютъ въ сознаніе идеи и образы, уже существующіе, хотя скрытыми, въ мозгу. То, что называютъ способностью *воображенія* или *творчества* есть образованіе путемъ ассоціацій идей и образовъ, отличныхъ отъ получаемыхъ непосредственно изъ опыта.

Другое произведеніе Бэна *The Emotions and the Will* сравнительно съ первымъ болѣе слабо; въ немъ больше

описаній, чѣмъ анализа.—«Когда впечатлѣніе сопровождается чувствомъ или сознаніемъ, то нервныя токи, свободно распространяясь по мозгу, обуславливаютъ общее возбужденіе органовъ движенія и внутренностей.» Это обстоятельство и есть причина единства сознанія. Нѣсколько нервныхъ возбужденій могутъ существовать одновременно, но войти въ сознаніе они могутъ только послѣдовательно, по одиночкѣ. Вслѣдствіе закона распространенія возбужденія, душевныя движенія всегда отражаются на состояніи сердца и внутренностей, на сокращеніи мышцъ лица, вообще на мимикѣ.

Оставляя въ сторонѣ Бэнговскую классификацію ощущеній, упомянемъ о симпатіи, которую авторъ разсматриваетъ вмѣстѣ съ подражательностью. Симпатія и подражательность обѣ происходятъ изъ стремленія субъекта привести себя въ унисонъ съ другими. Оба эти душевныя состоянія имѣютъ особые способы выраженія и лежатъ въ основаніи явленій душевной заразительности. (Объ этомъ предметѣ подробно говорится въ этюдѣ *«нервно-психическій контактъ и душевныя эпидеміи»*).

Къ идеальнымъ душевнымъ движеніямъ, т. е. зависящимъ отъ идей, а не отъ реальностей, Бэнъ относитъ эстетическое и нравственное чувство. Сущность прекраснаго—гармонія. Музыка, поэзія, краснорѣчіе не могутъ обойтись безъ ритма или размѣра, безъ измѣненія голоса по объему и звуку. Живопись есть гармонія очертаній и красокъ, архитектура и скульптура — гармонія формъ, танцы—гармонія движеній. Объектъ, которому придается эпитетъ возвышенности, большею частію возбуждаетъ въ насъ идеи могущества, энергіи и громадности, причемъ, по симпатіи, наше собственное сознаніе повышается чувствомъ душевной мощи. Прототипъ возвышеннаго есть мощь человѣческаго духа, природа-же, по аналогіи, при-

равнивается къ человѣку и одаряется душевными атрибутами.

Нравственность, долгъ, право, по мнѣнію Бэна, тѣсно связаны съ идеею наказанія. Извѣстное поведеніе только тогда можетъ считаться обязательнымъ, когда дѣйствіе въ противоположномъ направленіи такъ или иначе наказуется. Въ однихъ случаяхъ караетъ законъ или общество, въ другихъ наша собственная совѣсть. Индивидуальная совѣсть не есть ничто первичное и независимое; это—ничто иное какъ внутреннее подражаніе условленному внѣ насъ закономъ, правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Универсальной совѣсти нѣтъ, точно такъ-же какъ нѣтъ универсальнаго разума. Истинны математики и механики не подлежатъ сомнѣнію только потому, что въ этихъ областяхъ одинаковы воспріятія всѣхъ людей. Такъ, и нравственные истины имѣютъ одинаковое значеніе для всѣхъ. Истина и благо суть реализующіяся абстракціи душевной дѣятельности, въ этомъ отношеніи одинаковой у всѣхъ людей. Индивидуальное поведеніе обусловливается главнымъ образомъ одобреніемъ или неодобреніемъ окружающихъ.

Развитіе способности *хотѣнія* сводится у Бэна къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) инстинктивное начало воли, 2) произвольныя дѣйствія, 3) мотивы и рѣшенія воли, 4) свобода воли.

Инстинктивный зародышъ воли заключается въ упомянутой выше самостоятельной активности и въ ея связи съ чувствами и выраженіями ихъ въ дѣйствіи. Условія произвольной активности суть: жизненная энергія нервныхъ центровъ и накопленіе нервныхъ силъ подъ вліяніемъ возбуждителей физическихъ (пища и питье) и психическихъ (удовольствіе и неудовольствіе). Дѣйствія, связанныя съ ощущеніями и чувствами, сначала совер-

паются подъ вліяніемъ самостоятельной активности, потому уже производятся сознательно и разумно. «Воля, говоритъ Бэнтъ, есть механизмъ состоящій изъ подробностей и требующій приобрѣтенія такихъ-же частныхъ какъ изученіе чужаго языка.» Приписываемое волѣ единство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ человѣкѣ, исполнѣ сложившемся нравственно, есть результатъ большой массы ассоціацій, исторія которыхъ забыта или затеряна.

Всѣ мотивы сводятся къ удовольствію или неудовольствію. Произвольный актъ, происходящій подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ, изъ которыхъ нѣкоторые взаимно противоположны, предполагаетъ процессъ разсужденія или выбора способа дѣйствій; это—періодъ колебанія, заканчивающійся *рѣшеніемъ*, которое всегда стоить нѣкотораго усилія.

Свобода воли, по выраженію Бэна,—первостепенный парадоксъ. Все просто и понятно въ человѣкѣ, но замѣшается вопросъ о свободѣ воли—и въ результатѣ выходитъ хаосъ. «Свобода выбора способа дѣйствій имѣетъ смыслъ лишь какъ исключеніе посторонняго вмѣшательства. Въ насъ-же самихъ, строго говоря, свободы выбора нѣтъ. Человѣка побуждаютъ къ дѣйствію различные мотивы, часто противорѣчивые; болѣе сильный изъ нихъ преодолагаетъ. Въ актѣ воли, называемомъ свободнымъ, нѣтъ и слѣда какой-бы то нибыло интуиціи. Мы имѣемъ здѣсь просто сравненіе прежнихъ хотѣній, т. е. извѣстныхъ состояній чувствующаго существа; сравненіе-же вовсе не есть непогрѣшимая операція.»

Говоря словами Спенсера, — (Essays t. I) Бэнтъ собственно даетъ не систему психологической философіи, но лишь хорошую естественную исторію души, необхо-

димую для тѣхъ, которые впослѣдствіи придадутъ психологій вполнѣ научную организацію.

Говоря о современныхъ англійскихъ психологахъ, нельзя умолчать объ оригинальномъ во многихъ отношеніяхъ *Джорджъ Льюисъ* (Lewes), почти всѣ сочиненія котораго переведены на русскій языкъ (Физиологія обыденной жизни, Исторія философіи, Жизнь Гёте, Вопросы жизни и духа). Скажемъ прежде всего о предложенной Льюисомъ теоріи *психологическаго спектра*. Оптический спектръ состоитъ изъ трехъ основныхъ цвѣтовъ—краснаго, зеленаго и фіолетоваго, которые представляютъ три рода колебаній, возбуждающихъ палочки и колбочки сѣтчатки. Отдѣльное цвѣтовое ощущеніе зависитъ отъ пропорціи, въ которой эти три рода колебаній затрогиваютъ сѣтчату оболочку глаза. Подобно этому, «психологическій спектръ» состоитъ изъ трехъ основныхъ родовъ возбужденія—ощущенія, мысли и движенія. Въ каждомъ ощущеніи, воспріятіи, образѣ, идеѣ, чувствѣ, желаніи и хотѣніи заключаются всѣ эти роды нервнопсихическаго возбужденія. Душевные процессы, слѣдовательно, всегда тройственны и характеръ ихъ въ частномъ случаѣ будетъ зависеть отъ преобладанія какого нибудь изъ этихъ трехъ элементовъ.

Льюисъ одинъ изъ первыхъ высказалъ ту истину, что нервная система по свойствамъ и строенію всегда одинакова. Основная нервнопсихическая дѣятельность есть процессъ группировки нервныхъ единицъ. Нервная единица есть колебаніе (tremor). Элементарныя нервныя единицы группируются въ единицы высшаго порядка, въ первые процессы, представляющіе сліяніе отдѣльных колебаній. Эти процессы снова группируются между собою и даютъ, такимъ образомъ, всѣ сложныя психическія явленія. То, что съ физиологической точки зрѣнія есть

нервный процессъ, съ точки зрѣнія психологической есть *процессъ чувствованія*. Чувствительность не ограничивается только головнымъ мозгомъ, она есть основное свойство узловъ нервной ткани, характеристическая особенность нервныхъ клѣтокъ, входящихъ въ составъ нервныхъ центровъ. Чувствительность присуща всѣмъ нервнымъ центрамъ, и каждый центръ въ отдѣльности есть *sensorium*, а сумма всѣхъ нервныхъ центровъ есть общее чувствилище, *sensorium commune*.

По общепринятому возрѣнію, спинномозговые акты не соединены съ ощущеніемъ, а суть акты чисто рефлексивные. Льюисъ-же утверждаетъ, что движеніе, называемое рефлексивнымъ, можетъ произойти только тогда, когда чувственное впечатлѣніе вызоветъ въ нервномъ центрѣ (все равно—головномъ или спинномъ) ощущеніе. Если *чувствительность* есть характеристическое свойство узловъ ткани, то *ощущеніе* есть дѣятельное состояніе этой ткани. Сумма всѣхъ чувствованій составляетъ то, что называютъ *общимъ сознаниемъ* или *чувствомъ бытія*. Тѣмъ не менѣе ощущеніе и сознание не всегда совпадаютъ, потому что бываютъ ощущенія безсознательныя. Ощущеніе можетъ не сознаваться потому, что оно или слишкомъ слабо, или неспособно возбудить ассоціацію идей, или-же потому, что оно затемняется болѣе сильными ощущеніями. Но не слѣдуетъ смѣшивать этихъ ощущеній съ впечатлѣніями. При несознаваемыхъ ощущеніяхъ, такъ-же какъ и при ощущеніяхъ сознательныхъ, происходитъ возбужденіе нервного центра, но только оно не достигаетъ до того порога, за которымъ начинается сознание.

Сознаніе, говоря вообще, есть сліяніе нѣсколькихъ рядовъ ощущеній. Изъ этого ясно, что сознание можетъ быть различно по степени, такъ что низшія животныя, имѣющія болѣе простую нервную систему, характеризуются

сознаніемъ сравнительно простымъ, состоящимъ изъ немногочисленныхъ ингредіентовъ; высшія-же животныя имѣютъ сознаніе сложное, составленное изъ многихъ элементовъ. Различныя формы сознанія приводятся въ слѣдующія три рубрики: системное, чувственное и мыслительное сознаніе. *Системное* сознаніе слагается изъ ощущеній, родящихся изъ органическихъ отправленій; его не лишены самыя нисшіе животные организмы. *Чувственное сознаніе* обнимаетъ ощущенія, происходящія отъ органовъ чувствъ. *Мыслительное сознаніе* заключаетъ явленія мысли и душевныя движенія высшихъ организмовъ, въ особенности человѣка.

Приписывая чувствительность всѣмъ нервнымъ центрамъ, Льюисъ не отнимаетъ у головного мозга первенствующей роли въ психической дѣятельности. Головной мозгъ, имѣющій специальную функцію мышленія, можетъ быть сравненъ съ главнокомандующимъ, долженствующимъ контролировать, направлять и побуждать къ дѣятельности своихъ подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе, нисшіе центры, генералы, полковники, штабъ—и оберъ-офицеры, имѣютъ каждый извѣстную долю самостоятельности, соотвѣтственно своему рангу. Обезглавленное животное, говоритъ Льюисъ, бѣжить, защищается, вообще производить дѣйствія, явственно произвольныя; слѣдовательно, спинной мозгъ имѣетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, чувствительность и волю, хотя конечно не въ такой мѣрѣ, какъ головной мозгъ. И такъ, рефлексивныя акты суть прежде всего акты чувствительныя. Они составляютъ основаніе всей душевной дѣятельности. Изъ нихъ происходятъ инстинкты, чувства и дѣйствія.

Очень оригинальна послѣдняя глава *Problems of life and mind*, трактующая о тождественности движенія и сознанія. Обыкновенно полагаютъ, говоритъ Льюисъ, что

между движеніемъ и сознаніемъ переходъ немислимъ, потому что то и другое—явленія совершенно различнаго порядка. Правда, на самомъ дѣлѣ здѣсь и нѣтъ никакого *перехода*. Ощущеніе и движеніе — *одно и тоже*; это—*одинъ* процессъ, который будетъ ощущеніемъ, если взять его непосредственно, въ субъектѣ, и—движеніемъ, если смотрѣть на него объективно, т. е. какъ на нѣчто внѣшнее. Физиологи, напр. Вундтъ, обыкновенно полагаютъ, что внѣшнее раздраженіе вызываетъ въ нервѣ нервный процессъ, а этотъ послѣдній обуславливаетъ ощущение. Льюисъ-же говоритъ, что нѣтъ никакой возможности доказать, что нервный процессъ предшествуетъ ощущенію. Ощущеніе не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ движеніемъ, иначе движеніе было-бы связано съ чѣмъ-то невообразимымъ, сверхъестественнымъ. Если ощущение и движеніе представляются намъ несомвѣстными другъ съ другомъ, то только потому, что эти понятія составляются діаметрально противоположными путями, причемъ, конечно, очень естественно, что одна и таже вещь должна явиться въ двухъ совершенно различныхъ видахъ, несводимыхъ другъ на друга. Льюисъ считаетъ не ощущение видомъ движенія, а наоборотъ—движеніе видомъ чувствованія и полагаетъ, что такимъ образомъ могутъ быть устранены всѣ философскія затрудненія. «Движеніе, подобно цвѣту, звуку, теплотѣ, есть символъ совершенно особаго класса ощущеній.» «Матеріи присуща непреходящая дѣятельность и явленія суть обнаруженія этой дѣятельности. Но матерія есть чувствуемое, слѣдовательно, всѣ ея обнаруженія суть переменны въ чувствованіи, и хотя послѣднія являются въ сознаніи въ крайне отличныхъ другъ отъ друга формахъ,—лучъ свѣта не похожъ на звукъ, боль не похожа на тепло,—тѣмъ не менѣе мы принуждены перево-

дять и ихъ на данныя матеріи и движенія, если они разсматриваются объективно.» (Вопросы жизни и духа, изд. ред. «Знанія» 1876 г. стр. 448). Потому-то всѣ ощущенія истолковываются въ зависимости отъ молекулярныхъ движеній. «Движеніе, противоположаемое чувствованію, представляетъ, строго говоря, лишь *форму чувствованія, противоположную всѣмъ другимъ его формамъ*, форму, составляющую объективную или физическую сторону явленія преимущественно передъ всѣми остальными формами. Никакое ощущеніе въ отдѣльности, за исключеніемъ видимыхъ перемѣнъ положенія, не чувствуется какъ движеніе, а между тѣмъ всѣ они при объективномъ истолкованіи выражаются въ данныхъ движенія. Такимъ образомъ, всѣ факты сознанія переводятся на данныя зрѣнія и всѣ физическія условія обозначаются терминами движенія. Когда мы разсматриваемъ физическія условія психическихъ явленій, то мы всегда имѣемъ дѣло съ первымъ механизмомъ и выражаемъ наблюдаемые факты механическими терминами; изслѣдованіе строенія имѣетъ цѣлію открыть перемѣны, доступныя зрѣнію или умозаключенію даже въ такихъ рядахъ перемѣнъ, гдѣ многіе изъ членовъ совсѣмъ не похожи на зрительныя ощущенія» (стр. 454). Не слѣдуетъ думать, что у Льюиса слово «чувствованіе» употребляется какъ синонимъ «сознанія». Одно внѣшнее раздраженіе вызываетъ сознательное ощущеніе, другое—никакого или только ощущеніе безсознательное; во всѣхъ этихъ случаяхъ приходятъ въ дѣйствіе разные элементы, но всегда къ явленію приложимъ общій терминъ «чувствованіе» или «нервный процессъ». Слѣдовательно, сознаніе есть частный случай чувствованія. «Анализъ разчленяетъ впечатлѣніе на элементарныя ощущенія, а послѣднія разлагаются на элементарныя единицы (нервные колебанія). Каждая изъ

этихъ единицъ *чувственна* въ томъ-же смыслѣ, какъ каждая буква въ словѣ имѣетъ значеніе звука; но первая единица не есть ощущеніе, потому что послѣднее есть процессъ группированія единицъ. Фактъ, что возбужденіе должно достигъ извѣстной силы, прежде чѣмъ возникнетъ ощущеніе, и далѣе—фактъ постепеннаго нарастанія послѣдняго съ постепеннымъ усиленіемъ раздраженія до извѣстнаго предѣла, за которымъ чувствованіе сразу исчезаетъ, доказываетъ, что въ ткани могутъ происходить молекулярныя движенія, не группирующіяся въ процессы, какъ передъ возникновеніемъ ощущенія, такъ и послѣ исчезанія его. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти движенія въ ткани суть нервныя колебанія, рядъ чувственныхъ единицъ, или группирующихся въ процессъ полного сознанія и полусознанія, или не группирующихся такимъ образомъ, и остающихся въ безсознательномъ состояніи. Всѣ они должны быть отнесены въ общую категорію чувствительности... Возможность группированія нервныхъ колебаній въ нервныя процессы чувствительности лежитъ между извѣстными предѣлами; за ними, съ обоихъ концовъ, ощущенія не бываетъ, а есть только чувственныя единицы. Тоже самое можно сказать и о сознаніи, какъ объ общемъ потокѣ соединенныхъ въ рядъ чувствованій, возникающихъ въ разныхъ частяхъ организма. Рядомъ съ полнымъ сознаніемъ существуетъ полусознательное состояніе, которое относится къ первому, какъ вечерній или утренній полумракъ къ ясному сіянію дня, или какъ ощущеніе отъ боковыхъ частей сѣтчатки къ ощущеніямъ отъ желтаго пятна, мѣста яснаго видѣнія» (стр. 473). Льюисъ называетъ свои психофилософскія воззрѣнія *рациональнымъ реализмомъ*; въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ Гельмгольца и Вундта принадлежащихъ къ категоріи *идеалистическаго реализма* (Idealrealismus).

VII.

Возвратимся опять въ Германію, гдѣ, послѣ Гербарта, психологія постепенно отрѣшается отъ метафизики и становится на почву наблюденія и эксперимента.

Мы видѣли, что психологія Гербарта опиралась на метафизику. Бенеке-же напротивъ выводитъ метафизику изъ психологіи. Главная заслуга Бенеке состоитъ въ сведеніи душевныхъ состояній на элементы; при этомъ онъ такой-же ожесточенный противникъ теоріи душевныхъ способностей, какъ и Гербартъ.

Вся психическая дѣятельность, по Бенеке, объясняется четырьмя основными процессами: 1) душа имѣетъ способность реагировать на внѣшнія раздраженія; 2) она способна также приобрѣтать новыя основныя способности (*Urvermögen*); 3) душевныя состоянія, вслѣдствіе своей подвижности, стремятся къ равновѣсію. Отъ сознательнаго ощущенія остается въ душѣ измѣненіе въ видѣ безсознательнаго состоянія, называемаго Бенеке *слѣдомъ* (*Spur*), изъ котораго современемъ можетъ снова возникнуть сознательное ощущеніе. Такъ какъ эти слѣды имѣютъ духовную природу, то мѣста ихъ указать нельзя. 4) Подобныя или аналогическія формы душевной дѣятельности, соединяясь по мѣрѣ ихъ сходства, образуютъ болѣе или менѣе тѣсныя соединенія. Такимъ образомъ происходятъ наиболѣе сложныя формы психической дѣятельности. Разумъ (*Vernunft*) есть въ совокупности все то, что производится душою въ наиболѣе высокихъ и безупречныхъ формахъ; разумъ не дается съ самаго начала, но есть продуктъ развитія. Отсюда видно, какое значеніе придаетъ Бенеке воспитанію, и понятно то вліяніе, какое имѣла психологія Бенеке на педагогію.

Несмотря на то, что Бенеке настоятельно говорить о необходимости разрабатывать психологию как естественную науку, онъ утверждаетъ нематеріальность души и выставляетъ также другія метафизическія гипотезы. Бенеке имѣлъ въ виду цѣли преимущественно практическія; онъ до сихъ поръ еще находитъ читателей (особенно въ средѣ педагоговъ), что доказываетъ недавно вышедшее новое изданіе его *Lehrbuch der Psychologie* подъ редакціею его ученика Дресслера.

Врачъ-философъ *Лотце* по общимъ своимъ воззрѣніямъ тоже метафизикъ. Давая широкое поле опыту, онъ въ тоже время никогда не отдѣлялъ фیزیологическихъ изслѣдованій отъ метафизическихъ гипотезъ. Въ своей *Medicinische Psychologie* (1852) Лотце представляетъ попытку фیزیологической психологіи, не свободной однакоже отъ метафизики. Самыя оригинальныя мѣста у Лотце — это *теорія мѣстныхъ знаковъ* и ученіе о *воспріятіи пространства*. Считая интуицію пространства вообще природленною и независящею отъ опыта, Лотце старается объяснить собственно эмпирическое происхожденіе понятія о пространствѣ. Мы знаемъ, что периферическое впечатлѣніе, черезъ посредство нервовъ, становится состояніемъ сознанія, — состояніемъ, которое само по себѣ лишено характера экстенсивности; спрашивается, какимъ образомъ изъ элементовъ этого впечатлѣнія строится представленіе пространства?—

Возьмемъ въ примѣръ какое нибудь простое осязательное или зрительное ощущеніе, производимое внѣшнимъ раздраженіемъ. Это ощущеніе не будетъ просто измѣненіемъ нашего внутренняго состоянія; оно относится нами къ извѣстному мѣсту нашего тѣла или къ извѣстной точкѣ внѣшняго объекта, т. е. оно *локализуется* въ про-

странствѣ. Если затрогиваются нѣсколько точекъ нашей кожи или сѣтчатой оболочки нашего глаза, то въ сознаніи эти точки не сливаются, но ощущеніе каждой точки, оставаясь самостоятельнымъ, координируется съ другими и даетъ представленіе непрерывности, называемое *пространствомъ*. Для того, чтобы ощущенія различныхъ точекъ кожи или сѣтчатки не сливались, необходимо, чтобы они чѣмъ нибудь отличались другъ отъ друга. Это специальное отличіе, присущее каждому впечатлѣнію, есть то, что Лотце называетъ *мѣстнымъ знакомъ*. Мѣстные знаки, дающіе возможность образованія ясной идеи пространства, суть мышечныя чувства и двигательныя ощущенія. Съ помощью мѣстныхъ знаковъ «душа *безсознательно* строитъ пространство изъ механики своихъ внутреннихъ состояній». Такъ, образованіе поля зрѣнія было бы невозможно безъ мѣстныхъ знаковъ; но одного мѣстнаго различія между точками сѣтчатки еще недостаточно. Разница ощущеній на разныхъ точкахъ сѣтчатки главнымъ образомъ обусловливается отношеніемъ этихъ точекъ къ двигательнымъ аппаратамъ глаза. Каждое впечатлѣніе въ каждой отдѣльной точкѣ сѣтчатой оболочки связано съ извѣстнымъ движеніемъ (или стремленіемъ къ движенію), производящимъ извѣстное психическое состояніе, которое и есть собственно *мѣстный знакъ*. Что касается до кожи, то ея впечатлѣнія координируются нами въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ въ силу различія строенія кожи на различныхъ пунктахъ и въ зависимости отъ движеній и мышечныхъ ощущеній. Гипотеза мѣстныхъ знаковъ принята почти всѣми нѣмецкими авторами по фізіологической психологіи, частію въ томъ видѣ, въ какомъ ее предложилъ Лотце, частію въ измѣненномъ видѣ. *Вундтъ*, представившій недавно весьма основательную критику этой теоріи (*Revue philosophique*

1878, IX), называетъ ее теоріею *простыхъ* мѣстныхъ знаковъ, въ противоположность своей теоріи *сложныхъ* мѣстныхъ знаковъ. По Вундту, зрительныя и осязательныя ощущенія сами по себѣ лишены характера экстенсивности и пріобрѣтаютъ послѣдній только въ зависимости отъ движеній.

Относительно вопроса о происхожденіи понятія о пространствѣ, по примѣру Гельмгольца, можно раздѣлить фیزیологовъ на два лагеря—*нативистовъ* и *эмпириковъ*. Первые полагаютъ, что порядокъ ощущеній обуславливается организациею, слѣдовательно, что онъ врожденъ. Сюда принадлежатъ—знаменитый фیزیологъ *Иоганнъ Мюллеръ*, затѣмъ *Чермакъ*, *Фолькманъ*, *Мейсснеръ*, также *Нагель*, *Панумъ*, *Герингъ*. *Штумпфъ* въ послѣднее время сдѣлалъ попытку связать это воззрѣніе съ эмпирическимъ (*Ueber den psycholog. Ursprung der Raumvorstellung*, 1873). *Эмпирическая* или *генетическая* теорія считаетъ понятіе о пространствѣ продуктомъ психологическаго развитія. Къ эмпирикамъ принадлежатъ *Гербартъ*, *Лотце* и въ особенности *Гельмгольцъ* и *Вундтъ*. По Вундту, для объясненія локализациі въ пространствѣ достаточно мѣстныхъ знаковъ и движеній съ сопровождающими ихъ мышечными ощущеніями. Изъ двухъ этихъ элементовъ черезъ процессъ такъ называемаго *психологическаго синтеза* происходитъ представленіе пространства. Каждый изъ тѣхъ элементовъ, изъ душевнаго синтеза которыхъ родится представленіе пространства, не похожъ на пространство, подобно тому какъ кислородъ и водородъ не похожи на воду,—результатъ ихъ химическаго соединенія. Вотъ сводъ основаній генетической теоріи по *Гельмгольцу* (*Physiologische Optik*): 1) нативистическая теорія вводитъ ненужную гипотезу; 2) нативисты должны допустить, что

первоначальное представлѣніе пространства подѣ влияніемъ опыта исправляется или замѣняется новымъ; 3) явленія зрительнаго воспріятія совершенно необъяснимы съ точки зрѣнія нативистовъ, если не признать широкаго влияния опыта. Поэтому, понятіе о пространствѣ проще цѣликомъ выводить изъ опыта, не прибѣгая къ врожденнымъ понятіямъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывающимся ложными.

Фехнеръ замѣчателенъ какъ творецъ психофизики. «Подъ названіемъ *психофизики*, говоритъ онъ (*Elemente der Psychophysik*), я разумѣю точную теорію отношеній между душевною и тѣлесною дѣятельностью или, говоря вообще, между міромъ психическимъ и міромъ физическимъ». Въ психофизикѣ собственно рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Еще до *Фехнера Веберъ* нашелъ, что ощущенія возрастаютъ на равныя величины, когда раздраженія возрастаютъ на величины, относительно равныя. Разумѣется, мы не можемъ измѣрять ощущеніе самымъ ощущеніемъ, но мы можемъ измѣрять его раздраженіемъ; слѣдствіе можетъ быть измѣряемо причиною. Наблюденіе показываетъ, что одно и тоже раздраженіе, смотря по обстоятельствамъ, вызываетъ ощущеніе болѣе или менѣе сильное. Если къ вѣсу одного фунта прибавить 10 золотниковъ, то разница въ вѣсѣ очень замѣтна, но если тѣ же 10 золотниковъ прибавить къ одному пуду, то прибавленіе вѣса будетъ нечувствительно. Путемъ многочисленныхъ опытовъ, о методахъ которыхъ распространяться здѣсь не мѣсто, найдено: 1) для чувства давленія прибавка или убавка въ вѣсѣ должна составлять не менѣе $\frac{1}{3}$ первоначальнаго вѣса, для того, чтобы разница въ ощущеніи была замѣтна; 2) для чувства мышечнаго напряженія

(при поднятіи тяжести) достаточно прибавить 0,06 первоначального вѣса, чтобы получить замѣтную разницу въ вѣсѣ; таже цифра имѣетъ значеніе и для ощущенія температуры; 3) для ощущенія свѣта раздраженіе должно быть увеличено или уменьшено на 0,01, чтобы получить едва чувствуемую разницу; 4) для звуковаго раздраженія прибавка должна равняться $\frac{1}{3}$. Затѣмъ, изъ опытовъ найдена величина *едва замѣтнаго ощущенія* въ области каждаго чувства или *minimum* раздраженія, нужнаго для произведенія ощущенія. Наконецъ, Фехнеръ нашелъ *общій и основной психофизическій законъ*, — что ощущеніе возрастаетъ какъ логарифмъ раздраженія. Это значитъ, что для того, чтобы ощущеніе возрастало постоянно на равныя величины (въ арифметической прогрессіи) нужно, чтобы раздраженіе возрастало на величины, пропорціональныя (въ геометрической прогрессіи).

Фехнеровская психофизика не обошлась, конечно, безъ критики, оспаривавшей ее или въ цѣломъ, или въ частностяхъ. Между этими критиками первое мѣсто принадлежитъ *Герингу*. Мы не можемъ представить этотъ споръ по его специальности, скажемъ только, что Фехнеръ въ послѣднее время отвѣтилъ своимъ оппонентамъ книгою «*In Sachen der Psychophysik*», въ которой онъ является если не побѣдителемъ, то во всякомъ случаѣ не побѣжденнымъ. Вопросъ о психофизикѣ вообще далеко не рѣшенъ.

Современная научная психологія представляется въ двухъ видахъ, именно въ эмпирическомъ и въ экспериментальномъ. Объ эмпирической психологіи мы уже достаточно сказали, обозрѣвъ Милля, Спенсера и Бэна. Представителемъ экспериментальной или фізіологической

психологiи въ Германiи въ настоящее время считается *Вундтъ*.

Вундтъ недовольтвуется внутреннимъ наблюденiемъ; онъ присоединяетъ экспериментъ и старается, гдѣ можно, приложить измѣренiя. Вообще онъ сводитъ всѣ психическiя явленiя къ ихъ элементамъ, а эти послѣднiе — къ ихъ физическимъ основамъ. Кромѣ извѣстной у насъ въ переводѣ «Души человѣка и животныхъ» Вундтъ написалъ «Grundzüge der physiologischen Psychologie» (это сочиненiе переведено мною на русскiй языкъ, съ необходимыми добавленiями относительно самыхъ новѣйшихъ изслѣдованiй, и теперь печатается), гдѣ представляетъ первое полное систематическое изложенiе физиологической психологiи. Сначала авторъ подробно описываетъ строенiе мозга и вообще нервной системы, затѣмъ переходитъ къ физиологическимъ отправленiямъ нервовъ и мозга и приводитъ всѣ новѣйшiя изслѣдованiя и эксперименты по этому предмету. Далѣе разбираются простѣйшiя психическiя явленiя — ощущенiя. Причина ощущенiя заключается во внѣшнемъ раздраженiи, вызывающемъ движенiе въ концевыхъ нервныхъ аппаратахъ и въ нервѣ. Въ чувствахъ механическихъ, какъ осязанiе и слухъ, молекулярное движенiе нервного вещества, вѣроятно, аналогично съ внѣшнимъ движенiемъ раздраженiя. Въ химическихъ чувствахъ (зрѣнiе, вкусъ, обонанiе) нервное раздраженiе вызываетъ отличный отъ себя «нервный процессъ», колебанiя котораго въ извѣстныхъ предѣлахъ соотвѣтствуютъ колебанiямъ раздраженiя. Гипотеза специфической энергiи нервовъ отвергается Вундтомъ. Всего естественнѣе предположить, что возбужденное раздраженiемъ молекулярное движенiе, не измѣняясь по натурѣ, распространяется до мозга и тамъ, въ центральныхъ клѣткахъ, освобождаетъ особый процессъ, являющiйся въ сознанiи въ видѣ ощущенiя.

Всѣ психическіе акты одинаковы по существу, потому что всѣ сводятся къ *умозаключенію*. Мысль, если разумѣть подъ этимъ всякій актъ сознанія, можетъ быть разсматриваема по своей формѣ и по своей натурѣ. Въ первомъ отношеніи мысль подчинена условіямъ времени. Продолжительность мысли измѣрима; въ сознаніи не могутъ быть двѣ мысли одновременно. Отсюда единство сознанія. По натурѣ мысль есть ничто иное, какъ процессъ умозаключенія. Ощущенія, идеи, сужденія, чувства, — все это основывается на умозаключеніи изъ болѣе или менѣе сложныхъ элементовъ или посылокъ. Простѣйшее умозаключеніе есть элементарное ощущеніе, родящееся изъ посылокъ, лежащихъ всецѣло въ безсознательной сферѣ. Эти элементы ощущенія суть ничто иное какъ элементарные *нервные процессы*, т. е. молекулярное движеніе. Каждое движеніе предполагаетъ большое количество предшествующихъ душевныхъ актовъ, гдѣ качества объекта узнаются изъ опыта. Каждый такой элементарный опытъ есть въ свою очередь сужденіе, утвердительное или отрицательное. Тотъ процессъ, посредствомъ котораго изъ данныхъ сужденій образуется новое сужденіе, и есть умозаключеніе — основной процессъ душевной дѣятельности. Признаки же объекта или качества его, т. е. посылки элементарнаго сужденія, даются воспріятіями нашихъ чувствъ. Эти качества, — напр. красное или голубое, — уже не сужденія, но во всякомъ случаѣ умозаключенія, посылки для которыхъ, т. е. матеріальные нервные процессы, лежатъ внѣ сознанія. Путемъ соединенія качествъ объекта въ одно цѣлое образуются понятія. Такимъ образомъ, всѣ душевные акты, со включеніемъ ума, одинаковы по природѣ и сводятся къ логической операціи умозаключенія, какъ всѣ физическія явленія сводятся къ движенію.

Ощущенія суть элементы, изъ которыхъ возникаютъ представленія. Мы видѣли, какъ посредствомъ процесса психическаго синтеза является отвлеченное представленіе пространства, считавшееся прежде прирожденнымъ. Порядокъ ощущеній въ пространствѣ, слѣдовательно и понятіе о пространствѣ, происходитъ изъ совмѣстнаго вліянія периферическихъ ощущеній и центральной иннервации. Изъ простыхъ воспріятій рождаются сложныя формы душевной дѣятельности, понятія сложныя и общія, и формы интуиціи (пространство и время). Большая часть нашихъ умственныхъ актовъ принадлежитъ къ классу сложныхъ понятій и не соотвѣтствуетъ реальнымъ предметамъ. Общія понятія, напр. человѣкъ, дерево, или эмпиричны, или абстрактны; въ послѣднемъ случаѣ они символизируются словомъ и пріобрѣтаютъ большую точность и опредѣленность. Представленіе времени родится изъ послѣдовательности представленій, при томъ условіи, что представленіе, исчезая изъ сознанія, оставляетъ слѣдъ, по которому снова можетъ возродиться. Пространство есть форма представленія непрерывности и множества. Вопросъ о реальности пространства и времени независимо отъ нашего представленія, понятенъ, не есть вопросъ психологическій.

Въ основаніи душевныхъ движеній или чувствъ также лежатъ ощущенія. Всѣ ощущенія имѣютъ въ одно и тоже время элементъ познавательный или объективный и элементъ субъективный или чувственный. По преобладанію того или другаго элемента ощущеніе будетъ относиться или къ области познавательныхъ актовъ, или къ области чувствъ. Всякое чувство, поэтому, заключаетъ въ себѣ въ то же время инстинктивное познаніе. Чувства и аффекты въ сущности суть такія же умозаключенія, какъ и чисто умственные акты. Между чувствами можно различать

субъективныя, относящіяся къ разновидностямъ удовольствія или страданія и имѣющія въ основѣ физическія состоянія, и объективныя, чувства — эстетическія, моральныя и интеллектуальныя. Въ сферѣ интеллектуальной ходъ развитія ведетъ отъ чувственныхъ воспріятій къ идеямъ или къ отвлеченнымъ понятіямъ. Точно также въ сферѣ чувства прогрессъ ведетъ отъ чисто физическихъ чувствъ къ чувствамъ идеальнымъ. Чувство прекраснаго есть чувство гармоніи между впечатлѣніями и оно всего сильнѣе, когда эта гармонія дается вмѣстѣ съ разнообразіемъ элементовъ. Нравственное чувство есть внутренняя гармонія, чувство мира съ совѣстью; совѣсть же, какъ индивидуальная, такъ и общественная, называется нравственнымъ всякій актъ, полезный самому индивидууму и другимъ или обществу, всякій актъ способствующій жизни сообразно природѣ и нормальному развитію способностей какъ самого дѣйствующаго лица, такъ и другихъ лицъ. Что касается до религіознаго чувства, то оно возникаетъ изъ двухъ источниковъ, интуиціи природы и представленія нашей собственной судьбы. Подъ вліяніемъ рефлексіи религіозное чувство приводитъ къ идеѣ *міроваго порядка* и религія стремится указать причины и цѣль вселенной, назначеніе человѣка и мѣсто его въ мірѣ.

Акты воли не суть исключенія изъ общаго закона причинности. Даже сознаніе не говоритъ намъ, что наши дѣйствія лежатъ внѣ сферы причинности; оно просто утверждаетъ, что мы свободны дѣйствовать по произволу, то-есть по хотѣнію. Статистика показываетъ, что дѣйствія человѣка въ общемъ опредѣляются нѣкоторыми внѣшними условіями; но кромѣ нихъ есть факторъ внутренній, это — индивидуальный характеръ; то, что называютъ мотивами, суть посредствующія причины дѣйствія,

характеръ же—причина непосредственная. Мотивы могутъ быть сознательными, тогда какъ причинность, заключающаяся въ характерѣ, совершенно несознаваема. Самъ же характеръ обуславливается частію воспитаніемъ, частію психическою наслѣдственностью. Такимъ образомъ, въ общихъ выводахъ Вундтъ сходится съ англійскою школою эмпиристовъ.

Существенный характеръ сознанія, извѣстный изъ опыта, — его единство. Оно обуславливается единствомъ и непрерывностью нервной системы. Нельзя указать опредѣленный органъ сознанія, потому что всякая часть нервной системы имѣетъ вліяніе на наши представленія и чувства. Однако наблюденіе патологическихъ случаевъ на человѣкѣ и эксперименты на высшихъ животныхъ показываютъ, что сѣрое вещество головного мозга имѣетъ наиболѣе тѣсное отношеніе къ сознанію. Здѣсь лежатъ не только различныя чувствительныя и двигательныя области мозговой коры, но здѣсь-же представлены и нижніе центры, напр., узлы на основаніи большого мозга, узлы мозговыхъ ножекъ и пр. Коровое вещество мозга соединяетъ въ себѣ, посредственно и непосредственно, всѣ тѣлесныя состоянія, могущія пробудить сознательныя представленія. По этому можно сказать, что сѣрое корковое вещество большого мозга есть органъ сознанія, не упуская изъ вида, что функція этого органа предполагаетъ существованіе второстепенныхъ центральныхъ частей—четвернаго возвышенія и зрительныхъ бугровъ, въ которыхъ преимущественно совершается синтезъ ощущеній. Сознаніе съ психологической точки зрѣнія есть ничто иное какъ актъ умозаключенія, который находитъ свое завершеніе въ личномъ сознаніи, какъ въ послѣднемъ заключеніи, заключающемъ въ другія. Сознаніе приводитъ къ различенію нашего я отъ внѣшняго міра. Самосознаніе есть

продуктъ развитія и родится изъ психическихъ процессовъ ощущенія и воспріятія и изъ фізіологическихъ актовъ иннерваціи. Въ основаніи сознанія лежатъ молекулярныя движенія въ нервахъ и въ нервныхъ клѣткахъ и механизмъ рефлекса. Сознаніе кажется намъ чѣмъ-то особымъ только потому, что мы знаемъ его только субъективно. То, что субъективно есть сознательный актъ, объективно сводится на молекулярное движеніе въ нервныхъ волокнахъ и въ узловыхъ клѣткахъ. Всякій психическій актъ, если брать его независимо отъ сознанія, можетъ быть объясненъ механически. Сознательные акты, какъ таковые, суть акты логическіе, но съ физической точки и они сводятся къ механизму. Въ общемъ результатъ получимъ единство логики и механизма, единство физическихъ и психическихъ явленій, сознательнаго и безсознательнаго.

Было-бы крайне ошибочнымъ называть современное направленіе научной психологіи матеріалистическимъ. Нѣтъ сомнѣній, что матеріалисты стоятъ вообще на почвѣ положительной науки, если не имѣтъ въ виду ихъ философскихъ возрѣній. Матеріалистическая философія должна или оставаться дуализмомъ, сводя все сущее къ двумъ взаимно противоположнымъ понятіямъ матеріи и силы, или сдѣлаться чистою метафизикою, заставляя силу родиться изъ матеріи. *Бюхнеръ* въ лучшей главѣ своей «Kraft und Stoff» говоритъ: «Мысль, духъ, душа нематеріальны, это не вещество, но комплексъ разнородныхъ силъ, представляющій единство результатъ совместнаго дѣйствія многихъ веществъ, одаренныхъ силами и качествами.» Силу нельзя уловить чувствами, о ней можно лишь заключить изъ ея проявленій. Другой весьма извѣстный матеріалистъ *Молешоттъ* въ «Kreislauf des Lebens» говоритъ объ источникахъ познанія такъ: «Поз-

наніе насѣкомаго, т. е. познаніе воздѣйствія виѣшняго міра для насѣкомаго, совсѣмъ другое, чѣмъ для человѣка. Надъ познаніемъ отношеній (виѣшняго міра) къ органамъ воспріятія не можетъ возвыситься ни человѣкъ, ни богъ. Такимъ образомъ, мы знаемъ все для насъ самихъ: мы знаемъ какъ солнце свѣтитъ для насъ, какъ цвѣтокъ благоухаетъ для человѣка, какъ колебанія воздуха затрогиваютъ человѣческое ухо.» «Вещь для насъ» и «вещь сама по себѣ» одно и тоже. Вещь существуетъ только по своему отношенію къ другимъ предметамъ, напр., по отношенію къ наблюдателю, и знаніе о предметѣ вообще совпадаетъ съ знаніемъ отношеній предметовъ между собою, такъ что наше знаніе есть не относительное, но абсолютное (*gegenständiges Wissen*).

Матеріализмъ правъ только тогда, когда онъ борется съ ходячимъ дуализмомъ, но онъ не умѣетъ сладить съ результатами критики познанія. Этими результатами завладѣваетъ идеализмъ, но онъ или переходитъ въ дуализмъ, или вступаетъ въ противорѣчіе съ философіею дѣйствительности. Какой-же характеръ имѣетъ теперь научная психологія? Она реалистична, въ противоположность метафизичности идеализма и матеріализма. Мы должны признать, что основаніе всего нашего знанія суть факты сознанія. Виѣшний опытъ есть только особая область внутренняго опыта, говоритъ Вундтъ (*Grundzüge der physiologischen Psychologie*), и хотя мы необходимо должны предположить объективное бытіе, мы убѣждаемся, что форма, въ которой это бытіе становится доступнымъ нашему познанію, существенно обусловливается фактами сознанія. Ощущеніе есть субъективная форма, въ которой мы реагируемъ на виѣшнія впечатлѣнія; пространство и время зависятъ отъ субъективныхъ законовъ синтеза представленій; понятія причинности и субстанціи,

безъ которыхъ мы не можемъ обойтись при объясненіи себѣ міра, имѣютъ психологическое начало. Но эти понятія никогда не могли бы возникнуть въ насъ еслибы не побуждалъ насъ къ тому объективный міръ. Признаніемъ реальности внѣшняго міра характеризуется *реализмъ*. Когда онъ, согласно результатамъ критики познанія, признаетъ первенство внутренняго опыта, онъ становится *идеалистическимъ реализмомъ* (Idealrealismus).

VIII.

И такъ, мы представили существеннѣйшія черты прежней и современной психологіи въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Намъ остается теперь нѣсколько дополнить относительно тѣхъ общихъ вопросовъ, которыхъ мы мало касались въ предыдущемъ изложеніи.

Научная психологія приводитъ насъ къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: 1) Душа каждаго одушевленнаго живаго существа, будучи продуктомъ непрерывнаго развитія, имѣетъ свою индивидуальную исторію развитія. Въ самомъ дѣлѣ, яйцо, т. е. исходная точка развитія индивидуальнаго существа, у всѣхъ животныхъ, родящихся изъ яйца, одинакова, и въ ней нѣтъ и слѣда психической жизни. Отъ этой простой клѣтки до животнаго въ полномъ его развитіи, достигающаго въ высшихъ млекопитающихъ и въ человѣкѣ чрезвычайно сложной и высокой психической организаціи, лежитъ непрерывный рядъ различныхъ степеней развитія. 2) Психическая дѣятельность, какъ показываютъ факты физиологическіе и психопатологическіе, связана съ извѣстными тѣлесными органами и безъ нихъ не можетъ быть представлена. Отнятіе мозжечка лишаетъ животное координаціи движеній;

разрушеніе четверныхъ возвышеній не только ослѣпляетъ человѣка, но лишаетъ его зрительныхъ представленій изъ прошлаго. Разрушеніе одного изъ полосатыхъ тѣлъ производитъ полный параличъ противоположной половины тѣла. Поврежденіе задней части 3-ей лобной извилины лѣвой стороны обуславливаетъ потерю способности рѣчи на словахъ и на письмѣ, оставляя собственно умственные способности нетронутыми. Значительное поврежденіе коркового вещества передней части лобныхъ долей мозга дѣлаетъ человѣка идиотомъ.

Если мы не хотимъ становиться въ разрѣзъ съ положительною наукою, то мы не можемъ смотрѣть на психическую жизнь иначе какъ на часть общей жизни и, слѣдовательно, должны признать психическую дѣятельность свойственною въ большей или меньшей степени всѣмъ живущимъ существамъ животнаго царства. Въ нисшихъ животныхъ организмахъ психическія функція еще мало дифференцировались отъ общихъ жизненныхъ отправленій; напр., у монеръ, у одноклѣточныхъ организмовъ мы не видимъ еще нервной системы, но видимъ, что одна и таже ткань отправляетъ функція питанія, выдѣленія, воспроизведенія, чувствительности и сократительности или движенія. Что касается до растительныхъ организмовъ, то мы не находимъ достаточныхъ основаній согласиться съ тѣми естествоиспытателями (Фехнеръ, Геккель, Luys, Виньоли) и философами (Шопенгауэръ, Гартманъ) которые приписываютъ «душу» растеніямъ. Конечно, между растительнымъ и животнымъ царствами нельзя провести рѣзкой границы; ихъ соединяетъ міръ протистовъ или простѣйшихъ животныхъ; конечно, и растенія, точно такъ же какъ и животныя, состоятъ изъ клѣтокъ, имѣющихъ индивидуальную жизнь; но приписывать растеніямъ чувствительность и даже сознаніе, по нашему мнѣнію, слиш-

комъ мало основаній. Правда, растенія тянутся къ свѣту, многія какъ будто чувствуютъ его присутствіе или отсутствіе, нѣкоторыя, какъ напр. мимозы, повидимому способны реагировать на раздраженія; но эти факты могутъ быть объяснены и безъ гипотезы растительной души. Конечно, *natura non facit saltum* и можно найти посредствующія звенья не только между растеніями и животными, но и вообще между міромъ органическимъ и міромъ неорганическимъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были откинуть всякія рубрики и стереть всѣ границы, которыя, хотя большею частію и произвольны, однако необходимы намъ при различеніи предметовъ. Отъ этого не пострадаетъ общій *монистическій* характеръ нашего міровоззрѣнія; нѣтъ никакой крайности путемъ натяжекъ сводить все къ одному знаменателю, потому что, при всемъ единствѣ въ цѣломъ, природа все-таки многообразна. Міръ неорганический подчиненъ законамъ физическимъ и химическимъ; того, что мы привыкли называть *жизнью*, мы въ немъ не находимъ, если не имѣемъ въ виду метафоръ. Міръ органический имѣетъ характеристическимъ атрибутомъ жизнь и кромѣ физическихъ и химическихъ законовъ подлежитъ законамъ *біологическимъ*, неимѣющимъ дѣйствія въ мірѣ неорганическомъ. Сущность жизни намъ, конечно, неизвѣстна, но мы должны признать, что существуютъ различныя степени ея. Сложное органическое соединеніе, будетъ-ли оно добыто изъ міра органическаго или сложено изъ составныхъ частей въ лабораторіи, какое-нибудь бѣлковое вещество, если мы не видимъ въ немъ жизненности, есть тѣло анорганное. Но такое же въ сущности бѣлковое вещество, если оно представляетъ жизненность, какъ не такъ давно открытый *Bathybius* (Томсонъ, Карпентеръ и Бессельсъ), относится нами къ живымъ сущест-

вамъ. Этотъ *Bathybius* есть наипростѣйшее живое существо. Онъ лежитъ на днѣ морей въ видѣ совершенно безформенной (аморфной) массы бѣлаго вещества и не представляетъ еще никакихъ слѣдовъ индивидуализаціи. Тоже недавно открытыя (*Гэккелемъ*, *Гекслеємъ*, *Цѣнховскимъ*) *монеры* представляютъ уже сравнительно высшую ступень жизни. Монеры также встрѣчаются въ глубинѣ морей въ видѣ маленькихъ кусочковъ однородной слизи; это — тотъ-же *Bathybius*, только индивидуализовавшійся. Онѣ не дошли еще до той ступени морфологическаго развитія, которую представляетъ животная клѣтка. Тѣмъ не менѣе, онѣ живутъ, питаются, втягивая внутрь себя питательныя вещества, инфузорій и т. п., растворяютъ ихъ или перевариваютъ, растутъ, плодятся черезъ дѣленіе, наконецъ, вслѣдствіе сократительности, измѣняютъ свою форму и передвигаются. Спрашивается, имѣетъ-ли жизнь этихъ существъ ту сторону, которую можно-бы назвать психическою, хотя-бы въ самомъ простѣйшемъ видѣ. При раздраженіи ея однороднаго тѣла монера сокращается; повидимому, она также способна чувствовать свѣтотыя раздраженія. И такъ, мы должны признать за монерою способность чувствованія и движенія, хотя у нея нѣтъ и слѣда нервной системы. *Гэккель* (*Psychologie cellulaire, trad. de l'allemand. 1880*) признаетъ за монерами даже волю и въ извѣстномъ смыслѣ можно согласиться съ этимъ авторомъ, если имѣть въ виду то инстинктивное начало воли, о которомъ говоритъ *Бэнъ*. Само собою разумѣется, тутъ весьма мало сходства съ тою сознательною или осмысленною волею, которую мы видимъ у человѣка и у высшихъ млекопитающихъ. И такъ, мы видимъ простѣйшія психическія отправленія у самыхъ простыхъ существъ, какія только можно представить себѣ, именно у монеръ.

Степению выше монаръ тѣ живыя существа, которыя представляются въ видѣ одной клѣтки, какъ напр. амёбы, гдѣ мы уже видимъ дифференцированныя части—протоплазму и ядро съ ядрышкомъ. Амёбы водятся повсюду въ водѣ, какъ въ прѣсной, такъ и въ морской; ихъ тѣло не имѣетъ постоянной формы, потому что онѣ со всѣхъ сторонъ то выпускають, то вбирають въ себя отростки, служащіе имъ органами *произвольнаго* перемѣщенія и въ тоже время щупальцами, т. е. органами чувствованія. Подобныхъ одноклѣточныхъ организмовъ очень много, и нѣкоторые изъ нихъ живутъ паразитически въ организмахъ высшихъ животныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти существа имѣють не только жизненныя, но и психическія отправленія; они, очевидно, чувствуютъ, потому что реагируютъ на раздраженія, и кромѣ того, они перемѣщаются по произволу. Но можетъ быть представится вопросъ: имѣють ли эти простѣйшіе организмы вмѣстѣ съ чувствованіемъ и сознаніе? — Определенно отвѣтить на этотъ вопросъ трудно; можно только сказать, что одни авторы черезъ чуръ расширяють область сознанія, причисляя и растенія къ сознающимъ существамъ (Фехнеръ, Гартманъ), другіе слишкомъ ограничивають ее, отказывая въ сознаніи нисшимъ животнымъ. Фактъ сознанія извѣстенъ намъ только по собственному *внутреннему* опыту. Что сознаніе присуще другимъ людямъ и высшимъ млекопитающимъ, — мы заключаемъ, главнымъ образомъ, по аналогіи. Сознаніе вообще тѣсно связано съ чувствованіемъ, потому что, говоря философскимъ языкомъ, безсознательное ощущеніе собственно не есть ощущеніе, а только физическая причина ощущенія. Когда говорятъ объ ощущеніяхъ, какъ о психологическихъ актахъ, всегда имѣють въ виду сознательныя ощущенія. Не желая впадать въ дуализмъ, мы не можемъ иначе

думать какъ такъ: то, что мы съ субъективной точки зрѣнія называемъ сознаніемъ, объективно есть ничто иное какъ молекулярный процессъ въ нервныхъ клѣткахъ (см. выше о Льюисѣ). Слѣдовательно, чувствованіе и сознаніе съ этой точки зрѣнія одно и тоже. Несомнѣнно также, что существуютъ различныя степени сознанія. Наша узловая нервная ткань, нормально дающая сознаніе ясное и отчетливое, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ веществъ можетъ дать только смутное и неопредѣленное сознаніе. Различныя степени ясности и смутности сознанія знакомы намъ по состояніямъ, переходнымъ отъ мертваго или безчувственнаго сна до полнаго бодрствованія. Нервные клѣтки ниспихъ животныхъ, несомнѣнно, также имѣетъ функцію чувствованіе и сознаніе; только нормальное сознаніе ниспихъ организмовъ, конечно, неизмѣримо ниже по ясности и сложности, чѣмъ наше сознаніе и аналогично развѣ со сномъ, со смутными, несложными и неопредѣленными грезами. Мы не имѣемъ права отказать въ нѣкоторой степени такого сознанія даже тѣмъ животнымъ, которыя лишены нервной системы, если только признаемъ за этими животными способность чувствованія. Способность чувствовать внѣшнія раздраженія и *отличать* ихъ отъ измѣненій, происходящихъ внутри существа животнаго, — развѣ это не будетъ значить то же, что сознаніе? Мы высказали выше, что на извѣстной ступени органическаго развитія отъ общихъ жизненныхъ отравленій дифференцировалась функція чувствованія. Мы можемъ представить, что вмѣстѣ съ функцією чувствованія дается и зародышъ сознанія, но можемъ также думать, что функція сознанія дифференцируется отъ болѣе общей функціи чувствованія впоследствии. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что у члвчка и высшихъ млекопитающихъ функція чувствованія

принадлежитъ сѣрой узловой ткани нервныхъ центровъ, но знаемъ также, что у человѣка сознание связано только съ высшими мозговыми центрами, помѣщающимися въ сѣромъ корковомъ веществѣ полушарій большого мозга, тогда какъ функція низшихъ чувствительныхъ центровъ — четырехолмія и зрительныхъ бугровъ, а также центровъ спинного мозга, безсознательна. А между тѣмъ чувствительныя нервныя клѣтки во всѣхъ названныхъ центрахъ, повидимому, одинаковы. Но надо имѣть въ виду, что высшія и низшія животныя — дѣло разное. Въ низшихъ животныхъ одна и таже недифференцированная ткань способна къ отправленіямъ и чисто органическимъ, и психическимъ. Въ высшихъ животныхъ дифференцирование достигаетъ высокой степени. Здѣсь не только обособились различныя ткани, соотвѣтственно различнымъ отправленіямъ, но и сама нервная ткань дифференцировалась на нервныя волокна и нервныя клѣтки, функція нервныхъ клѣтокъ дифференцировалась на функцію чувствованія (малыя клѣтки) и функцію движенія (большія узловые клѣтки), на функціи сознательныя и безсознательныя. Конечно, съ какого бы мѣста непрерывнаго ряда постепенно усложняющихся животныхъ организмовъ мы ни начинали говорить о сознаниі, — въ сущности все равно. Едва ли кто нибудь изъ естествоиспытателей рѣшится отрицать сознание у животныхъ, имѣющихъ нервную систему и органы чувствъ.

Въ существахъ, стоящихъ выше чѣмъ амѣба и грегари-на, мы видимъ дифференцировавшимися нѣсколькихъ родовъ клѣтокъ, раздѣляющихъ между собою жизненную работу. Простые многоклѣточные организмы, не имѣя еще сложной нервной системы, состоятъ изъ двухъ слоевъ клѣтокъ, наружнаго, — слоя нервнопсихическихъ функцій, и внутренняго, — слоя растительной жизни. Всякое высшее

животное, въ томъ числѣ и человекъ, должно пройти черезъ эти стадіи развитія; въ началѣ развитія, будучи яцомъ, оно является одноклѣточнымъ организмомъ, изъ котораго происходитъ организмъ многоклѣточный (*gast-rula*), состоящій изъ двухъ слоевъ клѣтокъ или двухъ зародышевыхъ листковъ, — наружнаго, изъ котораго развиваются нервно-мышечная система и органы чувствъ, и внутренняго, — изъ котораго происходятъ органы растительной жизни. Клѣтки наружнаго слоя прѣсноводнаго полипа, называемаго гидрою, имѣютъ способность чувствительности и сократительности. Эти такъ-называемыя *нервно-мышечныя* клѣтки составляютъ начало нервной системы въ животномъ царствѣ.

Понять механизмъ нервнопсихической дѣятельности всего легче на простѣйшемъ примѣрѣ, какой представляетъ намъ *Turbellaria*, одинъ изъ экземпляровъ нисшихъ червей. Разсматривая подъ микроскопомъ плоское, листообразное тѣло этого червя, мы замѣтимъ внутри его единственный нервный узелъ, мозгъ въ самой простой формѣ, — въ видѣ небольшой шарообразной массы, отъ которой лучеобразно расходятся къ периферіи нервныя нити. Однѣ изъ нихъ, — чувствительныя нервы, — оканчиваются въ наружномъ слое или въ кожѣ животнаго, другія, — двигательныя нервы, — въ мышечномъ слое, лежащемъ подъ первымъ. Нервный узелъ состоитъ изъ массы нервныхъ клѣтокъ, соединяющихся многочисленными отростками частію другъ съ другомъ, частію съ волокнами чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ. У многихъ простыхъ червей единственнымъ органомъ чувства служить кожа. У другихъ, какъ у турбелларій, существуютъ зачаточныя органы зрѣнія и слуха, соединяющіеся чувствительными нервами съ центральнымъ нервнымъ

узломъ или съ мозгомъ. Механизмъ такого нервнаго аппарата крайне простъ, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ элементарный случай рефлекторнаго или, вѣрнѣе сказать, нервно-психическаго устройства; мы говоримъ «нервно-психическаго», потому что нервныя клѣтки центральнаго узла здѣсь несомнѣнно имѣютъ функцію чувствительности и, извѣстною долею, сознаніе. Чувствительныя клѣтки въ кожѣ турбелларіи, подобно сторожевымъ постамъ, бдѣтъ на внѣшней границѣ и, какъ только на нихъ подѣйствуетъ внѣшнее раздраженіе, немедленно телеграфируютъ объ этомъ обстоятельствѣ по чувствительнымъ нервамъ своему центральному начальству, т. е. мозгу. Правительство разсматриваемаго нами клѣточного государства, получивши съ границы депешу, являющуюся здѣсь въ видѣ ощущенія, устраиваетъ государственный совѣтъ изъ большаго или меньшаго числа своихъ непремѣнныхъ членовъ, — узловыхъ клѣтокъ и результатомъ этого совѣщанія является актъ воли, который телеграфируется по двигательнымъ нервамъ къ исполнительной власти, мышечнымъ клѣткамъ, въ формѣ приказа, произвести то или другое движеніе.

Въ животныхъ, стоящихъ болѣе высоко, чѣмъ турбелларія, нервныя узлы, отъ которыхъ расходятся чувствительныя и двигательныя нервы, располагаются въ видѣ ряда или цѣпи, иногда, какъ у насѣкомыхъ, въ видѣ двухъ параллельныхъ рядовъ. Центральная нервная система позвоночныхъ животныхъ и человека представляетъ рядъ слившихся между собою нервныхъ узловъ или, точнѣе, — нервныхъ центровъ, причемъ центры, лежащіе ниже, болѣе или менѣе подчинены центрамъ, лежащимъ выше (или болѣе впереди). Ходъ развитія нервной системы въ общемъ у всѣхъ позвоночныхъ одина-

ковъ. Сначала появляется зачаточный спинной мозгъ въ видѣ шнура, отъ котораго расходятся нервы. Самое нисшее изъ позвоночныхъ животныхъ, *Amphioxus*, всю жизнь обходится однимъ только спиннымъ мозгомъ, не имѣя головного. У всѣхъ другихъ позвоночныхъ передній конецъ спинного мозга, по мѣрѣ развитія, утолщается и распадается на 5 первичныхъ пузырьковъ, сообщающихся между собою, изъ которыхъ впоследствии развиваются различныя части головного мозга, именно—передній мозгъ (полушарія большого мозга), промежуточный (зрительные бугры), средний мозгъ (четыре холміе или *lobi optici*), задній (мозжечекъ) и придаточный (продолговатый мозгъ). У нисшихъ позвоночныхъ мозговые полости, сравнительно съ массою мозга, больше, чѣмъ у высшихъ животныхъ; вообще мозгъ нисшихъ позвоночныхъ напоминаетъ эмбриональный мозгъ высшихъ животныхъ. У рыбъ и земноводныхъ передній мозгъ не достигаетъ большой величины; у амфибій сравнительно сильно развитъ средний мозгъ; у птицъ преимущественно развиваются большой мозгъ и мозжечекъ и прикрываютъ остальные части сверху; у млекопитающихъ все болѣе и болѣе преобладаетъ развитіе мозговыхъ полушарій, которыя у приматовъ почти совершенно закрываютъ остальные части мозга; наконецъ, полушарія человѣка отличаются отъ мозга высшихъ обезьянъ только большимъ богатствомъ мозговыми извилинами, т. е. большимъ развитіемъ сѣраго коркового вещества полушарій, представляющаго органъ высшихъ психическихъ отправленій—сознательнаго чувствованія, произвольнаго дѣйствія и мышленія.

И такъ нервная система человѣка состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ частей: 1) спинного мозга, представляющаго рядъ расположенныхъ другъ надъ другомъ

нервныхъ центровъ, соединенныхъ между собою помощью отростковъ клѣтокъ и нервныхъ волоконъ, и принимающихъ въ свои клѣтки волокна чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ, 2) продолговатаго мозга съ Варолиевымъ мостомъ и выходящими изъ нихъ нервами, 3) мозжечка, 4) межуточнаго и среднего мозга, представляющихся въ видѣ нервныхъ узловъ на основаніи большого мозга,—зрительныхъ бугровъ, полосатыхъ тѣлъ и четверныхъ возвышеній, 5) полушарій большого мозга, съ ихъ периферическимъ сѣрымъ веществомъ. Совершенно самостоятельную систему составляетъ симпатическій нервъ, не играющій непосредственной роли въ душевной жизни.

Какъ ни сложенъ нервный аппаратъ человѣка анатомически, механизмъ его въ сущности очень простъ. Функциональный мозговой элементъ состоитъ изъ нервного центра съ его чувствительными и двигательными клѣтками и съ нервными волокнами, центростремительными и центробѣжными. Раздраженіе чувствительнаго нерва вызываетъ молекулярное движеніе возбужденія въ нервѣ, которое доходя до нервного центра, обуславливаетъ специфическое возбужденіе чувствительныхъ клѣтокъ его, передающееся, по соединительнымъ волокнамъ, двигательнымъ клѣткамъ и отсюда вызывающее, путемъ двигательнаго нерва, мышечное сокращеніе и движеніе. Всѣ спинномозговые акты, какъ-бы ни были они сложны, сводятся къ такому простому *рефлексу*, который вовсе не связанъ съ сознаніемъ, потому что у человѣка и высшихъ животныхъ дифференцированіе привело къ отдѣленію тѣхъ нервныхъ клѣтокъ, которыя имѣютъ способность сознанія. Извѣстно, что только дѣятельность этихъ высшихъ клѣтокъ, лежащихъ въ корѣ полушарій большого мозга,

соединена съ сознаниємъ; точно такія-же клѣтки въ мозговыхъ узлахъ (напр. въ зрительныхъ буграхъ), не смотря на то, что онѣ чувствительны, лишены сознания. Мы знаемъ, — то, что субъективно есть фактъ сознания, объективно есть ничто иное какъ молекулярное движеніе въ нервной клѣткѣ; чувство, хотя-бы безсознательное, есть также молекулярный процессъ. Сущность сознания намъ конечно неизвѣстна; но есть основаніе думать, что молекулярное движеніе, лежащее въ основаніи безсознательнаго акта чувствованія (напр. возбужденія клѣтокъ зрительнаго бугра) и молекулярное движеніе, обуславливающее сознательное ощущеніе (возбужденіе чувствующихъ центровъ мозговой коры) различаются главнымъ образомъ только по степени (конечно, тутъ могутъ имѣть значеніе особенности клѣтокъ мозговой коры, хотя эти особенности микроскопомъ неуловимы), но не по сущности и даже не по формѣ, потому что отъ разницы въ формѣ этого движенія, вѣроятно, зависятъ специфическія различія чувствительныхъ актовъ, напр. различіе свѣтоваго и осязательнаго центральнаго возбужденія. Что такой, повидимому, совершенно особый факторъ какъ сознание, обуславливается только степенью молекулярнаго движенія, кажется страннымъ только съ перваго взгляда; аналогій этому можно указать много. Будемъ, напр., медленно и постепенно нагрѣвать кусочекъ свинца. Теплота есть тоже родъ молекулярнаго движенія. По мѣрѣ нагрѣванія свинца, молекулярное движеніе въ немъ усиливается, но сначала мы, кромѣ увеличенія теплоты, ничего особеннаго не замѣтимъ. Наконецъ, наступаетъ такой моментъ, когда твердое прежде тѣло вдругъ становится жидкимъ, т. е. расплавляется. Такимъ образомъ, усиленіе молекулярнаго движенія причинило совершенно особое явленіе — измѣненіе формы тѣла.

Спинномозговые рефлексы лучше всего изучаются на обезглавленных животных, потому что головные центры оказываютъ измѣняющее, обыкновенно подавляющее вліяніе на рефлексы спинного мозга. Эти явленія приходилось видѣть и на обезглавленных людяхъ. Такъ, когда Робэнъ, возбудивши гальваническимъ токомъ спинной мозгъ гильотинированнаго преступника, раздражалъ скальпелемъ правую сторону груди его, то трупъ поднималъ правую руку и прикладывалъ ее къ груди, какъ-бы защищаясь отъ раздраженія. Подобнаго рода движенія требуютъ сокращенія большаго числа различныхъ мышцъ (сгибателей, разгибателей, приводящихъ и отводящихъ, поворачивающихъ внутрь, поворачивающихъ кнаружи), и мышцы должны быть приведены въ дѣйствіе въ опредѣленномъ порядкѣ, каждая въ свое время и въ извѣстной степени; и все это способенъ дѣлать обезглавленный трупъ. Движенія такого рода, какъ-бы сложны они ни были, суть движенія *автоматическія*; они совершаются въ силу того, что, подъ вліяніемъ опыта и упражненія, отдѣльныя движенія ассоціируются другъ съ другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, такъ что довольно *одного* чувственаго впечатлѣнія, чтобы вызвать весь рядъ движеній съ механическою правильностью. Новорожденный ребенокъ умѣетъ сосать, хотя для этого нужно правильно дѣйствовать болѣе чѣмъ 30 парами мышцъ. Когда разъ акушеръ Бойе принужденъ былъ при родахъ, разломать черепъ ребенка и опорожнить его отъ мозга, то послѣ этой операціи ребенокъ могъ еще не только кричать, но и сосать палецъ, вложенный ему въ ротъ... Извѣстно, что мы должны учиться ходить, танцовать, играть на музыкальныхъ инструментахъ. Ученіе при всѣхъ усиліяхъ воли идетъ тяжело и медленно, но когда оно кончено, когда установились нужныя ассоціаціи и сложились дви-

гательные механизмы, послѣдніе дѣйствуютъ отъ одного легкаго усилія воли съ машинообразною правильностью. Хорошій музыкантъ могъ-бы играть во снѣ или въ припадкѣ сомнамбулизма, и подобные примѣры бывали. Развитіе такихъ двигательныхъ механизмовъ возможно благодаря той основной способности нервной ткани, что возбужденіе, прошедшее извѣстными путями (а мы знаемъ, что пути эти въ нервныхъ центрахъ многообразно вѣтвятся), при повтореніи легче идетъ тѣми-же самыми путями. Это въ сущности та же самая способность, которая въ сферѣ чувствованія называется *памятью*, — основная способность нервной ткани, безъ которой была бы невозможна никакая психическая жизнь. Получившійся изъ чувственныхъ впечатлѣній образъ, исчезая изъ сознанія, оставляетъ послѣ себя какъ-бы слѣдъ (конечно, состоящій въ извѣстномъ физико-химическомъ измѣненіи молекулярнаго существа клѣтки), по которому онъ можетъ снова возникнуть. Разъ совершившійся рефлексъ оставляетъ слѣдъ, по которому онъ легче совершается впредь тою-же дорогою. И эта способность совершенствуется подъ вліяніемъ упражненія, и память развивается, какъ и всякая другая способность.

Кромѣ приобрѣтенныхъ сложныхъ автоматическихъ актовъ, играющихъ столь важную роль въ обыденной жизни (объ этомъ см. въ этюдѣ «Нервнопсихическій контатгій и душевныя эпидеміи»), бываютъ акты прирожденные, унаслѣдованные отъ родителей; ими объясняются многія явленія инстинктивнаго дѣйствованія животныхъ.

Чувствительно-двигательные механизмы мозга связаны между собою и одни изъ нихъ подчинены другимъ. Совокупность ихъ можно сравнить съ бюрократическою іерархіею, такъ что нервные центры спиннаго и головного мозга представляютъ какъ-бы взаимно подчиненныя ад-

министративныя власти. По поводу каждаго событія мѣстная власть, назовемъ ее [хоть исправникомъ, получаетъ донесенія и отдаетъ предписанія; получивши донесеніе (возбужденіе чувствительныхъ клѣтокъ спинно-мозгового центра), исправникъ часто самъ дѣлаетъ соотвѣтственное распоряженіе (переходъ возбужденія на двигательныя клѣтки того-же центра), но иногда онъ сообщаетъ по телеграфнымъ нитямъ, соединяющимъ нервныя центры въ вертикальномъ направленіи, губернатору, резидирующему въ продолговатомъ мозгѣ, подѣ властью котораго кромѣ 31 пары спинныхъ нервовъ состоятъ еще 10 послѣднихъ паръ головныхъ нервовъ, и ждетъ приказа отъ его превосходительства. Губернскія присутственныя мѣста, по крайней мѣрѣ часть ихъ, дѣйствуютъ непрерывно и неуспынно. Возбуждаясь постояннымъ притокомъ крови, центральныя клѣтки этого отдѣла работаютъ безъ перерыва, днемъ и ночью, подобно рабочимъ большой фабрики, и постоянно поддерживаютъ функціи дыханія и сердцебіенія. Другіе центры этого отдѣла имѣютъ функцію сложные рефлексы; беспорядочная дѣятельность этого правленія можетъ обусловить судороги во всѣхъ мышцахъ тѣла. Части на основаніи большого мозга, — мозговья ножки, зрительные бугры и полосатыя тѣла, образуютъ слѣдующую инстанцію или министерства (зрительное, обонятельное, осязательное, министерство внутренностное или вегетативной жизни). Чувствительныя департаменты министерствъ помѣщаются въ зрительныхъ буграхъ, двигательныя — въ полосатыхъ тѣлахъ. Завѣдуя, частію, дѣятельностью нисшихъ центровъ и имѣя кромѣ того спеціальную сферу дѣйствія, т. е. нервы зрительные и обонятельные, министерства могутъ функціонировать, не обращаясь къ высшей инстанціи — сенату, но дѣятельность ихъ безсознательна. Зрительное впечатлѣніе, выз-

вавъ возбужденіе въ соотвѣтствующемъ центрѣ зрительнаго бугра, можетъ, не переходя въ полушарія, т. е. въ кассационный департаментъ правительствующаго сената, прямо идти по нервнымъ волокнамъ въ исполнительный департаментъ, — полосатыя тѣла, и разрѣшиться въ бессознательномъ движеніи. Къ сферѣ дѣятельности этой инстанціи принадлежитъ множество автоматическихъ чувствительно-двигательныхъ актовъ, частію совершающихся въ болѣзненныхъ состояніяхъ (сомнамбулизмъ), частію имѣющихъ мѣсто въ обыденной жизни, напр. актъ писанія. Последняя инстанція — правительствующій сенатъ, или корковое вещество большихъ полушарій мозга, органъ мысли, сознательнаго чувствованія и воли. Нервные центры этой инстанціи соединяются съ центрами у основанія мозга посредствомъ системы лучеобразныхъ или проэкціонныхъ волоконъ, называемой лучистымъ вѣнцомъ. Многочисленные клѣтки этой инстанціи (въ человѣческомъ мозгѣ Бэнъ и Мейнертъ насчитываютъ ихъ до милліарда) связываются между собою посредствомъ отростковъ а также системою волоконъ, называемыхъ координационными волокнами (Мейнертъ).

До 1870 года полагали, что клѣтки мозговой коры суть мѣста исключительно умственной дѣятельности, и потому считали, что корковое вещество полушарій не-возбудимо внѣшними раздражителями. Съ этимъ, повидимому, вполне согласовался тотъ фактъ, что проэкціонныя (Мейнертъ) волокна лучистаго вѣнца (пути сообщенія между сенатомъ и министерствами), точно также какъ и сама мозговая кора, могутъ быть на значительномъ протяженіи разрушены безъ видимыхъ разстройствъ. Но экспериментальныя изслѣдованія *Фритча* и *Гитцига*, впоследствии *Феррье*ра, и патологическія наблюденія *Шарко* и другихъ показали, что въ мозговой корѣ существуютъ

различныя, анатомически и физиологически отдѣленныя области. Определенная часть мозговой коры имѣетъ функциею произвольное движеніе и совершенно отдѣлена отъ остальной, чувствительно-интеллектуальной области. Возникающіе въ послѣдней ощущеніе, представленіе или мысль, переходя въ двигательную область коры, состоящую изъ большихъ клѣтокъ, лежащихъ глубже чѣмъ чувствительныя клѣтки, становятся импульсомъ воли и обуславливаютъ произвольныя мышечныя движенія. Различныя части этой двигательной области мозговой коры связаны съ различными группами мышцъ и только ихъ и могутъ возбуждать къ дѣйствию. Если раздражать у собаки или у обезьяны извѣстное мѣсто этой области, то произойдетъ всегда определенное движеніе на противоположной сторонѣ тѣла. Въ настоящее время положеніе этихъ *психомоторныхъ центровъ*, путемъ экспериментовъ на животныхъ и анатомо-патологическихъ изслѣдованій на человѣкѣ, определено довольно точно. Раздраженіе извѣстныхъ центровъ, напр. электрическимъ токомъ, вызываетъ движеніе соотвѣтственныхъ группъ мышцъ, напр. верхнихъ или нижнихъ конечностей, языка, лица и пр. Уничтоженіе этихъ центровъ обуславливаетъ параличъ на соотвѣтственномъ протяженіи. Разрушеніе всей двигательной области коры вполне лишаетъ животное и человѣка всѣхъ произвольныхъ движеній, и притомъ самая идеация движеній также уничтожается. Чѣмъ выше животное, тѣмъ болѣе обособлены въ мозговой корѣ его психомоторныя центры; съ другой стороны, чѣмъ выше животное, тѣмъ болѣе его психомоторныя центры требуютъ развитія. Собака рождается съ еще не опредѣлившимися центрами, они развиваются и обособляются позже; у человѣка эти механизмы при рожденіи еще менѣе дѣйствительны и требуютъ развитія еще въ боль-

шей степени. Не описывая положенія психомоторныхъ центровъ въ отдѣльности, во избѣжаніе подробностей, утомительныхъ для неспеціалистовъ, мы скажемъ вообще, что двигательная область коры занимаетъ парацентральную дольку, восходящія лобныя и темянныя извилины и, можетъ быть, основанія лобныхъ извилинъ (*Шарко и Питрз*, О локализацияхъ въ корѣ полушарій, пер. Спримона. 1878). Въ задней части третьей лобной извилины лѣвой стороны лежитъ центръ артикулированной рѣчи. Уничтоженіе этого центра, не затрогивая собственно интеллектуальной сферы, лишаетъ человѣка способности членораздѣльной рѣчи на словахъ и на письмѣ (афазія и аграфія). Вся остальная часть коры полушарій прямого отношенія къ движеніямъ не имѣетъ и должна быть считаема чувствительно-интеллектуальною областью. Относительно локализацийъ въ этой области мы пока еще знаемъ немного. Найдено, что центръ зрѣнія лежитъ въ *lobulus supramarginalis* и въ дугообразной извилинѣ, въ извилинѣ височно-основной — центръ слуха, въ *subiculum cornu Ammonis* — центръ обонянія, неподалеку отъ котораго помѣщается центръ вкуса (*Ferrier, Fonctions du cerveau, trad. de l'anglais, 1878*).

Есть основаніе думать, что собственно чувствительная сфера и сфера интеллектуальная тоже отдѣлены въ мозговой корѣ, хотя онѣ остаются все-таки тѣсно связанными посредствомъ волоконъ. Наблюденія надъ душевнобольными показываютъ, что сфера психической чувствительности можетъ быть глубоко поражена, тогда какъ интеллектуальныя способности остаются почти не тронутыми (*Luys. Le cerveau et ses fonctions. 1878*). Мы знаемъ, что чувствительныя клѣтки мозговой коры, отличающіяся небольшою величиною, занимаютъ преимущественно самую наружную часть мозговой коры; очень

вѣроятно, что область дѣятельности чисто интеллектуальной лежитъ болѣе вглубь, занимая при этомъ переднія части мозга, лобныя доли, потому что разлитыя пораженія этой стороны мозга всего болѣе сопровождаются умственнымъ ослабленіемъ.

Новѣйшія патологическія наблюденія заставляютъ думать, что локализованіе въ мозгѣ не ограничивается этимъ, а представляетъ дальнѣйшія подробности. На основаніи наблюденій надъ больными афазиками *Бродбентъ* полагаетъ, что комплексъ симптомовъ, называемый афазіею, весьма сложенъ и что различные случаи афазіи даютъ намъ возможность дальнѣйшаго ознакомленія съ мозговыми локализациями. Онъ принимаетъ, что двигательный центръ для мышцъ губъ и языка, лежащій въ третьей лѣвой лобной извилинѣ, связанъ съ центромъ слуха и непосредственно подчиненъ высшему центру, интеллектуальному, имѣющему ближайшее отношеніе къ способности рѣчи и лежащему недалеко отъ перваго. Въ этомъ центрѣ, на основаніи наблюденій, можно отличать два отдѣла — центръ для названій или именъ и центръ для предложеній; первый связанъ съ центрами зрительнымъ, осязательнымъ и слуховымъ, послѣдній съ двигательнымъ центромъ языка и губъ. Отъ этого въ извѣстныхъ случаяхъ афазіи теряется способность составлять предложенія, хотя память словъ и способность произносить ихъ остаются (*Broadbent, Brain, a journal of neurology, N. IV, 1879*).

Собственно умственная дѣятельность въ значительной мѣрѣ автоматична. Идеи зарождаются по своимъ законамъ ассоціаціи и идутъ своимъ теченіемъ, независимо отъ нашей воли. И въ интеллектуальной сферѣ привычный ходъ возбужденія играетъ не меньше роли, чѣмъ

въ сферѣ чисто рефлекторной. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ отчасти регулировать наши мысли путемъ сосредоточенія вниманія на извѣстныхъ предметахъ и мысляхъ. Патологическія наблюденія показываютъ, что способность вниманія локализована въ самыхъ переднихъ частяхъ лобныхъ долей. Въ этой части мозга теперь помѣщаютъ аппаратъ регуляціи мыслей и органъ вниманія (*Феррьеръ*, I. с.). Нѣкоторые авторы, именно врачи-алиенисты, помѣщаютъ аппаратъ регуляціи интеллектуальной дѣятельности въ мозжечкѣ, но большинство фізіологовъ и врачей теперь приписываетъ мозжечку исключительно роль регулятора и координатора движеній. Само собою, что описанные отдѣлы мозга, имѣя каждый свою самостоятельную сферу дѣятельности, составляютъ механизмъ психической дѣятельности только въ совокупности. Изложеніе опытовъ съ отдѣленіемъ извѣстныхъ частей нервной системы завело-бы насъ слишкомъ далеко. Сказаннаго довольно, чтобы имѣть общее понятіе объ отправленіяхъ мозга, и даже изъ этого ясно, что хотя мы еще далеки отъ знанія мозга во всѣхъ его подробностяхъ, все-таки изслѣдованнаго довольно, чтобы видѣть, что фізіологія идетъ вѣрнымъ путемъ. Ученіе объ отправленіи различныхъ частей мозга, фактъ локализациі извѣстныхъ функцій, ставшій извѣстнымъ только въ послѣдніе годы, изслѣдованія Мейнерта и др. относительно проводящихъ путей между различными частями мозга,—все это можетъ служить опроверженіемъ тѣмъ психологамъ-метафизикамъ, которые, не зная новѣйшихъ анатомическихъ и фізіологическихъ работъ по части мозга, утверждаютъ по рутинѣ, что фізіологія не даетъ никакого твердаго основанія для психологін.

Возбужденіе нерва, дойдя до узловыхъ клѣтокъ центра,

освобождаетъ молекулярное движеніе, чувствованіе, въ количествѣ несравненно высшемъ противъ собственнаго движенія. Здѣсь не простой переходъ возбужденія съ нерва на клѣтку, но освобожденіе скрытой силы (конечно, взятой изъ соотвѣтственнаго количества силы, доставляемой питательнымъ матеріаломъ). Механически возбужденіе нервной клѣтки можетъ быть сравнено съ взрывомъ пороховой мины, гдѣ нервъ играетъ только роль запала. Съ физико-химической точки зрѣнія центральный процессъ есть разложеніе сложныхъ составныхъ частей мозга, преимущественно лейцитина, съ развитіемъ теплоты. Съ механической точки зрѣнія процессъ въ нервныхъ клѣткахъ есть молекулярное движеніе, которое Тэнъ (*Géographie et mécanique cérébrales, Revue philosophique* 1878, X) остроумно сравниваетъ съ танцевальными фигурами, причемъ весьма различныя и весьма многочисленныя мозговые частицы, описавъ извѣстную линію съ опредѣленною скоростью, возвращаются снова на свое мѣсто, какъ танцоры въ кадрили; только нѣкоторые измученные танцоры сходятъ со сцены, уступая мѣсто свѣжимъ силамъ, и танцевальныя фигуры продолжаются по прежнему. Мы можемъ, съ помощью Тэна, представить себѣ нѣкоторыя подробности мозговаго танца. Мы говорили, что всякое ощущеніе происходитъ изъ элементовъ, которые сами по себѣ уже не суть ощущенія. Этимъ элементамъ ощущенія соотвѣтствуютъ элементы молекулярнаго танца. Если въ ощущеніи музыкальнаго звука, продолжавшагося $\frac{1}{10}$ секунды, заключается сотня одинаковыхъ, элементовъ ощущенія, съ продолжительностью каждаго въ $\frac{1}{1000}$ секунды, причемъ каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ maximum и minimum съ безконечнымъ множествамъ посредствующихъ степеней, то надо думать, что въ чувствительной клѣткѣ, въ продолженіи сказанной $\frac{1}{10}$

секунды, мозговые частицы произвели сотню одинаковых маневровъ, продолжавшихся каждый $\frac{1}{1000}$ секунды, причемъ каждый представлялъ maximum и minimum съ безконечнымъ множествомъ среднихъ степеней. Однимъ словомъ, — одновременныя или послѣдовательныя части полнаго ощущенія соотвѣтствуютъ одновременнымъ или послѣдовательнымъ фигурамъ всего танца. При этомъ становится понятною разни́ца ощущеній въ цѣломъ, ихъ безконечно сложный составъ, ихъ раздѣленіе по классамъ, повидимому, несводимымъ другъ на друга. Маленькая разни́ца въ химическомъ сложеніи или въ строеніи клѣтки достаточна, чтобы измѣнить расположеніе и па танцоровъ, т. е. скорость ихъ движенія, форму его, продолжительность и сложность описываемыхъ ими линій; вмѣсто вальса напр. получится менуэтъ. Съ этой точки зрѣнія вполне также понятна память и воспроизведеніе представленій. Мы знаемъ, что чувствительные узлы на основаніи мозга, посредствомъ проэкціонныхъ волоконъ, соединяются съ высшею инстанціею или мозговою корою. Если одна клѣтка такого узла даетъ десять волоконъ въ мозговую кору и каждое изъ этихъ волоконъ, развѣтвляясь, связывается съ группою въ 100 клѣтокъ, то одна клѣтка чувствительнаго узла имѣетъ въ мозговой корѣ 1000 репетиторовъ и переданное отъ нея движеніе можетъ продолжаться въ 1000 клѣткахъ, постепенно удаляясь и ослабѣвая. Когда въ отдаленныхъ клѣткахъ этой группы движеніе еще продолжается, ближайшія клѣтки уже успокоились и способны воспринимать новое движеніе; не вполне-же затихшее движеніе, или движеніе, вполне затихшее, но оставившее послѣ себя измѣненіе молекулярнаго строенія, или, какъ выражается Тэнъ, — постоянное клише, изъ отдаленныхъ клѣтокъ можетъ распространиться на всю

группу снова, и тогда мы будемъ имѣть воспроизведенное представленіе, возникшее изъ слѣда, оставленнаго прежнимъ. Теперь понятно, для чего нужны миллиарды клѣтокъ мозговой коры и нѣсколько миллиардовъ волоконъ ея. Кромѣ проэкціонныхъ волоконъ есть, какъ мы сказали, волокна ассоціаціонныя, соединяющія клѣтки различныхъ мѣстъ мозговой коры между собою, также какъ клѣтки обоихъ полушарій. Благодаря этимъ волокнамъ, могутъ связываться молекулярныя возбужденія различныхъ родовъ. Память, такимъ образомъ, заключается въ томъ, что представленіе состоитъ въ движеніи, постепенно ослабѣвающимъ и переходящемъ въ отдаленныя клѣтки группы, гдѣ, затихая совершенно, оно оставляетъ клише, или измѣненіе въ строеніи, предрасполагающее новое движеніе идти по старому руслу. Оставаясь вдали отъ широкой дороги обычныхъ представленій, это воспоминаніе можетъ цѣлые годы оставаться скрытымъ, для того чтобы явиться въ активномъ и сознательномъ видѣ, если возродившееся движеніе, начавшееся съ отдаленныхъ клѣтокъ, постепенно распространяясь, перейдетъ на клѣтки перваго плана. Сѣрая кора мозга представляетъ 15—18 этажей. Ее можно сравнить, по примѣру Тэна, съ большею типографіею съ освѣщенными и шумными мастерскими и обширными, тихими и темными складами. Безчисленное количество литеръ, обрабатывающихся въ мастерскихъ и лежащихъ въ складахъ, принадлежатъ къ 35 буквамъ азбуки; въ нашемъ мозговомъ алфавитѣ можетъ быть не болѣе формъ, не болѣе 35 танцевальныхъ фигуръ, и только 5—6 типовъ клѣтокъ, нужныхъ для исполненія этихъ фигуръ. Въ типографіи работа двояка,—съ одной стороны, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній постоянно набираются слова и отсылаются въ склады, гдѣ переводятся на постоянныя клише,

и, съ другой стороны клише, изъ складовъ приносятся въ мастерскія, гдѣ и переводятся на подвижныя литеры и слова. Работа, производимая при свѣтѣ сознанія, состоитъ въ комбинированіи сложенныхъ новыхъ и переписанныхъ съ клише старыхъ словъ' (*Taine, Géographie et mécanique cérébrales*).

О самомъ сознаніи мы уже говорили. Но можно указать и на дальнѣйшее развитіе этого фундаментальнаго предмета. Хотя мы и сказали, что дѣятельность высшихъ мозговыхъ центровъ, — сѣрой коры полушарій, есть дѣятельность сознательная, но существуетъ основаніе думать, что бываютъ исключенія. Акты, совершающіеся несомнѣнно въ мозговой корѣ, могутъ быть безсознательны. Возьмемъ кольцо на тонкой нити и будемъ держать рукою конецъ нити, стараясь не качать кольцо. Если мы будемъ внутренно хотѣть, чтобы кольцо двигалось, то оно будетъ качаться и притомъ качаться по назначенному направленію, несмотря на то, что сознательно мы стараемся держать руку въ совершенномъ покоѣ. Это одинъ изъ примѣровъ *мыследвижительнаго дѣйствія* (Картентеръ). Спрашивается, — почему отдѣльный центральный актъ можетъ совершаться съ сознаніемъ и безъ него? На это старается дать отвѣтъ *А. Герценъ*. (*La loi physique de la conscience. Revue philosophique 1879. IV*). Работа нервной клѣтки неизбѣжно связана съ разложеніемъ нервнаго вещества, за которымъ должно слѣдовать его возобновленіе; видоизмѣненія во второмъ процессѣ соотвѣтствуютъ видоизмѣненіямъ перваго. Съ динамической точки зрѣнія, работа нервной клѣтки есть превращеніе скрытыхъ силъ въ силы дѣятельныя, а пополненіе потраченныхъ скрытыхъ силъ видоизмѣняется, смотря по видоизмѣненію траты. Такимъ образомъ, жизнь нерв-

ной клѣтки состоитъ въ процессахъ дезинтеграціи и слѣдующей за нею реинтеграціи. Реинтегрированный нервный элементъ никогда вполнѣ не тождественъ съ тѣмъ, что онъ былъ прежде, иначе былъ-бы непонятенъ фактъ умственного и душевнаго развитія. Герценъ утверждаетъ, что сознание всегда сопровождаетъ только дезинтеграцію нервныхъ клѣтокъ, но никогда не интеграціею или реинтеграціею и что степень сознанія прямо пропорціональна степени дезинтеграціи и обратно пропорціональна той легкости, съ какою возбужденіе одного клѣточного элемента сообщается другому элементу, чувствительному или двигательному. Днемъ въ нашемъ мозгѣ сильно преобладаетъ дезинтеграція надъ интеграціею, ночью — наоборотъ, и потому во время крѣпчайшаго сна, когда нервные элементы пополняютъ израсходованныя силы, нѣтъ мѣста сознанію. Когда читаетъ человѣкъ, очень привыкшій къ чтенію, ему вовсе нѣтъ надобности имѣть всякую минуту сознаніе о той фразѣ, которую онъ только что читаетъ, а тѣмъ болѣе о той, которую онъ только что прочелъ; это оттого, что послѣдняя быстро переходитъ изъ дезинтегративной фазы въ фазу реинтегративную. То же можно сказать о каждомъ словѣ, о каждой буквѣ читаемой страницы, а между тѣмъ эти слова, эти буквы должны быть восприняты; для мыслящаго человѣка и привычнаго читателя, при чрезвычайно сложной дезинтеграціи, сообщаемой съ чрезвычайною быстротою и легкостью отъ однихъ нервныхъ клѣтокъ къ другимъ, достаточно сознанія только фразъ или даже только смысла ихъ. Непрерывность сознанія обусловливается тѣмъ, что въ то время, когда одни нервные элементы переходятъ изъ дезинтегративной, сознательной фазы въ фазу реинтегративную, безсознательную, они успѣли уже возбудить дезинтеграцію въ другихъ элементахъ и т. д. По

этой теоріи, сознание есть субъективное выражение процесса нервной дезинтеграціи. Несвязанность съ сознаниемъ дѣятельности нисшихъ центровъ объясняется частью тѣмъ, что въ этихъ центрахъ процессъ дезинтеграціи не достигаетъ достаточной интенсивности, съ другой стороны тѣмъ, что при сравнительной простотѣ чисто рефлекторныхъ механизмовъ, первные элементы быстро и легко возбуждаютъ дезинтеграцію въ другихъ элементахъ, а сами сравнительно слишкомъ скоро приходятъ въ фазу реинтеграціи.

И такъ, чувствительность и сознание суть свойства центральныхъ нервныхъ клѣтокъ. Приписывать эти свойства всѣмъ клѣткамъ, составляющимъ организмъ, какъ дѣлаетъ это Гэккель (*Psychologie cellulaire*), утверждающій, что «каждая клѣтка имѣетъ душу», — мы находимъ слишкомъ смѣлымъ. Конечно, всякая клѣтка имѣетъ жизненность, а въ понятіи о жизненности всегда есть по крайней мѣрѣ тѣнь понятія о чувствительности. Но между клѣтками нервной и костною разниа весьма велика. Одноклѣточный организмъ, представляемый нисшимъ животнымъ, конечно, имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ способность чувствованія, но надѣлать этою способностью каждую кровяную, каждую эпителиальную клѣтку такого дифференцированнаго организма какъ нашъ, намъ кажется лишнимъ. Еще болѣе лишне приписывать «душу» органическимъ частицамъ, составляющимъ клѣтки, или пластидуламъ (*Haeckel, Perigenesis der Plastidulen*) и даже атомамъ. Мы не много выиграемъ, если вмѣсто атомныхъ силъ притяженія и отталкиванія будемъ говорить о чувствахъ симпатіи и антипатіи, общихъ всѣмъ атомамъ. Представлять всю матерію одушевленною и всѣ атомы одаренными чувствованіемъ и волею, какъ это дѣлаетъ Гэккель, въ сущности — чистѣйшій анимизмъ, откуда недалеко до представленія объ атомной душѣ,

какъ о части единой реальности—«міровой души,» что уже будетъ крайнимъ идеализмомъ. Кѣтъка можетъ ощущать, но элементы этого ощущенія, — движенія частичекъ ея протоплазмы, сами не суть ощущенія, подобно тому какъ кислородъ и водородъ сами по себѣ не вода, хотя и образуютъ воду при своемъ соединеніи.

Вообще наклонность одушевлять если не весь міръ, то, по крайней мѣрѣ, міръ органическій весьма замѣтна у современныхъ ученыхъ. Изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ также теорію Виньоли (*Vignoli, über das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche, 1879*). Жизнь на землѣ есть проявленіе одного общаго міроваго или космическаго принципа. Основные свойства психической дѣятельности, — ощущеніе, воля, умъ, — общи и животному, и растительному царствамъ, только въ растеніяхъ эти способности менѣе дифференцированы и развиты. Сущность души растений есть безсознательная воспримчивость. Ощущеніе-же животного является собственно воспримчивостью воспримчивости. Психическая дѣятельность есть ничто иное какъ результатъ связи органическаго міра съ вселенною, — связи, выражающей въ цѣлой системѣ движеній. Психическая дѣятельность животныхъ заключаетъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ разумъ, точно такъ же какъ безсознательная душа растений заключаетъ въ себѣ функцію ощущенія. Вообще эта теорія въ главныхъ чертахъ мало отличается отъ развиваемой въ настоящей статьѣ, съ тою только разницею, что мы не считаемъ міръ растений одушевленнымъ, не признаемъ, что можно говорить, кромѣ жизненной способности растений, объ ихъ психической способности.

Мы представили краткій обзоръ психологическихъ воззрѣній, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ. Если мы

не говорили о всѣхъ представителяхъ современной психологической науки, то указали, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ и наиболѣе оригинальныхъ, и въ изложеніи, въ разныхъ мѣстахъ, ихъ мнѣній дали почти полную систему основныхъ психологическихъ понятій. Изъ этого очерка видно, что время дуалистической психологіи прошло и, вѣроятно, безвозвратно. Современная наука имѣетъ характеръ *монистическій*, будутъ-ли конечные выводы ея идеалистичны или реалистичны. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду того метафизическаго идеализма, который выражается въ болѣе или менѣе курьезныхъ системахъ философіи, отыскивающихъ единый абсолютъ, изъ котораго будто-бы происходитъ все сущее; мы говоримъ только о томъ идеализмѣ, къ которому приводитъ критика познанія и на принципахъ котораго останавливаются многіе, если не большинство изъ современныхъ свѣтилъ фізіологической и психологической наукъ. Такъ, *Рокитанскій* говоритъ, что именно атомистическая теорія составляетъ опору идеализма. «Какъ матерія вообще, такъ и составляющіе ее атомы суть ничто иное какъ явленіе или представленіе, и какъ относительно матеріи, такъ и относительно атомовъ можно спросить, — что они такое сами по себѣ, независимо отъ представленія, что отъ вѣчности выражается ими» (*Rokitansky, Der selbstständige Werth des Wissens. 1869*). *Мейнертзъ*, больше чѣмъ кто-нибудь другой потрудившійся надъ изученіемъ микроскопическаго строенія мозга и хода проводящихъ путей въ немъ, замѣчаетъ, что пространство и время не имѣютъ ни какой объективности. Время есть мысль, говоритъ онъ словами Вундта (*Die Menschen-und Thierseele*), пространство есть также продуктъ ума (*Zur Mechanik des Gehirnbaues 1874.*). *Ланге*, одинъ изъ немногихъ людей, совмѣстившій въ своемъ умѣ всѣ отра-

сли знанія, говорить, что чувствованіе и мышленіе могутъ быть сведены къ физическому механизму, но наши представленія о матеріи и ея движенія будутъ только результатомъ нашей умственной организаціи, и за нашимъ психическимъ механизмомъ, точно такъ же какъ за всякимъ другимъ представленнымъ механизмомъ, скрывается неизвѣстная и непостижимая вещь сама въ себѣ (*Lange, Geschichte des Materialismus. 1875*). Миръ доступенъ намъ только черезъ чувства, а чувства, какъ говоритъ *Гельмольцъ*, не даютъ намъ ни самыхъ вещей, ни даже вѣрныхъ образовъ ихъ, а только отношенія этихъ вещей къ намъ. *Гэккель*, какъ мы видѣли, приписываетъ атомамъ душу и, такимъ образомъ, одухотворяетъ всю природу. *Спенсеръ* говоритъ: «мы можемъ мыслить о матеріи только въ терминахъ духа, мы можемъ мыслить о духѣ только въ терминахъ матеріи». Въ концѣ концовъ мы должны придти къ «непостижимому». «Оба фактора сознанія: объективный и субъективный неизвѣстны по природѣ и познаваемы только въ ихъ феноменальныхъ обнаруженіяхъ».

Но что такое въ самомъ дѣлѣ «вещь сама въ себѣ» или абсолютъ? — Это — ничто иное какъ продуктъ ума или точнѣе — чистая фикція. Естественно, что знаніе вещи, лишенной всякаго отношенія къ чему-либо, немислимо, иначе пришлось бы мыслить не въ терминахъ мышленія. Строго говоря, существованіе вещи, отвлеченной отъ всѣхъ отношеній, вовсе не доказано, еще менѣе доказано, что эта вещь есть единая абсолютная реальность. И идеалисты допускаютъ познаваемость чувствованія по существу. Но въ данныхъ чувствованія мы можемъ истолковать всю вселенную, потому что чувствованіе и есть источникъ всякаго познанія. Нашему понятію объ абстракт-

• номъ бытіи, говоритъ *Льюисъ* (Problems of life and mind), соотвѣтствуетъ понятіе о существованіи, данномъ во всевозможныхъ отношеніяхъ къ чувствованію, и для насъ совершенно довольно познаваемости вещей въ чувствованіи. «Если абсолютное есть сумма всѣхъ вещей, то намъ, очевидно, познаваемо и оно какъ въ конкретяхъ, такъ и въ отвлеченіяхъ отъ послѣднихъ». «Всѣхъ возможностей реальности мы, конечно, не исчерпаемъ, но отъ этого наше знаніе не менѣе достовѣрно и абсолютно. Истина не дѣлается менѣе достовѣрною отъ того, что со временемъ будутъ найдены другія истины, заключающія ее въ себѣ какъ частность». По *Вундту*, идеалистическій реализмъ, признавая вполнѣ первенство внутренняго опыта и считая опытъ внѣшній только областью послѣдняго, предполагаетъ объективное бытіе, безъ котораго никогда не могли-бы возникнуть въ насъ представленія и понятія. Душа есть внутреннее бытіе той единицы, которая при внѣшнемъ разсматриваніи считается тѣломъ. «Всеобъемлющее бытіе, говоритъ *Дюрингъ*, самый послѣдовательный изъ философовъ-реалистовъ (Cursus der Philosophie. 1875), едино, и въ своей самодостаточности не имѣетъ ничего ни надъ собою, ни подлѣ себя». «Единство бытія параллельно единству сознанія. Такимъ образомъ возникаетъ цѣлостное понятіе о мірѣ и вселенная становится объединеніемъ всего сущаго въ единство». Тѣмъ не менѣе «космосъ самъ по себѣ еще не предполагаетъ бытія ощущающихъ существъ». «Причины, благодаря которымъ зажигается свѣточъ сознанія, совершенно не выяснены, но онѣ должны быть представляемы нами какъ часть міровой механики». «Мостъ матеріальности и механизма есть единственный критерій дѣйствительной причинности и всякій другой посредствующій факторъ будетъ произвольной сказкой нераціональной фантасти-

ки». «Индивидуальный принцип внутренних возбуждений и явлений сознания, по своему существу, есть дѣйствіе (Action), и потому нѣчто преходящее. Онъ составляетъ противоположность всякой субстанціальности, и нельзя сильнѣе промахнуться въ воззрѣніи на него, какъ, обманувшись постоянствомъ его дѣятельности, въ дѣйствительности только относительнымъ и эфемернымъ, создавать изъ него не только вещь въ самой себѣ, но даже реальность, аналогическую матеріи». «Ощущеніе есть событіе, не только заключающее въ себѣ новый міръ, но въ которомъ объективное бытіе находитъ завершеніе своего значенія. Ощущеніе есть нѣчто всеобщее и универсальное, по существу всегда одинаковое, развивающееся и долженствующее развиваться вездѣ, гдѣ поле для этого приготовлено комбинаціею другихъ силъ природы». «Ощущеніе есть космическое явленіе и по всей вселенной должно представлять одиѣ и тѣ же основныя формы и одни и тѣ же элементы, хотя въ разныхъ сочетаніяхъ». «Оно заключаетъ въ себѣ истину, и элементы ощущенія суть реальность; оно представляетъ во всякомъ случаѣ дѣйствительныя отношенія». «Ощущеніе, будучи ощущеніемъ, въ тоже время есть выраженіе объективныхъ и реальныхъ отношеній, въ истинности котораго ничего не мѣняется, отъ того что ближайшее и непосредственнѣйшее отношеніе ощущенія имѣетъ предметомъ индивидуальный организмъ и его состоянія» (Дюрингъ).—Такимъ образомъ, все ощущаемое существуетъ точно такъ, какъ мы его ощущаемъ (Льюисъ). Мы видѣли, что вся психическая дѣятельность можетъ быть сведена на механизмъ, т. е. объяснена въ томъ-же родѣ, какъ мы объясняемъ весь міръ. Конечно, Ланге правъ, говоря, что механизмъ — не болѣе какъ представленіе, но какое мы имѣемъ право предполагать, что реальность

независимо отъ ощущенія должна быть другою, чѣмъ въ нашемъ ощущеніи, если ощущеніе признается частью этой реальности?

Нервно-психическій контагіи и душевныя епидеміи.

I.

Болѣзни, поражающія сразу множество людей, называются *пональными* или *эпидемическими* болѣзнями. Онѣ происходят или отъ заразы (міазмы), развивающейся внѣ человѣческаго организма, какъ напр. перемѣжающаяся лихорадка, или же отъ заразы, воспроизводящейся въ самомъ организмѣ и передающейся отъ одного человѣка къ другому, какъ напр. оспа. Въ этомъ состоитъ разница между міазматическими и собственно заразительными, *контагіозными* болѣзнями. — Не однѣ только тѣлесныя болѣзни способны къ эпидемическому распространенію; *болѣзни души*, психическія разстройства также перѣдко принимаютъ эпидемическій характеръ. Исторія человѣчества, исторія обществъ представляетъ намъ длинный, можно даже сказать, — непрерывный рядъ примѣровъ, въ которыхъ извѣстныя побужденія и стремленія, извѣстныя чувства и идеи охватываютъ сразу массу людей и обуславливаютъ, независимо отъ воли отдѣльных индивидуумовъ, тотъ или другой рядъ одинаковыхъ дѣйствій. При этомъ двигающая идея, сама по себѣ, можетъ быть высокою или нелѣпою, чувство и стремленіе могутъ не выходить изъ границъ фізіологическихъ, но могутъ быть также необычайными и аномальными, совершенно измѣняющими прежній нравственный и умст-

венный характеръ людей. Къ такимъ примѣрамъ моральнаго и интеллектуальнаго движенія массъ, порою принимающаго форму рѣзкаго душевнаго разстройства, мы совершенно вправѣ приложить названіе «*душевные эпидеміи*». Аналогія съ тѣлесными эпидеміями здѣсь полная. Подобно контагію оспы или сыпнаго тифа, душевная зараза отъ одного человѣка передается къ другому, къ третьему, воспроизводится здѣсь и изъ этихъ вторичныхъ фокусовъ зараженія распространяется съ новою силою далѣе, захватывая все болѣшую и болѣшую массу людей, до тѣхъ поръ, пока будетъ находить благопріятную для себя почву. Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысячъ жертвъ и опустошали цѣлыя страны. Душевные эпидеміи не менѣе губительны. Проходитъ время повальнаго душевнаго разстройства, время коллективнаго увлеченія или страсти, — и вернувшіеся къ разсудку люди обыкновенно сами не могутъ понять своихъ прошлыхъ ошибокъ....

Характеръ душевныхъ эпидемій, ихъ степень распространенности и отдѣльныя явленія, ими представляемые, — весьма разнообразны. Примѣры историческихъ душевныхъ эпидемій будутъ приведены впослѣдствіи, теперь же мы только бросимъ бѣглый взглядъ на этого рода факты.

Бываютъ эпохи воинственнаго энтузіазма, когда сотни тысячъ человѣческихъ жизней приносится въ жертву изъ-за вопроса о ничтожномъ клочкѣ земли или для удовлетворенія честолюбія одной личности. — Или люди, исповѣдующіе религію мира и любви, изъ-за какого-нибудь религіознаго несогласія, раздѣляются на враждебныя партіи, изъ которыхъ каждая старается истреблять другую безъ сожалѣнія и пощады. — Бываютъ эпохи все-

общей деморализаціи, когда нравственное чувство повидимому исчезаетъ, прежніе боги остаются за штатомъ и животный эгоизмъ человѣка единственную цѣль жизни видитъ въ грубыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ. — То возникаетъ ученіе, неимѣющее ничего общаго со здоровымъ смысломъ, но тѣмъ не менѣе находящее миллионы фанатическихъ приверженцевъ; въ примѣръ можно указать на современное намъ распространіе спиритическаго ученія. — Бываютъ времена, когда люди, подъ вліяніемъ внезапно пробудившейся лихорадочной жажды дѣятельности, оставляютъ родину и цѣлыми массами идутъ отыскивать обѣтованную землю съ ея рѣками, текущими медомъ и млекою. — То — множествомъ людей овладѣваетъ увѣренность, что они находятся въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ, при помощи котораго они имѣютъ власть повелѣвать стихіями и возможность вредить другимъ людямъ, и ни жесточайшія пытки, ни перспектива мучительнѣйшей казни не въ состояніи подорвать этой увѣренности. — Иногда люди тысячами впадаютъ въ болѣзненное состояніе экстаза и, собираясь большими толпами, какъ бы одержимые демонами, начинаютъ дикую пляску, ломаясь самымъ невозможнымъ образомъ, совершая невѣроятнѣйшіе скачки, до тѣхъ поръ, пока не упадутъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи.....

Подобнаго рода факты обыкновенно только тогда причисляются къ области душевной патологіи, когда душевное разстройство является въ слишкомъ рѣзкой формѣ, когда двигающая идея или чувство слишкомъ нелѣпы, слишкомъ далеки отъ нормы, или когда психическое разстройство сопровождается рѣзкими тѣлесными симптомами. Но степени душевнаго разстройства безчисленны и строго разграничить явленія патологическія и физиологическія — невозможно. Замѣтимъ, что мы употребляемъ

терминъ «душевное разстройство» вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляютъ выраженіе «сумасшествіе». Всякое нарушеніе гармоніи въ душевной сферѣ, всякій случай непомѣрной дѣятельности однихъ сторонъ психической жизни въ ущербъ другимъ — можетъ быть названъ душевнымъ разстройствомъ. Потому-то—въ дѣйствительности, ни для отдѣльнаго индивидуума, ни для цѣлаго общества, не существуетъ рѣзкой границы между нормальнымъ и болѣзненнымъ душевнымъ состояніемъ. Мы надѣемся показать, что корень душевныхъ эпидемій заключается въ самой психической организаціи человѣка и что обыденныя проявленія нервнопсихическаго контагія и поражающіе примѣры средне-вѣковой демономаніи или маніи плясокъ связаны цѣпью посредствующихъ градацій.

При разсмотрѣніи фактовъ нервно-психической заразительности, естественно, является такого рода вопросъ. Человѣкъ есть существо, одаренное разумомъ и свободою волею; какъ же согласить это съ фактами слѣпаго неразумія массъ, когда тысячи людей бросаются по одному и тому же пути, часто ведущему къ гибели, не разсуждая, не думая, какъ будто увлекаемыя какою-то роковою силою?

Конечно, человѣкъ одаренъ и разумомъ и волею. Но разумъ и воля не суть какія-либо особыя и постоянныя силы или сущности, а просто — извѣстныя *формы* душевной жизни. Психическая дѣятельность можетъ совершаться и дѣйствительно совершается въ значительнѣйшей мѣрѣ — *они* этихъ формъ.

Область воли есть область дѣйствія. Только въ дѣйствіяхъ, въ поступкахъ человѣка проявляется его свободная воля, «свободная» — въ томъ смыслѣ, что человѣкъ сознаетъ въ себѣ возможность выбора того или другаго

рода дѣйствій. Воля, поэтому, тѣсно связана съ разсудкомъ и всякій актъ воли, въ тѣсномъ смыслѣ, необходимо предполагаетъ разсужденіе или размышленіе.

Но огромный рядъ движеній и дѣйствій человѣка совершается не только безъ участія воли, но даже безсознательно. И при сознательныхъ дѣйствіяхъ воля въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. размышленіе, сознательный выборъ того или другаго дѣйствія), очень часто вовсе не участвуетъ. Такъ, человѣкъ, всецѣло поработанный страстью, дѣйствуетъ не только независимо отъ своей воли, но иногда даже наперекоръ ей.

Непроизвольные психическіе акты, какъ сознательные, такъ и безсознательные, даютъ намъ ключъ къ пониманію явленій нервнопсихической контагіозности. Мы должны остановиться на разсмотрѣніи этихъ актовъ, потому что они играютъ первую роль въ душевныхъ эпидеміяхъ, а также и потому что самый фактъ нервно-психической заразительности нельзя понять безъ знанія нѣкоторыхъ психологическихъ данныхъ.

Простѣйшій видъ безсознательнаго, а слѣдовательно, и непроизвольнаго движенія представляетъ обыкновенный спинно-мозговой *рефлексъ*, т. е. мышечное сокращеніе, непосредственно обусловленное внѣшнимъ раздраженіемъ. Если щипнуть лапку у лягушки, у которой предварительно отрѣзана голова, то лягушка отдергиваетъ лапку; это происходитъ не потому, чтобы лягушкѣ было больно, — при отсутствіи головного мозга не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо ощущеніи, — но въ силу того основнаго принципа нервнаго механизма, что раздраженіе чувствующаго нерва, черезъ посредство центральныхъ нервныхъ клѣтокъ, непременно отразится на соотвѣтствующемъ двигательномъ нервѣ и обусловитъ такъ называе-

мое *рефлективное* (отраженное) *движеніе*. Рефлективный акт спиннаго мозга не только произволенъ, но можетъ даже быть безсознательнымъ. Воля и сознаніе составляютъ дѣятельность высшихъ центровъ головнаго мозга, спинно-мозговой же рефлексъ въ наиболѣе чистой формѣ происходитъ у обезглавленнаго животнаго.

Дѣятельность спиннаго мозга не органичивается такими простыми рефlekсами. Спинной мозгъ есть также центръ многихъ сложныхъ, такъ-называемыхъ *координированныхъ* движеній. Если мы возьмемъ обезглавленную лягушку и помажемъ нижнюю часть ея задней лапки кислотою, то лягушка сгибаетъ ногу такъ, чтобы вытереть лапку о верхнюю часть ноги; если этотъ маневръ ей не удастся, то она стираетъ кислоту лапкою другой ноги. Здѣсь лягушка произвольно и безсознательно производитъ движеніе, повидимому, вполне имѣющее характеръ цѣлесообразности. Новорожденный анэнцефалическій (т. е. лишенный головнаго мозга) уродъ, можетъ не только двигать руками и ногами, но способенъ также кричать и сосать. Сосаніе же есть движеніе сложное, гдѣ нужно привести въ дѣйствіе цѣлый рядъ мышцъ и притомъ въ извѣстномъ порядкѣ и съ извѣстною силою. Видимая цѣлесообразность движеній въ томъ и другомъ случаѣ объясняется довольно просто. Ребенокъ уже рождается со спиннымъ мозгомъ, въ которомъ отдѣльные движенія акта сосанія или кричанія «сочетаны» между собою въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, такъ что безъ всякаго участія сознанія и воли, единственно подъ вліяніемъ чувственнаго раздраженія, происходитъ весь этотъ рядъ сочетанныхъ движеній съ механическою правильностью. Точно также и въ раньше приведенномъ примѣрѣ обезглавленной лягушки — повидимому цѣлесообразное движеніе происходитъ только потому, что отдѣль-

ныя движенія, изъ которыхъ состоитъ этотъ сложный двигательный актъ, были уже раньше координированы въ спинномъ мозгѣ лягушки, вслѣдствіе чего подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія и можетъ совершиться сложный (координированный) двигательный актъ.

Далѣе, — есть цѣлый рядъ сложныхъ движеній, которыми должно научиться съ большимъ трудомъ при полномъ сознаніи и усиліяхъ воли. Но когда человѣкъ научился этимъ движеніямъ, онъ можетъ выполнять ихъ машинально, безъ всякаго участія сознанія и воли. Возьмемъ, напр. актъ ходьбы; это — сложное движеніе, въ которомъ участвуетъ множество мышцъ; при этомъ мышцы эти должны быть приведены въ дѣйствіе въ извѣстномъ порядкѣ и съ опредѣленною силою. Ребенокъ, имѣющій достаточно силы въ мышцахъ, при всѣхъ усиліяхъ воли не будетъ въ состояніи ходить, до тѣхъ поръ, пока не пріучитъ свой спинной мозгъ управлять мышцами именно такимъ образомъ, какъ это нужно для хожденія. Когда же спинной мозгъ приспособится къ выполнению координированныхъ движеній акта ходьбы, то этотъ актъ начинаетъ совершаться съ механическою правильностью. Все участіе головного мозга съ его сознаніемъ ограничивается только тѣмъ, что головной мозгъ отдаетъ спинному предписаніе, чтобы движеніе *было* произведено; самое же выполненіе этого сложнаго двигательнаго акта принадлежитъ всецѣло спинному мозгу. Но иногда спинной мозгъ, не дожидаясь предписанія свыше, начинаетъ дѣйствовать по собственной инициативѣ и тогда координированное движеніе произойдетъ не только непроизвольно, но и безсознательно. Такъ, лунатики и извѣстнаго рода эпилептики (при такъ-называемомъ *petit mal*), при отсутствіи сознанія могутъ ходить или совершать привычную механическую работу. Такого рода движенія и дѣй-

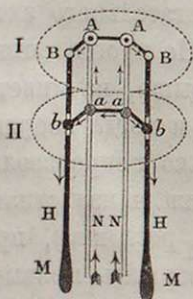
ствія, не требующія необходимо участія сознанія и воли, называются *автоматическими*, потому что при этомъ человѣкъ двигается подобно заведенному автомату.

Въ актѣ ходьбы мы имѣемъ примѣръ сложнаго автоматическаго движенія, зависящаго отъ спиннаго мозга. Мы сейчасъ увидимъ, что и дѣятельность головного мозга значительнѣйшею частью тоже автоматична.

Въ головномъ мозгѣ анатомически и фізіологически отдѣлены двѣ инстанціи. Высшей инстанціи, представляемой корковымъ веществомъ большихъ мозговыхъ полушарій, принадлежатъ высшія душевныя отправления — сознательное ощущеніе и мышленіе, чувство, воля. Нисшая инстанція — узлы на основаніи большого мозга и частью въ продолговатомъ мозгѣ — заключаетъ въ себѣ центры органовъ чувствъ, съ соотвѣтствующими имъ двигательными центрами. И тутъ, какъ и вездѣ, высшее вѣдомство не всегда причастно къ дѣятельности вѣдомства нисшаго. Ощущеніе, составляющее спеціальность второй инстанціи, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ *сознательнымъ* — должно поступить въ высшую инстанцію. Но вмѣсто того, чтобы идти въ сознаніе, оно можетъ прямо рефлексировать на соотвѣтственный двигательный центръ

и обусловить движеніе (въ данномъ случаѣ — непроизвольное и безсознательное). Ощущеніе можетъ также частью идти въ сознаніе, частью же отразиться на соотвѣтственный двигательный центръ, при чемъ получится такимъ образомъ, въ одно и тоже время, сознательное ощущеніе и непроизвольная двигательная реакція. Наглядно это можно изобразить въ приложенной графической схемѣ. (Пунктирными ли-

Фиг. 1.

ніями раздѣлены двѣ инстанціи головного мозга — I и II; aa представляютъ чувствительные центры, центры ощущенія, bb соотвѣтствующіе имъ двигательные центры; AA центры сознанія, BB двигательныя клѣтки мозговой коры; NN чувствующие нервы, HH — нервы двигательные; MM мышцы).

Какъ примѣръ головного рефлекса можно привести — непроизвольное закрываніе вѣкъ при механическомъ раздраженіи слизистой оболочки глаза; тутъ мы имѣемъ и сознательное ощущеніе и непроизвольное движеніе. Другой примѣръ — крикъ, вызываемый чрезмѣрною болью.

Кромѣ простыхъ чувствительно-двигательныхъ движеній, какъ въ только-что приведенныхъ примѣрахъ, бываютъ очень сложныя координированныя движенія, которыя не только не зависятъ отъ разсудка, но могутъ даже происходить безсознательно. Такъ-называемыя *инстинктивныя* дѣйствія животныхъ принадлежатъ къ категоріи прирожденныхъ автоматическихъ актовъ. Ласточка и въ первый разъ вѣсть свое гнѣздо такъ же искусно, какъ и въ пятый. Бобръ устраиваетъ себѣ хижину и защищаетъ ее плотиною, не проходивши курса строительнаго искусства. Пчела, не обучавшись геометріи, дѣлаетъ свои ячейки математически правильными. У человѣка сложныя автоматическіе акты большею частію приобрѣтаются опытомъ, привычкою. Отъ воли они зависятъ только въ томъ смыслѣ, что она можетъ давать имъ первый толчекъ, самое же выполненіе ихъ всецѣло зависитъ отъ автоматическихъ чувствительно-двигательныхъ механизмовъ мозга. Иногда же эти сложныя движенія съ неменьшею правильностью происходятъ совершенно безсознательно и, слѣдовательно, невольно. Въ этихъ случаяхъ высшая мозговая инстанція (т. е. чувствительно-двигательные внѣкорковые центры) дѣйствуетъ по собственной ини-

ціативѣ, безъ всякаго приказа свыше, единственно подѣ влияніемъ впечатлѣній, полученныхъ извнѣ.

Приобрѣтенныя автоматическія движенія и дѣйствія въ обыденной жизни совершаются на каждомъ шагѣ. Возьмемъ для примѣра чтеніе вслухъ. При взглядѣ на написанное или напечатанное слово, мы произносимъ его, для чего нужно произвести рядъ координированныхъ движеній различными мышцами губъ, языка, мягкаго неба, гортани. Разсудокъ и воля здѣсь не двигаютъ сознательнотѣми или другими мышцами въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ. Неграмотный человѣкъ при всѣхъ усиліяхъ воли не прочтетъ ни одного слова. При умѣнн же читать можно читать вслухъ даже безсознательно. Всякій, конечно, знаетъ, что если при чтеніи вслухъ умъ всецѣло занятъ постороннею мыслію, то чтеніе происходитъ чисто механически, машинально, такъ что при сознательномъ перечитываніи тотъ же самый отрывокъ кажется совершенно новымъ. Когда человѣкъ, погруженный въ глубокое размышленіе, расхаживаетъ по комнатѣ, обстановка которой ему хорошо знакома, то онъ не сознаетъ ни своихъ движеній, ни окружающихъ предметовъ; а между тѣмъ онъ не спотыкается и не натывается на стѣны или на мебель; но поставьте тихонько на дорогѣ его стулъ, онъ будетъ задѣвать за этотъ стулъ до тѣхъ поръ, пока ощущеніе присутствія стула не ассоціируется съ движеніемъ сворачиванія въ сторону отъ этого предмета. Писаніе, танцы, игра на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ — тоже представляютъ примѣры автоматическихъ, чувствительно-двигательныхъ актовъ. Говорить можно какъ въ сознательномъ, такъ и въ полусознательномъ или совершенно безсознательномъ состояніи. «Разговоръ на какомъ-нибудь хорошо знакомомъ языкѣ, говоритъ Модслей, не смотря на всю

трудность изученія его, пріобрѣтаетъ легкость рефлектornaго акта и нѣкоторые быстро и много говорятъ, сами не зная что». Важность для обыденной жизни пріобрѣтенныхъ автоматическихъ дѣйствій очевидна. Если бы при всякомъ рядѣ движеній было необходимо активное участіе сознанія и воли, то тогда человѣкъ въ цѣлый день успѣвалъ бы развѣ только одѣться да раздѣться, такъ какъ процессъ застегиванія одной пуговицы потребовалъ бы много времени и труда.

Патологическое состояніе *сомнамбулизма* представляетъ поразительные примѣры весьма сложныхъ автоматическихъ дѣйствій, которыя на первый взглядъ ничѣмъ почти не отличаются отъ дѣйствій сознательныхъ и произвольныхъ. *Сомнамбулистами* или *лунатиками* называются люди, которые, находясь въ состояніи, подобномъ сну, совершаютъ разнаго рода движенія и дѣйствія, часто чрезвычайно сложные, съ удивительною ловкостью, но безсознательно; проснувшись, они обыкновенно и не подозрѣваютъ о своихъ поведеніяхъ. Лунатики не только ходятъ, говорятъ, пишутъ, вообще дѣлаютъ все то, что они привыкли дѣлать въ нормальномъ состояніи, но часто совершаютъ даже такіа дѣйствія, какія они въ нормальномъ состояніи, т. е. при помощи ума и сознательной воли, никоимъ образомъ не могли бы выполнить. Человѣкъ, никогда не обучавшійся искусству акробата, въ состояніи сомнамбулизма можетъ ходить по канату не хуже Блондена. Не отличаясь въ нормальномъ состояніи краснорѣчіемъ, лунатикъ во время припадка иногда произноситъ длинныя рѣчи совершенно легко и свободно или же хорошо выражается на языкѣ, которымъ обыкновенно онъ владѣлъ съ большимъ трудомъ.

Какъ понять сомнамбулическое состояніе? Подробно

распространяться объ этомъ предметѣ не позволяетъ объемъ нашей статьи и потому мы скажемъ въ объясненіе только нѣсколько словъ. Въ дѣйствіяхъ лунатика мы имѣемъ рядъ координированныхъ движеній, выполняемыхъ чувствительно-двигательными автоматическими механизмами, въ то время, когда высшіе мозговые центры, центры сознанія и воли, не дѣйствуютъ, спятъ. Координированное движеніе здѣсь непосредственно вызывается внѣшнимъ раздраженіемъ, подѣйствовавшимъ на находящіеся въ болѣзненно возбужденномъ состояніи чувствительно-двигательные центры. Поэтому можно сказать, что лунатикъ видитъ и слышитъ, хотя онъ и не сознаетъ, что онъ видитъ и слышитъ. Мы увидимъ потомъ, что бываютъ бессознательныя мысли или идеи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнамбулизма первымъ толчкомъ для автоматическаго дѣйствія бываетъ бессознательная мысль. Наконецъ, иногда лунатики дѣйствуютъ не вполнѣ бессознательно и по пробужденіи сохраняютъ нѣкоторое воспоминаніе о томъ, что они дѣлали во время припадка; здѣсь умственное состояніе лунатика близко подходитъ къ состоянію экстаза, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Вотъ нѣсколько примѣровъ естественнаго сомнамбулизма.

Легранъ (du Saulle) говоритъ объ одномъ лунатикѣ, который вставалъ съ постели и ходилъ по комнатѣ съ неподвижнымъ взглядомъ, не видя находившихся въ той же комнатѣ наблюдателей; онъ не задѣвалъ ни за одинъ предметъ въ комнатѣ, но если мебель была передвинута на необычное мѣсто, то онъ натыкался на нее и тогда обыкновенно просыпался.—Въ одномъ католическомъ монастырѣ, рассказываетъ тотъ же авторъ, монахъ, одержимый сомнамбулизмомъ, при наступленіи припадка,

беретъ ножъ и отправляется въ келью настоятеля. Послѣдній еще не успѣлъ лечь въ постель. Лунатикъ подходитъ къ кровати и нѣсколько разъ вонзаетъ ножъ въ постель, полагая, что онъ убиваетъ пріора и не видя, что предметъ его умысла стоитъ въ сторонѣ и наблюдаетъ за нимъ; совершивши предполагаемое убійство, монахъ, съ видомъ удовольствіенія, возвращается въ свою келью и укладывается въ постель.—Бріерръ де-Буамонъ упоминаетъ, между прочимъ, о нѣкомъ Кастелли, лунатикѣ, котораго пріатели застали ночью въ припадкѣ сомнамбулизма, причемъ онъ дѣлалъ переводъ съ итальянскаго языка на французскій, отыскивая слова въ лексиконѣ. Пріатели погасили свѣчу, горѣвшую у него на столѣ. Тогда лунатикъ взялъ свѣчу и пошелъ въ кухню зажечь ее, не смотря на то, что въ его комнатѣ оставались зажженными нѣсколько другихъ свѣчей.—У Бертрана находимъ такого рода случаи. Одинъ лунатикъ, принимая бутылку за зажженную свѣчку, работалъ въ потьмахъ; если же въ комнату его проскальзывалъ слабый свѣтъ, напр. луны, то онъ жаловался, что «солнце» ослѣпляетъ его. Въ другомъ случаѣ, — семинаристъ, вставши ночью въ припадкѣ сомнамбулизма, принимался писать проповѣдь; если при этомъ наблюдавшее за нимъ лицо закрывало его рукопись листомъ бумаги, то онъ продолжалъ, хотя бы съ полуслова, писать на новомъ листѣ, не останавливаясь. Докторъ Гейкокъ, жившій во время Іакова I, въ состояніи сомнамбулизма говорилъ прекрасныя проповѣди и свободно выражался по гречески и по еврейски, хотя въ нормальномъ состояніи зналъ эти языки довольно плохо. Ниже мы увидимъ, какъ объясняется проявленіе способностей, которыхъ у даннаго лица обыкновенно не замѣчалось.

До сихъ поръ мы говорили о высшей мозговой инстанціи. Высшее мозговое вѣдомство, т. е. корковое вещество большихъ полушарій мозга, тоже не совѣмъ лишено автоматическаго характера. *Все, что не есть сознательная мысль, сознательный импульсъ воли, — есть автоматическій или рефлекторный актъ.* Мы говоримъ «сознательная» мысль, потому что есть мысли *безсознательныя*. Область безсознательной душевной дѣятельности весьма обширна. Заготовленные умственнымъ опытомъ образы (представленія) и идеи, здѣсь находятся въ *статическомъ*, скрытомъ состояніи, какъ бы хранятся въ складѣ, откуда и пускаются въ оборотъ, когда придетъ ихъ чередъ. Это сохраненіе въ мозгѣ въ скрытомъ состояніи образовъ и идей, это удерживаніе въ мозгѣ слѣдовъ разъ полученныхъ впечатлѣній составляютъ ту способность, которая называется *памятью*. Самостоятельное возобновленіе образовъ и идей въ сознаніи будетъ *воспоминаніемъ*. *Воображеніе* есть способность воспоминанія образовъ, которые, возражаясь, комбинируются между собою въ безконечномъ разнообразіи. Одни изъ разъ полученныхъ впечатлѣній возражаются въ сознаніи очень часто, другія же такъ мимолетны, такъ полно «позабыты», что, повидимому, слѣдъ ихъ въ мозгѣ совершенно сглаживается. Однако при извѣстныхъ, большею частію патологическихъ условіяхъ и эти мимолетныя или «позабытыя» впечатлѣнія возрождаются и образы далекаго прошлаго поднимаются съ удивительною ясностью.

И такъ, статическая мысль безсознательна; но и освободившаяся изъ кладовой безсознательной души мысль, т. е. мысль *активная* не всегда бываетъ сознательною; для того, чтобы войти въ сознаніе, мысль должна имѣть извѣстную степень напряженности. Такъ, за одною мыслию, возникшею въ сознаніи, часто является другая, по-

видимому, не имѣющая съ первою никакой связи; въ дѣйствительности, при этомъ могъ быть возбужденъ цѣлый рядъ посредствующихъ мыслей, которые однако все остались внѣ области сознанія. Всякій знаетъ, что въ мысляхъ своихъ мы не властны; безъ нашей воли, часто даже наперекоръ ей, онѣ возникаютъ одна за другую изъ области безсознательной души, по извѣстнымъ законамъ ассоціаціи идей. *Размышленіе* произойдетъ тогда, когда сознательная мысль, представляющая дѣятельность одной изъ безчисленныхъ клѣтокъ сѣраго вещества мозга, возбудитъ дѣятельность другой, третьей и т. д. клѣтки, и притомъ дѣятельность извѣстной напряженности, потому что только при такомъ условіи мысль будетъ цѣликомъ сознательная.

Но сдѣлавшись активной, мысль, какъ сознательная, такъ и безсознательная, вмѣсто того, чтобы, идя по клѣткамъ сѣраго вещества, возбуждать другія мысли, — можетъ прямо проявиться наружу въ движеніи или дѣйствіи, которое такимъ образомъ совершится безъ участія воли, а иногда даже противъ ея усилій. Такъ, внезапно явившаяся идея смѣшнаго вызываетъ невольный смѣхъ, идея обиды обуславливаетъ невольное движеніе гнѣва. Такія движенія и дѣйствія можно назвать *мыследвигательными*; будутъ ли они сознательны или безсознательны, они всегда произвольны. Большинство нашихъ ежедневныхъ дѣйствій, если они не чувствительно-двигательные акты, суть дѣйствія мыследвигательныя.

Что *чувство* не всегда согласуется съ разсудкомъ, съ сознательною волею, — это ходячая истина. Поступки человѣка въ гораздо большей мѣрѣ зависятъ отъ склонностей и желаній его, чѣмъ отъ сознательныхъ усилій воли. Склонность, возникающая изъ органическихъ потребностей, всецѣло относится къ сферѣ безсознатель-

ной души; желаніе же есть ничто иное какъ сознательная склонность. Еще Спиноза сказалъ, — что мы желаемъ чего-либо или имѣемъ къ чему-либо склонность вовсе не потому, что считаемъ предметъ желаній хорошимъ, а наоборотъ, — именно то считаемъ хорошимъ, къ чему чувствуемъ склонность или желаніе. Всякое чувство или страсть стремится непосредственно выразиться въ дѣйствіи и только люди съ сильнымъ характеромъ могутъ энергическими усиліями воли подавить внѣшнія проявленія страсти, да и то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Повѣрь, что умъ со страстью несовмѣстенъ,
А если и совмѣстенъ, то лишь развѣ
Въ однихъ богахъ..

говорить Крессида у Шекспира,

Всякій безпристрастный наблюдатель долженъ придти къ заключенію, что не разсудокъ и воля являются непосредственными мотивами человѣческихъ дѣйствій, а желанія, чувства и страсти. Еще Огюсть Контъ сказалъ, что способность къ размышленію, разсудокъ не побуждаютъ къ дѣйствію, но только контролируютъ наши побужденія и сдерживаютъ страсти. Потому-то «боги отнимаютъ у человѣка разумъ, когда хотятъ погубить его». «Въ поступкахъ человѣка, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, движущею силою никогда не бываетъ знаніе, но всегда чувство, которое идетъ рядомъ съ этимъ знаніемъ или возбуждается имъ». Чрезчуръ развитая способность рефлексіи у Гамлета лишала его активности, съ другой же стороны способность къ беззавѣтному увлеченію была источникомъ многихъ бѣдъ для «рыцаря печальнаго образа».

Вообще, разсудокъ относительно дѣйствій, если можно такъ выразиться, — играетъ роль полиціи, — роль, которую можно охарактеризовать словомъ — «не допускать».

Какъ въ благоустроенномъ государствѣ полиція должна быть хорошо организована, такъ и въ благоустроенной душевной жизни должны быть достаточно развиты разсудокъ и воля; но въ среднемъ человѣкѣ эта душевная полиція не всегда сильна и дѣятельна и потому многое дѣлается безъ ея вѣдома или наперекоръ ей. И эта полиція не неподкупна; въ самомъ дѣлѣ — чего только не оправдывалъ разсудокъ — пытки инквизиціи, Варфоломѣевскую ночь, рабство негровъ, ужасы террора, Версальскія убійства...

Вышесказаннымъ мы вовсе не умаляемъ значенія разсудка, но только хотимъ показать его нераздѣльность съ волею. Выспшимъ же душевнымъ проявленіемъ во всякомъ случаѣ должно считать не разсудокъ (котораго не лишены и животныя), а *творческую мысль*, независящую отъ воли и истекающую изъ неизчерпаемыхъ родниковъ бессознательной души....

Если въ нормальномъ состояніи сфера сознательной дѣятельности воли такъ ограничена, то еще болѣе ограничена она при извѣстныхъ патологическихъ условіяхъ. Передъ крайне напряженною идеею, передъ сильно вспыхнувшею страстью воля безсильна. Напряженная идея, безумная страсть непремѣнно должны разрѣшиться въ дѣйствіи.

Глубокое и постоянное сосредоточеніе мысли на одномъ пунктѣ производить то, что называется состояніемъ *экзальтаціи*. Въ этомъ состояніи человѣкъ такъ поглощенъ своею мыслію, своимъ чувствомъ, что всѣ его дѣйствія, всѣ его поступки совершаются подъ вліяніемъ этой мысли или этого чувства.

Отъ состоянія крайней экзальтаціи уже недалекъ переходъ къ безспорно патологическому состоянію экстаза.

Экстазъ есть болѣзненная дѣятельность высшихъ мозговыхъ центровъ, при которой вся душевная жизнь такъ всецѣло сосредоточивается на одной идеѣ или на одномъ чувствѣ, что въ это время окружающій реальный міръ перестаетъ существовать для больного. При этомъ внѣшнія впечатлѣнія или вовсе не доходятъ до сознанія, или доходятъ только урывками, произвольныя движенія прекращаются и органическая дѣятельность часто сводится до *minimum'a*. Вся жизнь какъ бы сосредоточивается въ ненормально напряженной дѣятельности извѣстныхъ мозговыхъ центровъ. При каталептической формѣ экстаза больной совершенно неподвиженъ. Въ другихъ же случаяхъ крайне напряженная мысль или чувство экстастика, безъ участія его сознанія и воли, выражаются наружу въ извѣстнаго рода движеніяхъ. Человѣкъ, находящійся въ религіозномъ экстазѣ, держитъ руки сложенными какъ бы на молитву. Лице больного, смотря по экстазирующей идеѣ, выражаетъ или крайній ужасъ или безграничный восторгъ. Экстазъ можетъ быть въ различной степени и обыкновенная при этомъ нечувствительность къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ можетъ быть болѣе или менѣе полною. Продолжительность такого состоянія неодинакова, обыкновенно оно является припадками. Извѣстная степень экстаза всегда сопровождается галлюцинаціями.

Какъ слѣдствіе чрезмѣрной дѣятельности мысли и чувства легко являются *галлюцинаціи* и *иллюзіи* (обманъ чувствъ). Крайнее возбужденіе корковыхъ центровъ головного мозга всегда сопровождается возбужденіемъ и центровъ нисшихъ, т. е. внѣкортикальных центровъ органовъ чувствъ. При этомъ и безъ внѣшняго впечатлѣнія, т. е. самостоятельно, въ центрахъ органовъ чувствъ происходятъ такіе процессы возбужденія, какіе при нормальномъ состояніи вызываются въ нихъ только внѣш-

нимъ впечатлѣніемъ. Тогда образъ, родившійся въ мозгу, не будетъ уже для больного только внутреннимъ образомъ, т. е. продуктомъ его воображенія, но будетъ настолько же живъ какъ дѣйствительное впечатлѣніе. При такихъ условіяхъ человѣкъ видитъ вещи, реально передъ нимъ не существующія, слышитъ небывалые звуки, и притомъ — видитъ и слышитъ съ такою ясностью и отчетливостью, что этотъ призрачный міръ, созданный его мозгомъ, кажется для него не менѣе реальнымъ, чѣмъ дѣйствительно существующій окружающій міръ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся въ сношеніи съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ. Но если чувства обманываютъ человѣка, показывая ему несуществующія вещи съ такою ясностью, какъ и вещи реальныя, то человѣкъ часто теряетъ всякую возможность отличить призракъ отъ дѣйствительности. Даже одаренные сильнымъ умомъ люди, будучи подвержены галлюцинаціямъ, вѣрятъ иногда въ нихъ.

При состояніи экзальтаціи, галлюцинаціи и иллюзіи происходятъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе ослаблены органы чувствъ, чѣмъ болѣе истощена нервная система вслѣдствіе ненормальнаго возбужденія, непомѣрнаго физическаго труда, или вслѣдствіе недостаточнаго питанія, т. е. поста. Оттого-то галлюцинаціи такъ часты у мистиковъ, у аскетовъ; исторія всѣхъ странъ и народовъ представляетъ безчисленные примѣры галлюцинацій различнаго рода, происшедшихъ указаннымъ путемъ.

Въ состояніи экстаза условія для происхожденія галлюцинацій всего болѣе благоприятны. Кромѣ того, что здѣсь идея или чувство являются въ крайней степени болѣзненнаго возбужденія, въ этомъ состояніи внѣшнія впечатлѣнія не могутъ мѣшать, такъ какъ реальный міръ во время припадка не существуетъ для экстастика. При

томъ у такого рода больныхъ нервная система наиболѣе истощена, какъ отъ чрезмѣрной и ненормальной дѣятельности, такъ и отъ недостаточнаго питанія, потому что экстастики обыкновенно наблюдаютъ строгій постъ и часто не ѣдятъ по нѣскольку дней и даже недѣль.

Экстазъ въ извѣстной степени можетъ быть временнымъ явленіемъ. Въ такое состояніе иногда впадаютъ люди, обыкновенно не считающіеся больными; это бываетъ съ философами, артистами, поэтами, при извѣстныхъ условіяхъ, именно когда центры собственно умственной дѣятельности отъ предшествовавшей чрезмѣрной работы ослаблены, а центры органовъ чувствъ находятся въ ненормальномъ возбужденіи. Извѣстно, что Сократъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ и по временамъ впадалъ въ состояніе экстаза. Эдгаръ По и Гофманъ, принадлежали къ натурамъ, способнымъ къ экстазу. Моцартъ и Кольриджъ создавали лучшія свои произведенія въ полубезсознательномъ состояніи, близкомъ къ экстазу.

Особенно часто мы встрѣчаемъ состояніе экстаза съ сопровождающими его галлюцинаціями въ исторіи мистицизма. Въ психологическомъ отношеніи одинаковаго рода явленія представляютъ — Пифія, возсѣдающая на своемъ треножникѣ, сибирскій шаманъ, бѣснующійся, стуча въ свой барабанъ, индусскій факиръ, созерцающій Нирвану, современная намъ бельгійская стигматичка Луиза Лато, наконецъ — медиумъ въ состояніи «транса». Приводить примѣры экстастическаго состоянія было бы излишнимъ, потому что съ этимъ явленіемъ мы еще встрѣтимся при разсмотрѣніи коллективныхъ маній.

Относительно экстастиковъ часто рассказываютъ, что у нихъ во время припадка являются способности, которыми они въ нормальномъ состояніи не обладали. Такъ, люди неразвитые и неученые, въ состояніи экстаза про-

износятъ краснорѣчивыя проповѣди или говорятъ на языкѣ, которому не обучались. Понятно, насколько подобнаго рода факты, — въ извѣстномъ смыслѣ дѣйстви-тельно существующіе, способствовали къ окруженію экстатиковъ и сомнамбулистовъ ореоломъ чудесности. Въ наше время, какъ извѣстно, подобныя явленія представляются медіумами, когда они находятся подъ наитіемъ «духовъ».

Дѣйствительно, человѣкъ неразвитый можетъ въ состояніи сомнамбулизма или экстаза говорить краснорѣчивыя проповѣди, но не иначе, какъ только въ томъ случаѣ, если онъ *когда-либо* слыхалъ подобныя проповѣди, или по крайней мѣрѣ, если ему знакомы всѣ тѣ слова, изъ которыхъ состоитъ такая проповѣдь. Экстатикъ можетъ также свободно выражаться на языкѣ, на которомъ онъ въ нормальномъ состояніи не могъ говорить, но отдѣльныя слова этого языка онъ навѣрное *когда-либо* зналъ или слышалъ. Экстазъ, какъ мы уже говорили, есть состояніе крайняго возбужденія мозга. При такомъ возбужденіи больной можетъ проявить умственную силу, въ нормальномъ состояніи ему, повидимому, несвойственную, пользуясь тѣмъ же самымъ матеріаломъ, который и раньше заключался въ его мозгу; при нормальныхъ условіяхъ мозгъ и на сотую долю не дѣлаетъ изъ своего матеріала того оборота, какой могъ бы сдѣлать. Въ самомъ неразвитомъ человѣкѣ количество образовъ (слѣдовъ когда-то полученныхъ извнѣ впечатлѣній), хранящихся въ мозгу въ скрытомъ состояніи, — громадно. Одни изъ этихъ образовъ возобновляются въ сознаніи очень часто и составляютъ обыкновенный матеріалъ нашей ежедневной умственной жизни; другіе же «вспоминаются» только изрѣдка и большею частію неожиданно. Но главною мас-сою впечатлѣній наши настолько неважны и мимолетны

или настолько полно «позабываются», что образы их вовсе не возобновляются въ сознаниі при нормальныхъ условіяхъ. Но это еще не значить, что всѣ эти образы сгладились безъ слѣда и исчезли безвозвратно. При патологическихъ условіяхъ, напр. въ лихорадочномъ бреду, эти недѣятельные образы могутъ неожиданно возникать въ сознаниі съ поразительною яркостію. Тоже самое, но въ болѣе рѣзкой и правильной степени, можетъ происходить и при экстазѣ, когда дѣятельность воображенія а частію и воспоминанія возбуждается до *maximum'a*.

Приведемъ нѣсколько дѣйствительныхъ примѣровъ, указывающихъ, между прочимъ, какъ явленія, на первый взглядъ чудесныя, объясняются естественнымъ образомъ весьма просто.

Одна дѣвица, опасно заболѣвшая горячкою, въ пароксизмѣ бреда заговорила на неизвѣстномъ языкѣ, котораго нѣкоторое время никто изъ присутствовавшихъ не могъ понять. Наконецъ, убѣдились, что это было валлійское нарѣчіе, котораго больная до болѣзни совершенно не знала и изъ котораго по выздоровленіи не могла произвести ни одного слова. Нѣкоторое время обстоятельство это оставалось необъяснимымъ; но затѣмъ по собраннмъ справкамъ оказалось, что она родилась въ Валлисѣ и въ дѣтствѣ говорила на языкѣ этой страны, но что впослѣдствіе совсѣмъ его забыла (Тэнъ — *De l'intelligence*). — Одна 25-лѣтняя дѣвица, очень невѣжественная и не умѣвшая даже читать, во время болѣзни цитировала наизусть длинныя отрывки на латинскомъ, греческомъ и древнееврейскомъ языкахъ, но по выздоровленіи могла говорить только на своемъ родномъ языкѣ. Многіе изъ этихъ отрывковъ во время ея бреда были записаны подъ ея диктантъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что на девятомъ году ее взялъ къ себѣ дядя,

очень ученый пасторъ, который имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда прогуливаться въ узкомъ коридорѣ, примыкавшемъ къ кухнѣ, и повторять вслухъ свои любимыя мѣста изъ греческихъ и древнееврейскихъ писателей. Обратились къ его книгамъ и нашли тамъ отъ слова до слова многіе отрывки, читанные больною (ibid.). — Семилѣтняя дѣвочка, самаго недалняго ума и вполнѣ невѣжественная, днемъ пасла стадо, ночью же помѣщалась въ комнатѣ, рядомъ съ которою, за тонкою перегородкою, квартировалъ странствующій скрипачъ. Музыкантъ имѣлъ обыкновеніе разыгрывать по ночамъ на своемъ инструментѣ экзерсисы и разныя піэсы изъ своего репертуара, такъ что дѣвочка слышала его музыку въ продолженіи полугода. Послѣ дѣвочка вступила въ одинъ семейный домъ въ качествѣ служанки и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ничего необычнаго не представляла. Съ нѣкотораго времени хозяева стала слышать по ночамъ звуки скрипки, выходившіе изъ комнаты служанки, причемъ трудныя экзерсисы и серьезныя піэсы разыгрывались съ большимъ мастерствомъ; по временамъ таинственный музыкантъ останавливался какъ бы для настройки скрипки или нѣсколько разъ повторялъ трудный пассажъ. Оказалось, что музыку (это было именно то, что игралъ вышеупомянутый скрипачъ) производила своимъ голосомъ спящая служанка. Проснувшись, дѣвушка ничего не помнила о своихъ ночныхъ музыкальных упражненіяхъ и не могла повторить ни одной ноты изъ нихъ. Этимъ дѣло не ограничилось. Черезъ нѣкоторое время дѣвушка стала воспроизводить во снѣ слышанную ею днемъ игру на рояли, а также пѣніе, причемъ она вполнѣ подражала голосу тѣхъ лицъ, которыхъ она слышала поющими. Впослѣдствіи она стала вести сама съ собою во снѣ длинныя разговоры различнаго содержанія, напр. о по-

литикѣ, объ общественныхъ новостяхъ, о религіи, или спрягала латинскіе глаголы, повторяла французскія фразы и пр. Было очевидно, что матеріаломъ для этихъ ночныхъ разговоровъ она запасалась днемъ, слыша уроки дѣтей, разговоры своихъ хозяевъ и ихъ гостей; все это она повторяла въ своемъ сомнамбулическомъ состояніи, имитируя даже голоса говорившихъ съ поразительною вѣрностью. Иногда эта дѣвушка во время своего припадка судила о различныхъ членахъ того семейства въ которомъ жила, а также о гостяхъ, проявляя въ своихъ сужденіяхъ замѣчательную сообразительность и умъ, вмѣстѣ съ большою способностью къ ироніи. По окончаніи припадка она ничего не помнила ни о своихъ музыкальныхъ упражненіяхъ, ни о разговорахъ. Вообще, эта дѣвушка на яву не выказывала ни способностей къ музыкѣ, ни особенной сообразительности и даже была въ умственномъ отношеніи ниже остальной прислуги (Brierre de Boismont — Des hallucinations). Примѣръ этой служанки гораздо болѣе поразителенъ, чѣмъ всѣ рассказы о медиумахъ, говорящихъ будто-бы на разныхъ языкахъ подъ вліяніемъ духовъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ мы старались показать, что высшія душевныя проявленія человѣка — разумъ, сознательное размышленіе, воля далеко не всегда участвуютъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, на чувства же и стремленія почти вовсе не имѣютъ вліянія. Мало того, мы видѣли, что невольныя дѣйствія иногда бываютъ сложнѣе и, такъ сказать, искуснѣе дѣйствій сознательныхъ и обдуманныхъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣкъ, будучи существомъ, одареннымъ разумомъ и «свободною» волею, такъ часто бываетъ неразуменъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но какъ неразуміе, такъ и безуміе

могутъ быть не только единичными, но и *коллективными*, т. е. *общими* для цѣлой массы людей. Чтобы понять происхожденіе душевныхъ эпидемій, т. е. коллективнаго безумія, мы должны познакомиться съ вопросомъ громадной важности именно съ *заразительностью* нервныхъ и душевныхъ актовъ.

II.

Свойство психической организаціи человѣка (и конечно также и животныхъ, близкихъ къ человѣку) именно таково, что всякое душевное движеніе или настроеніе одного индивидуума отражается на душевномъ состояніи лицъ, его окружающихъ. Люди въ этомъ отношеніи представляютъ аналогію съ камертонами одинаковаго тона; заставьте звучать одинъ изъ такихъ камертоновъ, остальные сами собою придутъ въ созвучное дрожаніе, т. е. издадутъ тотъ же музыкальный тонъ. Даже простой нервный актъ одного лица вызываетъ такой же актъ у другихъ лицъ. Возьмемъ простѣйшій и всеѣмъ извѣстный примѣръ нервнопсихической заразительности. Видъ зѣвнущаго человѣка производитъ неодолимое побужденіе къ зѣвотѣ, такъ что, напр., если въ какомъ-нибудь собраніи одинъ человѣкъ зѣвнетъ, то все, видѣвшее это, также начинаютъ зѣвать. Сознаніе и воля здѣсь непричемъ, потому что заразившійся зѣвотою совершаетъ этотъ актъ не только помимо воли, но часто даже наперекоръ ей, или совершенно безсознательно. Движеніе зѣвоты здѣсь обуславливается единственно зрительнымъ впечатлѣніемъ, которое помимо сознанія и воли приводитъ въ дѣйствіе автоматическій чувствительно-двигательный механизмъ. Точно также, при видѣ какого-либо жеста или положенія другаго лица, человѣкъ можетъ повторить этотъ жестъ не-

вольно, въ силу, какъ говоритъ Люисъ (Luys, Etudes de phys. et de path. cérébr. Des actions réflexes du cerveau), безсознательнаго стремленія привести себя въ унисонъ съ этимъ лицомъ. Тоже можно сказать и по отношенію къ слуховымъ впечатлѣніямъ. Когда ухо наше поражается модулированнымъ звукомъ или музыкальною фразою, то у насъ невольно является побужденіе воспроизвести этотъ звукъ или эту музыкальную фразу. Тутъ тоже дѣйствуетъ автоматическій механизмъ мозга, — слуховое впечатлѣніе, безъ участія воли, а иногда даже помимо сознанія, обусловливаетъ сложное координированное движеніе. Такого рода явленія обыкновенно называются *подражаніемъ*, *имитациею*, что въ сущности неосновательно. Подражаніе собственно имѣетъ мѣсто только тогда, когда человѣкъ беретъ примѣръ съ другаго сознательно, на основаніи разсчета (вѣрнаго или невѣрнаго — это другое дѣло), что поступить такъ, какъ поступило другое лицо, почему-нибудь лучше или выгоднѣе. Подраженіе же, о которомъ было говорено выше, — невольно и часто безсознательно, и потому такого рода явленіе можно назвать подраженіемъ *автоматическимъ*, *органическимъ*, *инстинктивнымъ*, или лучше — *нервною контактною*.

Способность къ такой имитациі присуща людямъ въ неодинаковой степени и въ извѣстныхъ отношеніяхъ можетъ быть болѣе прирожденною чѣмъ въ другихъ; кромѣ того, одни проявленія ея могутъ быть сознательно сдерживаемы, тогда какъ другія напротивъ сознательно развиваются и совершенствуются упражненіемъ. Музыкальныя натуры, или какъ говорятъ, люди «съ хорошимъ слухомъ» могутъ, разъ прослушавъ оперу, повторять изъ нея аріи и цѣлыя отрывки. Нѣкоторые лица отличаются поразительнымъ умѣньемъ воспроизводить жесты, выраженія физіономіи, интонацію голоса другихъ лицъ, кото-

рыхъ они такимъ образомъ «копируютъ» часто съ замѣчательною вѣрностью. Въ послѣднихъ примѣрахъ способность къ подражанію такъ сказать специализировалась, оставаясь и въ этомъ видѣ способностью прирожденною, независящею отъ воли, хотя самый актъ подражанія здѣсь происходитъ отъ сознательнаго импульса воли.

Инстинктивную подражательностью отличаются нѣкоторыя животныя, напр. обезьяны; въ весьма высокой степени мы иногда видимъ ее у дѣтей, а также у идіотовъ и у нѣкоторыхъ слабоумныхъ. Дѣти, какъ всякій знаетъ, склонны къ подражанію гораздо болѣе, чѣмъ взрослые. Дѣти подражаютъ другъ другу, а также взрослымъ, ихъ окружающимъ, обыкновенно безъ всякой цѣли, какъ говорится: «обезьянничаютъ»; часто даже совершенно безсознательно; такимъ путемъ дѣтямъ одинаково легко могутъ быть привиты привычки какъ полезныя, такъ и вредныя. Вообще можно сказать, что склонность къ инстинктивной имитациіи уменьшается съ развитіемъ ума и это понятно почему. Какъ мы уже видѣли, инстинктивная подражательность зависитъ отъ самой нервно-психической организаціи, отъ координированныхъ актовъ автоматическихъ механизмовъ мозга. Но надо помнить, что чувственное впечатлѣніе не необходимо должно сопровождаться соотвѣтственнымъ движеніемъ или рядомъ движеній. Чувственное впечатлѣніе, воспринимаясь *высшими* мозговыми центрами, пробуждаетъ въ послѣднихъ дѣятельность представленія, мысли. Такимъ образомъ, отвѣтомъ на чувственное впечатлѣніе можетъ быть не только двигательная, но и мыслительная реакція. У взрослого человѣка при видѣ извѣстнаго жеста другаго лица, кромѣ безсознательнаго побужденія воспроизвести этотъ жестъ, рождается въ мозгу извѣстное представленіе, вызывающее въ свою очередь другое представленіе

и т. д., т. е. результатомъ будетъ не воспроизведеніе видѣннаго жеста, а мысль или чувство (напр. чувство смѣшнаго). У обезьяны же тоже самое зрительное впечатлѣніе вмѣсто мыслительной реакціи обусловитъ реакцію двигательную и видѣнный жестъ будетъ автоматически повторенъ. Точно тоже бываетъ и у человѣка, если онъ въ умственномъ отношеніи не много отличается отъ обезьяны, т. е. когда онъ рожденъ идиотомъ, или когда онъ сдѣлался слабоумнымъ. Напримѣръ, Паршаппъ сообщаетъ весьма любопытное наблюденіе относительно двухъ слабоумныхъ больныхъ, сосѣдей по кроватямъ; одинъ изъ нихъ служилъ какъ бы зеркаломъ другому и съ неизмѣнною правильностью и поразительною полнотою повторялъ каждый жестъ, каждое движеніе и дѣйствіе послѣдняго. — Можетъ быть съ представленной точки зрѣнія объясняется и то обстоятельство, что люди, чрезвычайно искусные въ копированіи и передразниваніи другихъ, хотя и бываютъ иногда очень талантливы, но глубиною и оригинальностью мышленія вообще не отличаются. — Во всякомъ случаѣ и умственно развитые люди не свободны отъ бессознательной подражательности. Такъ, лица, хотя бы и не родственники между собою, долгое время жившія вмѣстѣ, настолько бессознательно привыкають подражать другъ другу, что пріобрѣтають одинаковые жесты, одинаковую манеру говорить, употребляютъ одинъ и тотъ-же лексиконъ словъ и придаютъ фразамъ одинаковую интонацію.

Подобное же происходитъ и въ цѣломъ обществѣ. Конечно, существующіе въ обществѣ нравы и обычаи сложились историческимъ путемъ. Но далеко не всѣ тѣ, которые строго придерживаются господствующихъ нравовъ и обычаевъ, поступаютъ такъ вполне сознательно, напр. по убѣжденію или хотя изъ боязни сдѣлаться пред-

метомъ насмѣшки или негодованія со стороны другихъ; большинство же — просто въ силу привычки, преданія, а главнымъ образомъ потому, что «такъ дѣлають другіе». Оттого какой нибудь отжившій, потерявшій всякій смыслъ обычай продолжаетъ еще держаться и никто не рѣшается первымъ освободиться отъ такого добровольнаго ига. — На все существуетъ «мода», — на платье, на мебель, на украшенія, вообще на весь образъ жизни, на языкъ, даже на идеи. Умственно неразвитое, невѣжественное или полуобразованное общество охотно бросается на новую идею, безъ всякой критики, безъ всякаго старанія усвоить ее себѣ вполне и развить ея логическія послѣдствія. Но лишь только исчезъ интересъ новизны, идея, подобно фасону платья, выходитъ изъ моды и смѣняется другою, часто совершенно противоположною. Только такимъ образомъ и можетъ относиться къ идеѣ масса, если она не приготовлена къ воспріятію ея и если эта идея не затрагиваетъ никакихъ сильныхъ и общихъ всѣмъ страстей. Переходы эти нерѣдко весьма комичны. Послѣдователи Молешотта и Бюхнера быстро превращаются въ полконниковъ Аллана Кардека или Гартмана и вчерашній матеріалистъ сегодня бесѣдуетъ съ какимъ нибудь выходцемъ съ того свѣта или мечтаетъ объ устройствѣ фабрики для «производства шалей изъ воздуха»... Даже врачъ, прописывающій лѣкарство больному, и тотъ часто находится подъ вліяніемъ моды, пускающей въ терапію новыя средства, неимѣющія никакихъ преимуществъ передъ прежними. Конечно, во всеобщемъ подчиненіи модѣ играютъ большую роль тщеславіе, боязнь отстать отъ другихъ и сдѣлаться смѣшными въ ихъ глазахъ и проч., но многое остается и на долю слѣпой, инстинктивной подражательности. Люди такъ привыкають сообразоваться во всемъ съ тѣмъ круж-

комъ, въ которомъ они живутъ, дѣлать такъ, «какъ дѣлають всѣ», что у нихъ даже не является мысли о какомъ либо уклоненіи въ этомъ отношеніи.

Одно время наша литература много занималась вліяніемъ среды на индивидуума. Какъ ни избить этотъ предметъ, какъ ни жалки безхарактерные люди, жалующіеся, что ихъ «заѣла среда», тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что вліяніе окружающихъ людей на индивидуума часто становится для послѣдняго тяжелымъ рокомъ. Между обществомъ, или извѣстнымъ кругомъ общества, и выдающимся изъ него по своему умственному и нравственному развитію индивидуумомъ — взаимное вліяніе неизбежно. Если человѣкъ на столько слабъ, что не въ состояніи вліять на окружающихъ его людей, то эти послѣдніе, т. е. среда, будутъ вліять на него и въ концѣ концовъ затянутъ его въ свое болото.

Въ сферѣ побужденія и чувства значеніе способности человѣка *приходить въ унисонъ* съ другими людьми еще болѣе велико. Въмѣсто того, чтобы называть эту способность подражательностью, здѣсь приличнѣе употреблять терминъ *душевная contagiousность* (выраженіе *morgue contagion* впервые употреблено Эскиролемъ). Заразительность настроенія извѣстна каждому. Веселое общество развлекаетъ и грустно настроеннаго человѣка, наоборотъ, въ кругу людей печальныхъ и самый веселый человѣкъ настраивается на тоскливый ладъ. Видъ плачущихъ невольно вызываетъ у впечатлительныхъ натуръ слезы на глаза. Присутствіе при побоищахъ, физической борьбѣ и въ смирныхъ по природѣ людяхъ пробуждаетъ воинственный духъ; въ томъ-то и заключается деморализирующее вліяніе грубыхъ зрѣлищъ, напр. травли животныхъ, боя быковъ, кулачной борьбы, что такія сцены развиваютъ въ человѣкѣ инстинктъ жестокости. Видъ сценъ

противоположнаго характера, напр. такихъ, въ которыхъ проявляется чувство любви, пробуждаетъ и въ зрителяхъ чувства любви и умиленія. И дурные и добрые примѣры, все равно видимъ-ли мы ихъ, или только слышимъ и читаемъ о нихъ, равно заразительны. Раціональное воспитаніе дѣтей главнымъ образомъ должно быть основано на расчетѣ добрыми примѣрами, соотвѣствующимъ чтеніемъ, пробудить въ ребенкѣ хорошія, благородныя чувства, при чемъ примѣры дурные, а также и безнравственное чтеніе, должны быть устраняемы, изъ опасенія порчи натуры ребенка, въ первое время одинаково впечатлительнаго какъ къ дурному, такъ и къ хорошему. Чѣмъ сильнѣе и напряженнѣе душевное движеніе, тѣмъ оно заразительнѣе. Страсть поэтому заразительна по преимуществу.

Выше мы говорили какъ объясняется контагіозность машинальныхъ, автоматическихъ движеній и дѣйствій. Подобнымъ-же путемъ можетъ быть объяснена заразительность настроенія, чувства и страсти. Одинъ извѣстный психологъ говоритъ: «когда мы ставимъ себя въ положеніе, въ какое ставитъ обыкновенно страсть, то почти навѣрное пріобрѣтаемъ ее въ бѣльшей или меньшей степени». Всякое душевное движеніе имѣетъ свое выраженіе въ движеніяхъ и положеніяхъ тѣла, въ игрѣ личныхъ мышцъ, въ звукахъ и словахъ. Возьмемъ для примѣра два такихъ рѣзкихъ душевныхъ волненій какъ радость и яростный гнѣвъ. Радость ускоряетъ кровообращеніе и дѣлаетъ движенія болѣе сильными; глаза становятся блестящими, живыми; лице своеобразно измѣняется, на немъ появляется улыбка; иногда обрадованный человѣкъ громко смѣется и производитъ различныя движенія — перемѣщается съ мѣста на мѣсто, хлопаетъ въ ладони, прыгаетъ и т. п. При ярости кровообраще-

ніе значительно разстраивается, дыханіе затрудняется; лицо багровѣетъ или становится мертвенно блѣднымъ, ноздри раздуваются и дрожатъ; голосъ дѣлается отрывистымъ, хриплымъ и рѣзкимъ или совершенно прерывается; зубы судорожно сжимаются; все тѣло, съ напряженными мышцами, выпрямляется или наклоняется впередъ, иногда дрожить; глаза сверкаютъ или наливаются кровью; руки съ крѣпко сжатыми кулаками поднимаются, какъ бы для нанесенія удара противнику. Нетолько сильные аффекты, но и незначительныя душевныя движенія имѣютъ соотвѣтственныя выраженія. (см. у Дарвина «о выраженіи ощущеній»). При этомъ душевное движеніе и соотвѣтственное ему выраженіе — будетъ ли это движеніе и положеніе тѣла, извѣстное сокращеніе мышцъ лица, звуки голоса, наконецъ, тѣ или другія слова — настолько тѣсно ассоціируются между собою, что стоитъ только человѣку искусственно изобразить внѣшнее проявленіе страсти, онъ тотчасъ же, въ большей или меньшей мѣрѣ, ощущаетъ въ себѣ эту страсть. Поэтому, когда актеръ передаетъ намъ съ поразительною вѣрностью внѣшній видъ человѣка, находящагося въ припадкѣ жестокаго гнѣва, то не всегда онъ просто «играетъ» т. е. притворяется, напротивъ дѣйствительно въ эту минуту чувствуетъ въ себѣ приливъ гнѣва. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны опыты Брэда надъ гипнотизированными (т. е. приведенными искусственно въ состояніе подобное сомнамбулизму) субъектами. Когда онъ придавалъ такому субъекту положеніе, соотвѣтствующее извѣстному чувству или составляющее начало извѣстнаго дѣйствія, то гипнотизированный самъ собою дополнялъ это положеніе, испытывалъ соотвѣтственное чувство или совершалъ соотвѣтствующее дѣйствіе. Такъ, будучи приведенъ въ положеніе боксѣра, гипнотизиро-

ваннѣй начиналъ съ азартомъ боксировать, при прида-
ннѣ же ему полусогбеннаго положенія съ головою, опу-
щенною книзу и подогнутыми колѣнями, — онъ испыты-
валъ глубокое смиреніе. Къ вопросу о гипнотизаціи, обра-
тившему на себя въ послѣднее время вниманіе ученыхъ,
мы вернемся послѣ, когда будемъ говорить о спери-
тизмѣ.

Если душевное движеніе и соотвѣтственное ему виѣш-
нее выраженіе такъ тѣсно связаны между собою, то нѣтъ
ничего удивительнаго, что человѣкъ, видя у другаго че-
ловѣка выраженіе того или другаго чувства (въ жестѣ,
движеніи или словѣ), той или другой страсти, самъ *за-
ражается*, конечно помимо своей воли и часто даже
безсознательно, этимъ чувствомъ или этою страстью.
Видя проявленіе въ другомъ человѣкѣ какой-либо стра-
сти, мы *всегда* сами бы заражались этою страстью, еслибы
при этомъ (смотря по настроенію нашему, характеру,
темпераменту, по высотѣ нашего умственнаго развитія)
не пробуждались различныя побочныя мысли и чувства,
часто совершенно парализирующія чувство первичное.

Дѣйствіе душевнаго контакта особенно рѣзко въ массѣ
людей и притомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше и компакт-
нѣе эта масса и чѣмъ меньше индивидуумы, ее соста-
вляющіе, привыкли руководствоваться въ своихъ дѣй-
ствіяхъ разсудкомъ. Людская толпа всегда напоминаетъ
Панургово стадо барановъ, въ которомъ достаточно было
одного барана бросить въ воду, чтобы всѣ другіе сами
туда же попрыгали. Примѣры можно видѣть на каждомъ
шагу. Въ театрѣ достаточно одному или нѣсколькимъ
лицамъ крикнуть «браво» и начать аплодировать, — тот-
часъ-же присоединяются и другіе, которые сами никогда
бы не начали, и вотъ громъ аплодисментовъ раскатывается

по всей залѣ. На этомъ основано ремесло «клакёровъ», отъ которыхъ во Франціи самымъ существеннымъ образомъ зависятъ успѣхъ піэсы.

Масса всегда слѣпо повинуется болѣе энергическимъ вожакамъ, которые своимъ примѣромъ увлекаютъ ее. Всякій кружокъ людей, будь это ученое или политическое общество, имѣетъ во главѣ одно или нѣсколько лицъ, которымъ принадлежитъ вся инициатива дѣятельности, которыя, такъ сказать, даютъ тонъ остальнымъ, играющимъ роль чисто пассивную и идущимъ туда, куда ихъ тянутъ. Кто умѣетъ должнымъ образомъ дѣйствовать на толпу, тотъ можетъ вести ее куда угодно, — въ огонь, въ воду, въ убійственную схватку битвы. Слово вождя, умѣющаго одушевлять солдатъ, дѣлаетъ послѣднихъ героями и обусловливаетъ успѣхъ сраженія, казавшагося уже проиграннымъ. Наоборотъ, примѣръ одного или нѣсколькихъ трусовъ заражаетъ цѣлыя полки и обращаетъ ихъ въ позорное бѣгство. Страхъ и ужасъ, понятно, еще заразительнѣе геройства, потому что въ большинствѣ людей гораздо болѣе задатковъ трусости чѣмъ героической храбрости.

Испугъ, ужасъ одного изъ нѣсколькихъ лицъ, заразившій цѣлую толпу, производитъ то, что называютъ *паникою*. Напримѣръ, въ театрѣ или въ какомъ-нибудь большомъ собраніи, достаточно одному человѣку съ крикомъ «пожаръ!» броситься вонъ и вся публика въ слѣпомъ ужасѣ бросается къ выходамъ, при чемъ въ страшной давкѣ многіе бывають раздавлены до смерти: въ такихъ случаяхъ люди только выскочивши на улицу приходятъ въ себя и задаются вопросомъ — гдѣ же пожаръ и дѣйствительно ли горитъ? — Стадные животные, напр. лошади, тоже способны поражаться паническимъ ужасомъ и притомъ, все равно какъ и люди, отъ ничтож-

наго, повидимому, повода. Кавалеристамъ подобные факты очень хорошо знакомы.

Всякая идея заразительна и главнымъ образомъ настолько, насколько она затрогиваетъ чувство или носить въ себѣ его элементы. Разсматривая нравственное состояніе общества въ данное время, мы замѣчаемъ, что извѣстныя чувства и идеи имѣютъ широкое распространеніе, другія же нѣтъ. Говоря вообще, чувства мелочныя и своекорыстныя гораздо болѣе склонны принимать эпидемическое распространеніе, чѣмъ чувства и идеи высокія, потому что средній человѣкъ, конечно, болѣе расположенъ къ чувствованіямъ и понятіямъ эгоистическимъ чѣмъ къ высокой доблести. Но когда какое-нибудь экстраординарное событіе взволнуетъ обычное теченіе общественной жизни, то иногда и самые заурядные люди, заражаясь отъ лицъ, стоящихъ во главѣ движенія, становятся способными къ чувствамъ болѣе возвышеннымъ и даже къ подвигамъ геройства и самопожертвованія. Во времена же застоя, когда никакое живое чувство, никакая высокая идея не трогаютъ общественнаго сознанія, грубо-эгоистическія, своекорыстныя побужденія и меркантильные интересы пріобрѣтаютъ эпидемическое, всеобщее распространеніе. Хотя и справедливо, что литература есть только зеркало общества, отражающее въ себѣ его состояніе въ данное время, тѣмъ не менѣе въ извѣстной мѣрѣ она является и руководительницей для общества, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ направленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что легкомысленная и фривольная литература второй имперіи въ значительной степени виновата въ деморализаціи французскаго общества шестидесятихъ годовъ.

Заразительность идеи тѣмъ больше, чѣмъ болѣе спо-

собна экзальтировать эта идея, чѣмъ болѣе она возбуждаетъ тѣ чувства и страсти, къ которымъ расположены массы въ данное время. «Идея, говоритъ Дрэперъ (Гражданское развитіе Америки), можетъ поэтому обладать высокимъ политическимъ значеніемъ. Чувство, выраженное въ немногихъ словахъ, можетъ разрушить очень древнія національности, преобразовать племена людей и совершить переворотъ міра». «Есть что-то чудесное, говоритъ тотъ же авторъ, въ этомъ распространеніи мысли отъ человѣка къ человѣку. Какъ свѣча можетъ зажечься отъ пламени, а потомъ и другія свѣчи одна отъ другой, не повредя внутреннему блеску, такъ мысль передается отъ человѣка къ человѣку все возрастаая, никогда не теряя внутренней силы».

«Видѣнія Магомета измѣнили обыденную жизнь половины народовъ Азіи и Африки. Догматъ пророка привелъ въ трепетъ души людей отъ Гвинейскаго залива до Китайскаго моря; три континента—Азія, Африка и Европа—были потрясены имъ до основанія» (Тоже слова Дрэпера).

Позже проповѣди экзальтированнаго монаха Петра Пустынника подняли всю Европу для борьбы съ невѣрными и двинули въ Святую Землю многія сотни тысячъ людей, которые нашли въ этихъ походахъ свою гибель. «Кто бы могъ вообразить, — говоритъ Г. Спенсеръ (Изученіе Соціологій), что хищническіе короли и разбойническіе бароны съ такими же вассалами, пройдутъ, поколѣніе за поколѣніемъ, по всей Европѣ, претерпѣвая всевозможныя лишенія и опасности и рискуя жизнью, съ цѣлію завоевать прославленную гробницу Того, Кто училъ подставлять лѣвую ланиту, когда ударять по правой!»

Ужасы первой французской революціи, когда около 10,000 человѣкъ замѣшанныхъ или заподозрѣнныхъ въ

преступленійхъ противъ народа, было убито или казнено, — также представляютъ эпидемическій характеръ. Общее число жертвъ наполеоновскихъ войнъ простирается (по Спенсеру) до 2,000,000 человекъ и всѣ они погибли единственно изъ за ненасытнаго честолюбія одного корсиканца, передъ которымъ преклонялся весь міръ и котораго еще до сихъ поръ называютъ великимъ. Военственный энтузіазмъ можетъ быть эпидемичнымъ, равно какъ и поклоненіе успѣху.

И такъ, вездѣ мы видимъ, что только идеи съ аффективнымъ характеромъ, производя экзальтацію въ массахъ и пробуждая страсти толпы, приобрѣтають широкое эпидемическое распространеніе. Чистая, отвлеченная идея по существу своему мало заразительна, потому что, имѣя источникомъ разумъ и чистое мышленіе, лишенная аффективнаго характера, — она не по плечу толпѣ. Будь заразительны такія идеи, — Царство Божіе давно уже наступило бы на землѣ. Такимъ образомъ, хотя и бываетъ эпидемическое безуміе, но нечего бояться, чтобы источниками эпидеміи сдѣлались тѣ безумцы, о которыхъ сказалъ Беранже:

«Еслибъ завтра земли нашей путь
Освѣтитъ наше солнце забыло, —
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого нибудь!»

Переходя къ заразительности болѣзненныхъ душевныхъ проявленій, мы прежде всего должны сказать нѣсколько словъ о заразительности преступленій.

Заразительность преступленій, ихъ склонность принимать эпидемическій характеръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Послѣ преступленія почему-либо обратившаго на себя всеобщее вниманіе, почти всегда совершается

иѣсколько преступленій, похожихъ на первое часто до малѣйшихъ подробностей, такъ что имитативное происхожденіе ихъ ясно съ перваго взгляда. Процессъ зараженія здѣсь происходитъ такимъ образомъ. Въ обществѣ всегда найдется достаточно людей, предрасположенныхъ къ преступленію или находящихся въ обстоятельствахъ, наводящихъ на мысль о немъ. Безъ вліянія душевнаго контагія эти люди можетъ быть и не дошли бы до преступнаго дѣянія. Но вотъ до нихъ достигаетъ слухъ о совершенномъ уже при подобныхъ обстоятельствахъ преступленіи, доходитъ газетный отчетъ со всѣми подробностями процесса. Это обстоятельство является послѣднимъ толчкомъ, благодаря которому преступный замыселъ, существовавшій только въ смутномъ, неопредѣленномъ проектѣ, становится дѣломъ рѣшеннымъ и наконецъ приводится въ исполненіе.

Въ XVII вѣкѣ процессъ извѣстной Бренвилле, обвинявшейся въ дѣломъ рядѣ тайныхъ убійствъ посредствомъ яда, вызвалъ эпидемію отравленій, продолжавшуюся болѣе десяти лѣтъ.

Въ 1857 году въ Нью-Йоркѣ надѣлалъ много шума процессъ одной женщины, убившей своего мужа; въ продолженіи того времени, когда въ публикѣ продолжали говорить объ этомъ дѣлѣ, три женщины убили своихъ мужей.

Преступленіе Тропмана вскорѣ послужило оригиналомъ для трехъ случаевъ такихъ же убійствъ. Вообще первое время послѣ процесса Тропмана въ Парижѣ покушенія на убійства стали столь частыми, что было небезопасно выходить ночью на улицу, особенно въ глухихъ кварталахъ города.

Въ 1868 году процессъ итальянскихъ бандитовъ, кончившійся казнью троихъ изъ нихъ, обусловилъ въ Мар-

если большую эпидемию всевозможныхъ преступленій — воровства во всѣхъ видахъ, открытаго грабежа на улицахъ и убійствъ различнаго рода.

Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1875 годъ, въ корреспонденціи изъ Лондона, намъ встрѣтился весьма замѣчательный случай имитативнаго убійства, гдѣ преступленіе навѣяно было художественнымъ произведеніемъ, именно стихотвореніемъ Томаса Гуда — «Сонъ Евгенія Арама.» Содержаніе этого извѣстнаго стихотворенія основано на дѣйствительномъ фактѣ. Евгеній Арамъ, ремесломъ учитель, за много лѣтъ передъ тѣмъ совершившій убійство, рассказываетъ одному изъ своихъ учениковъ, подъ видомъ сна, о своемъ преступленіи. Убійца бросаетъ трупъ въ прудъ, но на другой день прудъ мелѣетъ и трупъ становится видимымъ. Арамъ уноситъ его въ лѣсъ и зарываетъ въ кучу сухихъ листьевъ, но вѣтеръ разноситъ листья и трупъ снова обнажается. Убійца въ отчаяніи, видя что земля отказывается скрыть его преступленіе. — Нѣкто Уэпрайтъ, семейный, довольно образованный человѣкъ, весьма талантливый декламаторъ, занимался публичными чтеніями въ Лондонѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Любимымъ стихотвореніемъ въ репертуарѣ Уэпрайта, которое онъ читалъ всего лучше, было — «Сонъ Евгенія Арама». Въ сентябрѣ 1875 года Уэпрайтъ былъ арестованъ на улицѣ Лондона, въ то время, когда онъ перевозилъ куда-то два большіе тюка, издававшіе сильное зловоніе. По вскрытіи тюковъ, въ нихъ оказалось разрѣзанное на части, полуистлѣвшее тѣло женщины. Это была любовница Уэпрайта, которую онъ, ровно за годъ передъ тѣмъ убилъ, разрѣзалъ на части и зарылъ въ *погребъ*; такъ какъ потомъ трупъ сталъ распространять сильное зловоніе, то убійца хотѣлъ перенести остатки тѣла въ другое

мѣсто. Неудивительно, что Уэпрайтъ съ громаднымъ успѣхомъ читалъ «Сонъ Евгенія Арама», особенно это мѣсто:

Ay! through he's buried in a cave
And trodden down with stones
And years have rotted off his flesh
The world shall see his bones! *)

Особенно заразительно и наклонно принимать эпидемическій характеръ самоубійство. У человѣка, въ извѣстномъ смыслѣ предрасположеннаго къ самоубійству, находящагося въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ тяжеломъ горѣ, или страдающаго меланхоліею, первая мысль о самоубійствѣ является обыкновенно, когда онъ услышитъ или прочтетъ въ газетахъ о самоубійствѣ, совершенномъ подъ гнетомъ подобныхъ же обстоятельствъ. Разъ явилась такая мысль, при благопріятныхъ условіяхъ она развивается все больше и больше и, наконецъ, приводится въ исполненіе. Начиная съ Эскироля, врачи постоянно указывали на опасность отъ мелкой прессы, распространяющей въ массѣ подробныя и картинныя описанія различныхъ преступленій и процессовъ. Не менѣ вредны литературныя произведенія, придающія самоубійцамъ ореолъ поэтичности и геройства. Madame Сталь не безъ основанія говорила, что Гётевскій Вертеръ вызвалъ большее число самоубійствъ въ Германіи, чѣмъ весь прекрасный полъ этой страны.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ у насъ въ Россіи самоубійства, крупныя кражи и мошенничества стали совершаться замѣчательно часто. Теперь нельзя взять нумера газеты, не найдя въ немъ нѣсколько случаевъ са-

*) „Увы! хотя бы онъ былъ зарытъ въ погребъ или заваленъ камнями, и хотя бы время уничтожило его истлѣвшее тѣло, міръ увидитъ его кости!“

моубійствъ или крупныхъ кражъ; лица служащія въ банкахъ и банкирскихъ конторахъ, повидимому, играютъ весьма видную роль.

Обращаемся къ проявленію душевнаго contagiа въ патологической сферѣ. Прежде всего мы должны здѣсь обратить вниманіе на contagiозность чисто нервныхъ припадковъ, именно судорогъ.

Судороги различнаго рода весьма заразительны. Видъ человѣка, пораженнаго судорожнымъ припадкомъ вызываетъ такой же припадокъ у зрителя, если послѣдній въ извѣстной мѣрѣ расположенъ къ судорогамъ. Такъ, въ больницахъ, гдѣ много скопляется больныхъ, страдающихъ надучею болѣзнию, очень часто приходится наблюдать, что эпилептическій припадокъ у одного больного тотчасъ же вызываетъ припадки у многихъ больныхъ той же палаты. Точно такъ же заразительны истерическіе припадки и пляска св. Витта. Эпидеміи истерическихъ судорогъ въ особенно рѣзкой формѣ наблюдаются въ мѣстахъ, гдѣ много женщинъ и дѣвушекъ, самими условіями жизни расположенныхъ къ истеріи, живутъ вмѣстѣ, напр. въ воспитательныхъ домахъ, женскихъ пріютахъ, учебныхъ заведеніяхъ и монастыряхъ.

Въ 1673 году въ Голландіи въ одномъ пріютѣ для сиротъ, гдѣ воспитывались дѣвочки и мальчики отъ 10 до 18 лѣтъ развилась эпидемія конвульсивныхъ припадковъ, при чемъ дѣти лаяли и рычали на манеръ животныхъ. Объ эпидемической истеріи, соединенной съ ложными идеями мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (при описаніи демономаніи); здѣсь достаточно привести два случая эпидемическихъ конвульсій. Въ одной женской мастерской въ Парижѣ, устроенной къ большому помѣщенію манежа, работало до 400 женщинъ и дѣвушекъ.

Съ одной работницей разъ сдѣлался припадокъ судорогъ съ потерей сознанія; не прошло трехъ часовъ — 30 работницъ были поражены такими же судорогами, а на третій день число больныхъ возросло до 115. Въ 1862 году подобная же эпидемія развилась между дѣвушками Монт-мартскаго прихода, готовившимися къ первому причащенію. У трехъ дѣвушекъ въ церкви за утренней службой сдѣлались припадки судорогъ съ потерей сознанія; тоже повторилось и за вечерней службой. Со слѣдующаго же дня припадки стали дѣлаться и у другихъ дѣвушекъ, такъ что изъ 150 конфирмантокъ заболѣло 40. (Bouchut—De la contagion nerveuse). При подобныхъ эпидеміяхъ единственное средство прекратить болѣзнь — разъединить пораженныхъ ею. Бургавъ прекратилъ эпидемію судорогъ въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи тѣмъ, что поставилъ передъ дѣвицами жаровню съ горячими углями и объявилъ, что онъ будетъ жечь каленымъ желѣзомъ тѣхъ, съ которыми произойдетъ припадокъ.

Изъ всѣхъ эпидемическихъ нервнопсихическихъ поражений особенно замѣчательны *коллективныя галлюцинации*, когда нѣсколько или даже множество людей имѣютъ одни и тѣже обманы чувствъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Пордеджъ (Pordage—извѣстный англійскій мистикъ и визионеръ, жившій въ XVII вѣкѣ), его ученики — Джени Лидъ, Томасъ Бромлей, Гукеръ, Саббертонъ и другіе, собравшись вмѣстѣ одновременно видѣли слѣдующее: Передъ ними въ торжественномъ церемоніалѣ проходили силы ада во всемъ ихъ величіи. Князи тьмы возсѣдали на облачныхъ колесницахъ, влекомыхъ чертями во образѣ грифовъ, драконовъ, львовъ, медвѣдей, тигровъ; подлѣ шла блестящая свита второстепенныхъ дьяволовъ; простые черти вмѣстѣ съ грѣшниками составляли

воинство, парадировавшее по всѣмъ правиламъ подѣ командою дьяволовъ отвратительно уродливаго вида, полу-людей, полу-животныхъ. Компанія Пордеджа могла видѣть эту картину какъ съ закрытыми, такъ и съ открытыми глазами, потому, говоритъ самъ Пордеджъ, «что мы глядѣли не тѣлесными очами, а очами духа» (Boismont—Des hallucinations. Perty — Die mystisch. Erschein. d. menschl. Natur). Въ исторіи можно найти много примѣровъ коллективныхъ галлюцинацій; особенно богата ими эпоха крестовыхъ походовъ...

Извѣстное явленіе миража есть ни что иное, какъ коллективная галлюцинація. Путешественники переходящіе безводныя пустыни, будучи истомлены усталостью, жаромъ и жаждою, видятъ вдали рѣки и озера, съ берегами, покрытыми цвѣтущею растительностью. Миражъ собственно есть только иллюзія, такъ какъ поводъ къ обманамъ зрѣнія здѣсь даютъ реальныя предметы, напр., море песку кажется водою. Отъ миража нужно отличить настоящую коллективную галлюцинацію истомленныхъ путниковъ, называемую *ragle*. Такъ путешественникъ Эскайракъ рассказываетъ о различныхъ видѣніяхъ, которыя онъ и его спутники имѣли сообща и одновременно при переходѣ черезъ пустынные равнины востока: то они видѣли передъ собою стѣну, разступающуюся чтобы дать имъ проходъ, то имъ казалось, что вмѣсто гладкой равнины они находятся на днѣ кратера, то они видѣли караваны верблюдовъ, стада различныхъ животныхъ и пр. Отличіе *ragle* отъ миража состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ призрачныя предметы видны не вдали, но вблизи; при этомъ галлюцинація не имѣетъ никакого реальнаго основанія, какъ это бываетъ въ миражѣ.

Происхожденіе коллективныхъ галлюцинацій объясняется такъ. Ненормальное психическое возбужденіе,

экзальтація, особенно при условіи ослабленія собственно мыслительной дѣятельности, какъ мы уже видѣли, весьма легко дѣлается причиною галлюцинаціи. Если нѣсколько людей находятся въ одинаково исключительномъ настроеніи, напр. въ ожиданіи непременно имѣющаго совершиться чуда, въ ожиданіи явленія съ того свѣта, если притомъ каждый въ отдѣльности изъ этихъ людей достаточно приуготовленъ къ галлюцинаціи своимъ душевнымъ возбужденіемъ, экзальтирующею идеею или истощеніемъ отъ умственной и физической дѣятельности, — то нѣтъ ничего мудренаго, если при этомъ произойдетъ коллективная галлюцинація. Сначала кто нибудь одинъ, отличающійся наибольшою нервною раздражительностью, начинаетъ галлюцинировать и заявляетъ напр., что видитъ предметъ, которымъ поглощены мысли присутствующихъ въ настоящую минуту, слышитъ такіе-то слова, — этого довольно, чтобы дать окончательный толчекъ всѣмъ другимъ, всѣ заражаются галлюцинаціею и видятъ и слышатъ одно и тоже, или по крайней мѣрѣ почти одно и тоже. Строго говоря, тутъ заразительна не самая галлюцинація, а то душевное состояніе, естественнымъ послѣдствіемъ котораго является галлюцинація.

Съ коллективными галлюцинаціями мы не разъ встрѣтимся при послѣдующемъ описаніи важнѣйшихъ изъ историческихъ душевныхъ эпидемій, представляющихъ особенно разительные примѣры контагіозности болѣзненныхъ стремленій, чувствъ и идей.

III.

Отъ времени до времени въ исторіи человѣчества являются настоящія повальные болѣзни души — *душевные эпидеміи* въ тѣсномъ смыслѣ. Большею частію эти эпи-

деміи возникаютъ на почвѣ религіознаго чувства. Это понятно почему. Нѣтъ другаго чувства настолько общаго всѣмъ людямъ, настолько всеобъемлющаго и такъ способнаго охватить всю нравственную и умственную природу человѣка. Какъ бы ни были разнообразны религіозныя представленія и идеи у разныхъ народовъ въ различные времена, всѣ они истекаютъ изъ одного корня, изъ религіознаго чувства, въ существѣ своемъ вездѣ одинаковаго и присущаго въ большей или меньшей степени всѣмъ людямъ. Съ религіею часто неразлученъ бываетъ мистицизмъ. Рядомъ съ вѣрою въ высшую непостижимую силу, какъ конечную причину всего существующаго, силу, разумно управляющую вселенною, — идетъ вѣра въ возможность общенія человѣка съ сверхъестественными, таинственными дѣателями, т. е. мистицизмъ. Страсть къ таинственному и чудесному, конечно, всего сильнѣе въ эпоху младенчества науки, во времена невѣжества, но она очень еще сильна и въ нашу «просвѣщенный» вѣкъ.

Независимо отъ формальныхъ вѣрованій, религіозное чувство и мистическія стремленія вообще способны связываться съ страстями весьма разнообразными и часто противоположными одна другой. Въ этомъ то главнымъ образомъ и заключается возможность религіознаго движенія массъ. Совершенно вѣрно выразился одинъ методистскій проповѣдникъ въ разговорѣ къ Диксономъ: «религіозная страсть совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія страсти; вы не можете возбудить ее, чтобы не возбудить и остальныхъ». Всякій знаетъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе фанатической толпы.

Подробное описаніе большихъ душевныхъ эпидемій могло бы занять цѣлые томы. Мы приведемъ только нѣкоторые наиболѣе рѣзкіе примѣры, гдѣ неправильныя и извращенныя мистическія стремленія дѣлались причиною

различныхъ болѣзненныхъ душевныхъ состояній, начиная съ фанатизма и крайней экзальтаціи и до полного экстаза съ галлюцинаціями или до состоянія настоящаго повальнаго сумашествія съ самыми нелѣпыми ложными идеями.

Если горячее одушевленіе, охватившее народы Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ, не выходитъ изъ границъ экзальтаціи, такъ сказать фізіологической, — то *походы дѣтей* во всякомъ случаѣ должны быть отнесены къ экзальтаціи патологической. Самый грандіозный примѣръ этого рода, конечно, представляетъ религіозное движеніе въ средѣ дѣтей въ 1212 году, возникшее одновременно во Франціи и Германіи, въ обѣихъ странахъ совершенно самостоятельно. Въ это время Святая земля давно уже снова была подъ властью Сарациновъ и вотъ между дѣтьми зародилась идея похода въ Палестину для освобожденія Гроба Господня. Во Франціи инициатива движенія принадлежала мальчику пастуху изъ деревни Клуа, по имени Этьену, объявившему себя посланникомъ Бога. Мысль о походѣ въ Палестину быстро распространилась между дѣтьми, которыя, безъ различія званія и состоянія ихъ отцевъ, отовсюду шли на зовъ Этьена. Сыновья графовъ и бароновъ были увлечены движеніемъ одинаково съ бюргерскими и крестьянскими дѣтьми. Явились 10—12 лѣтніе проповѣдники, которые пламенными рѣчами и пророчествами воодушевляли менѣ пылкихъ. Всѣ старанія родныхъ удержать дѣтей отъ ихъ невозможнаго предпріятія не вели ни къ чему; не помогали ни убѣжденія, ни наказанія, ни запиранія подъ замокъ. Тѣ, которыхъ удавалось удержать силою, заболѣвали непонятною болѣзнію, для излѣченія которой не было другаго средства, какъ оставить больныхъ дѣйствовать по ихъ

усмотрѣнію. Въ скоромъ времени около Этьена собралось болѣе 30,000 человѣкъ. Дѣтское войско, съ хоругвями и знаменами во главѣ, при пѣніи религіозныхъ гимновъ, двинулось къ Марсели. Юные крестоносцы были убѣждены, что море разступится передъ ними и что они пройдутъ въ Палестину по суху. Но имъ не суждено было добраться до Іерусалима. Часть ихъ погибла при переѣздѣ черезъ море, оставшіеся же были проданы марсельскими купцами въ рабство Сарацинамъ. Въ Германіи движеніе дѣтей имѣло такой же неудержимый характеръ. Изъ Германіи малолѣтніе воины пошли двумя большими отрядами, около 30,000 человѣкъ въ каждомъ. Только небольшая часть изъ этой массы дѣтей вернулась домой. Большинство же погибло дорогой, особенно при переходѣ черезъ Альпы, многіе потерялись въ приморскихъ городахъ или попали въ рабство къ Сарацинамъ. (Haecker — Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters).

Подобнаго же рода болѣзненное стремленіе къ пилигримству овладѣло дѣтьми многихъ мѣстностей Германіи въ 1458 году. Изъ одного Галля въ Швабіи ушло болѣе тысячи человѣкъ дѣтей. Цѣлю путешествія юныхъ пилигримовъ была гора св. Михаила въ Нормандіи. Ни одинъ изъ нихъ не вернулся домой, всѣ они пропали безъ вѣсти, большая часть, конечно, погибла отъ трудностей путешествія.

Въ XIV столѣтіи опустошеніе многихъ странъ Европы черною смертію подало поводъ къ возникновенію эпидемій самобичеванія и Виттовой пляски. Во время великихъ народныхъ бѣдствій всегда является идея обращенія къ Богу, стремленіе покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти умиловити разгнѣванные небеса. *Бичующіеся*

или *братья Креста* сперва появились въ Венгріи и вскорѣ эпидемія самобичеванія распространилась по большей части Германіи, по Богеміи, Силезіи, Фландріи и Польшѣ. Одѣтые въ грубую одежду, съ нашитыми на груди и спинѣ красными крестами, бичующіеся ходили по городамъ процессіями, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, съ хоругвями и крестами, при пѣніи покаянныхъ каноновъ. Каждый членъ братства имѣлъ большую трехвостную плеть, на концахъ съ нѣсколькими узлами, въ которыхъ были укрѣплены желѣзные острія. Народъ встрѣчалъ эти процессіи съ колокольнымъ звономъ и многіе въ фанатическомъ порывѣ покаянія присоединялись къ бичующимся, такъ что иногда составлялись толпы до 10,000 человекъ. Были также процессіи бичующихся, состоящія изъ дѣтей 10—12 лѣтъ. Члены братства Креста обязаны были поститься и совершать подвигъ покаянія впродолженіи 34 дней (въ память 34-лѣтней земной жизни Спасителя). Бичеваніе производилось два раза въ день, всенародно и торжественно, причемъ эти фанатики, съ молитвой и пѣснопѣніемъ, стегали сами себя и другъ друга своими плетями по голой спинѣ и груди до тѣхъ поръ, пока кровь начинала течь ручьями. Не признавая духовенства, братья Креста сами отпускали другъ другу грѣхи, завладѣвали храмами и совершали въ нихъ богослуженіе. Правительство и церковь были безсильны противъ всеобщаго движенія, хотя императоръ Карлъ IV и папа Климентъ энергически старались положить ему конецъ. Преслѣдованія бичующихся не достигали цѣли, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ братья Креста, какъ еретики, подвергались казни сожженіемъ. Въ этой эпидеміи мы видимъ примѣръ повальной фанатической экзальтаци, по временамъ доводившей до состоянія, близкаго къ экстазу. Ми-

стики, особенно въ состояніи экстаза, вообще склонны къ самотерзанію. Крайне напряженная, сосредоточенная на одной мысли дѣятельность мозга, дѣлаетъ нечувствительными и самыя жестокия тѣлесныя муки. Кромѣ того, въ такихъ случаяхъ, нервное разстройство можетъ также выразиться въ измѣненіи периферической чувствительности, — въ болѣе или менѣе распространенной мѣстной анестезіи или аналгезіи *); бываетъ и такого рода разстройство периферической чувствительности, что тѣ механическія раздраженія, которыя нормально обуславливаютъ ощущенія боли и страданія, напротивъ, вызываютъ ощущеніе *пріятное*.

Еще не успѣла затихнуть эпидемія покаяннаго самобичеванія, какъ возникла новая повальная нервно-психическая болѣзнь, — *эпидемія пляски* св. Іоанна или св. Витта (хореоманія), продолжавшаяся болѣе двухъ столѣтій и охватившая большую часть западной Европы. Болѣзнь выражалась въ слѣдующемъ. По улицамъ и церквямъ собирались большія толпы и люди, взявшись за руки и образовавъ кругъ, по цѣлымъ часамъ предавались конвульсивной пляскѣ, прыгая и ломаясь какъ бы одержимые бѣсами, до тѣхъ поръ, пока падали въ полномъ изнеможеніи. Во время припадка плясуны находились въ экстатическомъ состояніи, были нечувствительны къ внѣшнимъ раздраженіямъ и имѣли галлюцинаціи — напр. полагали себя стоящими въ морѣ крови, видѣли демоновъ, ангеловъ, разверзающіяся небеса и самого

*) *Анестезією* въ медицинѣ называется вообще потеря чувствительности; *аналгезією* — потеря чувства боли, при сохраненной способности осязанія; если рѣзать больного по аналгезическому мѣсту, то боли онъ не чувствуетъ, тогда какъ чувствуетъ вполне ясно прикосновеніе холоднаго ножа.

Бога. Изъ Ахена болѣзнь распространилась по Люттиху, Утрехту, Тонгерну и многимъ другимъ городамъ Нидерландовъ, затѣмъ появилась въ Кельнѣ, Метцѣ, Страсбургѣ и разлилась по всей Германіи. Пораженные болѣзнію, большими толпами, по тысячѣ и болѣе человѣкъ, ходили по городамъ и плясали иногда до послѣдняго издыханія; многіе во время припадка разбивали себѣ головы или бросались въ воду. Съ цѣлю поскорѣе положить конецъ припадку, зрители окружали плясуновъ цѣлыми баррикадами, чтобы больные усиленными прыжками скорѣе истощили свои силы. Народъ бросалъ свои работы и стекался смотрѣть на плясуновъ; зрители, заражаясь болѣзнію, увеличивали число бѣснующихся. Ни духовенство, ни администрація не могли ничего сдѣлать противъ этого повального страданія, бывшаго причиною всеобщаго разстройства въ странѣ. Въ югозападной Германіи эта эпидемія продолжалась до конца XVI вѣка (см. у Haescker'a).

Подобная же народная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ *тарентизма*, господствовала въ Италіи въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Первые свѣдѣнія о ней относятся къ XIV вѣку. Название «тарентизмъ» произошло отъ того, что народъ приписывалъ болѣзнь укушенію ядовитаго тарантула. Тѣ, которые были дѣйствительно укушены тарантуломъ, или только воображали, что они имъ укушены, отъ страха неизбѣжной смерти, впадали въ глубокую меланхолію, въ состояніе отупѣнія и безчувственности къ окружающему. Изъ этого состоянія ихъ могла выводить только музыка, особенно игра на флейтѣ и цитрѣ. При первыхъ звукахъ музыкальнаго инструмента неподвижные до тѣхъ поръ больные открывали глаза и начинали двигаться въ тактъ мелодіи, сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, доходя

до дикой судорожной пляски. Если музыка прекращалась раньше, чѣмъ слѣдовало (раньше чѣмъ болѣзнь «вытанцовывалась»), больной снова впадалъ въ прежнее безчувственное состояніе. Народъ былъ убѣжденъ, что музыка и пляска выгоняютъ ядъ тарантула изъ тѣла и что болѣзнь остается неизлѣченною, если ядъ не весь выйдетъ. Такъ какъ одержимыхъ этою болѣзнію было громадное множество, то въ Италіи вошло въ обычай, что цѣлыя толпы странствующихъ музыкантовъ ходили по городамъ и деревнямъ и специально занимались лѣченіемъ тарентизма. Не успѣвшіе вылѣчиться, оставались больными до слѣдующаго года, до новаго прихода музыкантовъ. Пораженные тарентизмомъ представляли и другія странности. Такъ они отличались особенною страстію къ извѣстному цвѣту, одни къ красному, другіе къ желтому или зеленому. Увидавши на чемъ-нибудь любимый цвѣтъ, больные бросались на него съ изступленіемъ и съ видомъ глубочайшаго наслажденія предавались созерцанію его. Кромѣ того, одержимые тарентизмомъ имѣли страсть къ морю. Одни изъ нихъ проводили цѣлыя дни на морскомъ берегу въ нѣмомъ созерцаніи, другіе въ экстаическомъ упоеніи кидались въ море и погибали. Болѣзнь эта давно уже исчезла, но до сихъ поръ въ Италіи существуетъ народная пляска съ соотвѣтствующими ей старинными мелодіями — тарантелла.

Въ средніе вѣка были особенно распространены эпидеміи демонолатріи и демономаніи, которыя представляютъ рѣзкіе примѣры, какъ извѣстныя представленія становятся эпидемическимъ бредомъ и обусловливаютъ галлюцинаціи одинаковаго содержанія у множества людей.

Демонолатрію называютъ душевную эпидемію, въ которой характеристическую черту бреда составлялъ культъ

дьявола. Какъ могло явиться такого рода безуміе, представить не трудно. Средніе вѣка были временемъ невѣжества, фанатизма и народныхъ бѣдствій. Если съ одной стороны, легко возникали въ эти вѣка религіозныя увлеченія, доходившія до помѣшательства, то съ другой стороны, люди, живо чувствовавшіе свою грѣховность, легко впадали въ другую крайность. Они воображали, что будучи оставлены Богомъ, они подпали подъ власть дьявола и потому сдѣлались способными только на грѣхъ и на зло. Болѣзненная экзальтація доводила до галлюцинацій зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и эти особаго рода фанатики вполне убѣждались, что они видятъ дьявола лицомъ къ лицу, вступаютъ съ нимъ въ самыя интимныя отношенія, участвуютъ на шабашѣ. Отдѣльныя, особенно впечатлительныя личности, первыми поразившись болѣзнію, заражали ею другихъ. Нервныя женщины и дѣвушки страдали этою болѣзнію по преимуществу. Число вѣдьмъ и колдуновъ за тѣ вѣка, въ которые вѣрованіе въ возможность близкаго общенія съ дьяволомъ было всеобщимъ, — громадно. Признанія и показанія ихъ замѣчательны своимъ однообразіемъ. Все это множество людей признавали дьявола своимъ божествомъ и увѣряли, что они совершаютъ торжественное поклоненіе сатанѣ, собираясь на такъ называемой *шабашъ*, гдѣ производились всяческія безчинства и безобразія. Служители дьявола естественно полагали, что на нихъ наложена обязанность совершать какъ можно болѣе зла и вотъ они признаются въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ — въ безобразномъ кощунствѣ, въ ужасающемъ развратѣ, въ дѣтоубійствахъ, въ похищеніи труповъ съ кладбищъ, въ людоедствѣ. Преступленія эти большею частію существовали только въ воображеніи несчастныхъ. Шабашъ съ его отвратительными картинами былъ общею галлюци-

націею для всѣхъ демонолатровъ. Въ томъ состояніи болѣзненной экзальтаціи и общаго нервнаго разстройства, въ которомъ находились эти люди, галлюцинаціи весьма естественны. Впрочемъ вѣдьмы и колдуны иногда прибѣгали также къ помощи искусственныхъ средствъ и собираясь на шабашъ, натирали тѣло особенными волшебными мазями, состоящими изъ наркотическихъ веществъ.

Вскорѣ по возникновеніи эпидеміи дьяволопоклонства (въ XIII столѣтіи) начались преслѣдованія приверженцевъ этого культа. Религіозную санкцію преслѣдованіе вѣдьмъ и колдуновъ получило вслѣдствіе буллы «*summis desiderantes*» папы Иннокентія VIII въ 1484 году. Съ этого времени повсемѣстно запылали костры, на которыхъ вѣдьмы сжигались живыми. Достаточно было бросить на женщину подозрѣніе въ вѣдовствѣ и несчастную подвергали страшнѣйшимъ пыткамъ, до тѣхъ поръ, пока не исторгали у ней признанія въ общеніи съ дьяволомъ. Признавшіяся указывали на другихъ лицъ, будто бы видѣнныхъ ими на шабашѣ и этимъ послѣднимъ также неизбѣжно предстояли пытки и казнь сожженіемъ. Нерѣдко дѣти своимъ признаніемъ взводили на костеръ своихъ родителей, будто бы водившихъ ихъ на шабашъ. Въ XVII вѣкѣ было особенно много добровольно каявшихся вѣдьмъ, такъ какъ таковыхъ, въ уваженіе ихъ чистосердечнаго раскаянія, обезглавливали или вѣшали, вмѣсто казни огнемъ. Насколько судьи были предубѣждены противъ обвинявшихся въ вѣдовствѣ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ одномъ процессѣ нѣсколько женщинъ были обвинены въ томъ, что будто бы онѣ вырыли трупъ ребенка и употребили его для приготовленія какого-то волшебнаго снадобья. Мужъ одной изъ обвиненныхъ, стараясь доказать невинность жены, добился, чтобы была вскрыта могила этого ребенка и трупъ оказался непо-

врежденнымъ. Судьи рѣшили, что присутствіе въ могилѣ неповрежденнаго трупа есть не болѣе какъ дьявольское навожденіе и обвиненныя, послѣ признанія на пыткѣ, были сожжены. Тысячи женщинъ, однако, болѣе самихъ судей, были убѣждены въ своей близости къ дьяволу; пытки и костры только увеличивали число такихъ убѣжденныхъ вѣдьмъ. Дойдя до крайней степени нервнопсихическаго разстройства, онѣ иногда не чувствовали мученій и въ то время, когда ихъ пытали, увѣряли, что благодаря дьявольской власти, онѣ испытываютъ величайшія наслажденія. Повальное заблужденіе судей, равно какъ и всѣхъ классовъ общества тѣхъ временъ, не менѣе замѣчательно эпидемической болѣзни несчастныхъ жертвъ.

Волшебство т. е. искусство пользоваться нечистою силою для тѣхъ или другихъ личныхъ цѣлей, — представляетъ одну изъ формъ демонопатіи. При папѣ Юліѣ II въ Италіи были сожжены на кострѣ много тысячъ людей, признавшихся въ томъ, что они помощью волшебства причиняли смерть дѣтямъ. Большинство изъ этихъ несчастныхъ были женщины, которыя увѣряли, будто бы онѣ, превратившись въ кошекъ, прокрадывались въ дома и высасывали кровь изъ новорожденныхъ дѣтей. «Изъ всей этой трагедіи, говоритъ Литтре, подтвержденной со всѣхъ сторонъ, скрѣпленной показаніями колдунновъ и засвидѣтельствованной торжественнымъ судомъ инквизиціи, замѣчательно одно, — именно то, что не смотря на такое множество умерщвленныхъ дѣтей, смертность не увеличилась и число жителей не уменьшилось».

Демономанія есть другая эпидемія также особенно свирѣпствовавшая въ средніе вѣка. Происхожденіе ея такое же какъ и разсмотрѣнной выше эпидеміи демоно-

латріи, но припадки другіе. Здѣсь на первый планъ выступаютъ не столько ложныя идеи и галлюцинаціи, сколько судороги и потому эту болѣзнь называютъ также эпидемическою гистеро-демономаніею. Одержимые этою болѣзнію полагаютъ, что въ нихъ вселяются бѣсы, которымъ они и приписываютъ свои слова и поступки. Идея бѣсноватости здѣсь явилась какъ объясненіе судорогъ, о которыхъ мы уже знаемъ, что онѣ способны къ эпидемическому распространенію, — объясненіе соотвѣтственное духу тѣхъ временъ. Женскіе католическіе монастыри въ эти вѣка невѣжества и суевѣрія представляли наиболѣе благопріятныя условія для развитія этого страданія.

Припадки бѣсноватыхъ, о которыхъ могутъ дать нѣкоторое понятіе истерическія судороги нашихъ кликушъ, состояли въ различныхъ конвульсіяхъ — сведеніяхъ тѣла, ломаніяхъ, прыжкахъ и кувырканьяхъ, въ произвольномъ смѣхѣ, крикѣ, подражаніяхъ звукамъ, издаваемымъ животными. Нѣкоторыя больныя во время припадка ходили на головѣ или лазали по деревьямъ. Многія отличались чрезмѣрной болтливостью. Иногда бѣсноватыя впадали въ состояніе сомнамбулизма, въ которомъ двигались и говорили безсознательно. Другія, впадъ въ экстазъ, говорили длинныя рѣчи и проповѣди. Чувствуя себя двигающимися произвольно, подъ вліяніемъ какой-то силы, посторонней ихъ личности, такого рода больныя естественно приходили къ мысли, что внутри ихъ поселился бѣсъ. Прежній характеръ совершенно измѣнялся у женщинъ, впадшихъ въ гистеро-демономанію; нравственное чувство, стыдливость исчезали и мысль обращалась большею частію на нечистые предметы. Бѣсноватыя нерѣдко взводили на безвинныхъ людей ужасныя преступленія а иногда и самимъ себѣ приписывали небы-

валыя злодѣйства. И у демономановъ галлюцинаціи различныхъ чувствъ были весьма обыкновенны; бѣсноватыя въ очію видѣли дьяволовъ, осязали ихъ, и пр. Какъ у всѣхъ истерическихъ больныхъ у нихъ были различныя ненормальныя ощущенія въ тѣхъ или другихъ частяхъ тѣла, анестезіи, мѣстныя извращенія чувствительности. Разстройство чувствительности въ половыхъ органахъ встрѣчалось весьма часто, при чемъ ложныя идеи и галлюцинаціи отличались эротическимъ характеромъ. Заразительность гистеро-демоніи ясна уже изъ того, что во многихъ случаяхъ достаточно было удалить больныхъ отъ мѣста развитія болѣзни и онѣ чувствовали себя лучше и выздоравливали; но отъ одного напоминанія о монастырѣ съ его бѣсами, припадки снова возобновлялись.

Изъ безчисленныхъ примѣровъ гистеро-демоніи приведу одинъ*). Въ XVII столѣтіи возбудила всеобщій интересъ исторія *Луденскихъ монахинь* монастыря св. Урсулы. Монахинями, какъ оказалось при слѣдствіи, произведенномъ по повелѣнію короля Людовика XIII, овладѣли бѣсы. Къ матери игуменьи привязалось четыре бѣса сразу — бѣсы чревоугодія, сладострастія, злобы и тщеславія — которые мучили ее несказанно. Кромѣ обычныхъ конвульсій бѣсноватыхъ, эти монахини, по свидѣтельству очевидцевъ, могли говорить на незнакомыхъ имъ прежде языкахъ, предсказывать будущее, угадывать тайны. Кромѣ того игуменья Жанна представляла явленіе такъ-называемой «стигматизаціи»; такъ, однажды во время припадка у ней на лбу, на глазахъ свидѣтелей,

*) Подробное описаніе различныхъ случаевъ эпидемической демоніи и другихъ нервно-психическихъ эпидемій XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій заключается въ классическомъ трудѣ Calmeil'а—*De la folie, considérée au point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire*, 1845.

образовался кровавый крестъ; въ другой разъ на рукѣ ея вышли кровавыя буквы, составившія слова «Іосифъ». Если исключить преувеличенія, то окажется, что монахини страдали припадками гистеро-эпилептоидныхъ судорогъ, имѣли галлюцинаціи, впадали въ состоянія сомнамбулизма и экстаза, при чемъ произносили рѣчи, иногда по-латыни (въ нормальномъ состояніи онѣ знали по-латыни плохо). Что касается до явленія стигматизаціи, то можно полагать, что оно дѣйствительно было. Понятно, что такое явленіе можетъ быть вызвано и искусственно или просто поддѣлано, но оно можетъ быть также натуральнымъ и неподдѣльнымъ, какъ показываетъ примѣръ современной намъ бельгійской стигматички, Луизы Лато, подвергавшейся наблюденіямъ многихъ врачей и цѣлой комиссіи бельгійской медицинской академіи. Объясненіе происхожденія стигматизаціи отвлекло бы насъ всторону отъ предмета настоящей статьи и потому мы только скажемъ, что это явленіе вполне объяснимо наукою и можетъ происходить натуральнымъ путемъ, безъ вмѣшательства сверхъестественныхъ дѣятелей. Луденскія монахини обвиняли аббата Урбана Грандье въ томъ, что будто бы онъ, будучи въ короткихъ сношеніяхъ съ сатаною, напустилъ на нихъ бѣсовъ и что онъ самъ будто бы не разъ являлся къ нимъ по ночамъ съ цѣлями, далеко не благовидными. Слѣдователи нашли несчастнаго аббата дѣйствительно виновнымъ; послѣ жестокой пытки, на которой онъ признался въ мнимыхъ преступленіяхъ, Грандье былъ сожженъ живымъ на кострѣ (1633). Впечатлѣніе, произведенное въ народѣ этой исторіей было настолько велико, что многія женщины мірянки изъ мѣстностей, сосѣднихъ съ монастыремъ, тоже заболѣли гистеро-демономанією, такъ что эпидемія распространилась за предѣлы монастыря.

Такъ-называемая *зоантропія* представляетъ одно изъ видоизмѣненій демономаніи. При этой психической болѣзни человѣкъ считаетъ себя превращеннымъ въ животнаго, чаще всего въ волка, причемъ самая болѣзнь называется *ликантропіею*. По убѣжденію, распространенному въ средніе вѣка, человѣкъ могъ превращаться въ животное или при помощи дьявольской силы, или же такое превращеніе могло быть Божескимъ наказаніемъ за грѣхи. Въ XIV и XV вѣкѣ ликантропія была эпидемически распространена между крестьянами въ глухихъ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ волками. Всего чаще больные, впавъ въ состояніе экстаза или въ глубокій болѣзненный сонъ, вызывавшійся иногда при помощи волшебныхъ (наркотическихъ) мазей, полагали что они бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ въ образѣ волка, разрываютъ могилы, пожираютъ дѣтей и т. п. Нѣкоторые доходили до полного безумія и, видя въ своихъ галлюцинаціяхъ тѣло свое покрытымъ шерстью, лапы какъ у волка и пр., на четверенькахъ бѣгали по глухимъ мѣстамъ, были по волчьи и бросались на людей. Попытки и костры были такъ же безсильны противъ ликантропіи, какъ и противъ другихъ нервно-психическихъ эпидемій и нисколько не способствовали къ искорененію болѣзни; въ послѣдствіи она исчезла сама собою.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ликантропія тѣсно связывалась съ *вампиризмомъ*. Вампиры, выходцы изъ гробовъ, въ народныхъ вѣрованіяхъ встрѣчаются весьма часто. Въ началѣ XVIII вѣка боязнь выходящихъ изъ могилъ мертвецовъ разрослась до размѣровъ настоящей душевной эпидеміи — во многихъ мѣстахъ Венгріи, Моравіи, Силезіи и Лотарингіи. Народъ полагалъ, что мертвецы въ томъ или другомъ видѣ — въ образѣ человѣка, волка или различныхъ страшилищъ — выходятъ по ночамъ изъ могилъ,

забираются въ дома и вбиваются въ горло своихъ жертвъ, высасывая ихъ кровь; число людей, лично видѣвшихъ этихъ выходцевъ изъ гробовъ, было весьма значительно.

Особенно часто повторяются въ исторіи душевныя эпидеміи, которыя, по примѣру Калмейля, можно обозначить общимъ именемъ *теоманіи*. Мысль теомановъ сосредоточена на религіозныхъ представленіяхъ, на идеѣ о Богѣ, о непосредственномъ общеніи съ нимъ, объ ангелахъ и пр. Обыкновенно теоманы считаютъ себя пророками и полагаютъ, что устами ихъ глаголетъ самъ Богъ. Понятно, что исключительное сосредоточеніе мысли на религіи бываетъ при различныхъ степеняхъ психическаго страданія. Умалишенные, которые встрѣчаются въ больницахъ подъ діагностикою «*mania religiosa*», представляютъ только одну изъ крайнихъ степеней душевнаго расстройства. Къ теоманіи же слѣдуетъ причислить и тѣ случаи, гдѣ расстройство души выражается только въ болѣзненной экзальтаціи съ галлюцинаціями, какъ напр. у Магомета, у Жанны д'Аркъ. Мы приведемъ наиболѣе замѣчательныя изъ теоманическихъ эпидемій, выбирая такіе примѣры, въ которыхъ психо- и нервно-патическіе симптомы особенно рѣзки.

Одною изъ такихъ эпидемій былъ *анабаптизмъ* (XVI стол.) Фанатизмъ и религіозная экзальтація были главною причиною злодѣйствъ, совершенныхъ анабаптистами. Когда «духъ Божій» сходилъ на этихъ фанатиковъ, они проповѣдывали и пророчествовали, причемъ съ ними обыкновенно дѣлались конвульсивныя припадки, въ родѣ тѣхъ, какъ у бѣсноватыхъ. Многіе впадали въ экстатическое состояніе, во время котораго видѣли Бога, ангеловъ и получали откровеніе свыше. Подъ вліяніемъ религіознаго бреда, анабаптисты перѣдко убивали своихъ близкихъ

родственниковъ и совершали самоубійства, полагая принести жертву, угодную Богу.

Въ XVII вѣкѣ преслѣдованія кальвинистовъ въ провинціяхъ Дофинѣ и Севеннахъ обусловили между ними возникновеніе эпидеміи пророчествованія. Гонимымъ было неоткуда ждать другой помощи себѣ, какъ съ неба и увѣренность ихъ въ заступничество свыше была такъ велика, что безоружныя толпы крестьянъ выходили противъ королевскихъ войскъ, нисколько не сомнѣваясь, что одного дуновенія или заклинанія достаточно для обращенія врага въ бѣгство. Даромъ пророчества между севеннскими реформатами особенно обладали женщины и дѣти. Экзальтированные крестьяне подвергались такимъ припадкамъ. Сначала наступало состояніе экстаза съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ внѣшняго міра, причемъ больные имѣли галлюцинаціи, видѣли ангеловъ, Бога и т. п. Во второмъ стадіѣ припадка безчувственный больной подвергался страшнымъ конвульсіямъ. Затѣмъ онъ приходилъ въ себя и начиналъ проповѣдывать и пророчествовать. Иногда эти проповѣди, для необразованныхъ крестьянокъ Лангедока, весьма краснорѣчивыя, произносились безсознательно, какъ это бываетъ у сомнамбулистовъ, такъ что послѣ припадка у больныхъ не оставалось о нихъ никакого воспоминанія. Но и когда проповѣдованіе происходило при полномъ сознаніи, оно все-таки было невольнымъ. Больной чувствовалъ, что языкъ его дѣйствуетъ самъ собою, безъ участія его воли, и по окончаніи припадка проповѣдникъ не могъ повторить только-что произнесенной имъ рѣчи. Севеннскіе пророки полагали поэтому, что языкомъ ихъ управляетъ ангелъ Божій или самъ Богъ, вкладывающій въ ихъ уста тѣ слова, которыя они должны произносить. Въ началѣ се-

венской эпидеміи даръ пророчества имѣли немногіе, наиболѣе экзальтированные, но впослѣдствіи, когда экзальтація достигла высокой степени и сдѣлалась общею, и даръ пророчества распространился почти на всѣхъ. Этотъ даръ могъ быть передаваемъ отъ одного къ другому черезъ дуновеніе, или черезъ поцѣлуй. Пророчествовали даже дѣти 3 — 4 лѣтъ. Р. Despine (De la folie. 1875) указываетъ на слѣдующее замѣчательное обстоятельство, весьма характеристичное для контагіозности психопатическихъ состояній. Правовѣрные католики, конечно не раздѣлявшіе идей камизаровъ и ихъ экзальтаціи, будучи свидѣтелями судорожныхъ и экстатическихъ припадковъ севеннскихъ кальвинистовъ, сами заражались болѣзнію, и начинали подвергаться такимъ же припадкамъ; еще болѣе замѣчательно то, что католики во время припадковъ проповѣдывали въ духѣ кальвинистовъ и поносили папизмъ.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка свирѣпствовала между янсенистами эпидемія, названная *конвульсіонаризмомъ*. Происхожденіе ея таково. Янсенистскій діаконъ Франсуа (de Paris), фанатикъ и строгій подвижникъ, уморил себя постомъ. Янсенисты причли его къ лику святыхъ и стали собираться на поклоненіе къ его могилѣ на кладбищѣ церкви св. Медара. Однажды на кладбищѣ съ однимъ изъ поклонниковъ сдѣлался припадокъ судорогъ. Этого было довольно чтобы заразить болѣзнію и другихъ. Въ началѣ судороги были сравнительно слабы и дѣлались только на самомъ кладбищѣ, куда стекались большія толпы на поклоненіе святому. Позже припадки у больныхъ стали повторяться по нѣсколько разъ на дню во всякомъ мѣстѣ, какъ въ домахъ, такъ и на улицахъ — и болѣзнь распространилась по всему Парижу, даже между людьми,

не принадлежавшими къ янсенистамъ. Конвульсіонеровъ было много между всѣми классами общества, болѣе всего въ нисшемъ сословіи.

Во время судорожнаго припадка больные бились и бросались изъ стороны въ сторону съ такою силою, что ихъ невозможно было удержать. Затѣмъ слѣдовало состояніе экстаза, причемъ больные проповѣдовали и пророчествовали. Въ другихъ случаяхъ экстазъ являлся въ каталептической формѣ, больной лежалъ молча и неподвижно, въ оцѣпенѣніи, совершенно безчувственный, всецѣло занятый своими галлюцинаціями. Такъ какъ мышечное чувство при этомъ терялось и внѣшнія воспріятія прекращались, то неудивительно, что больные во время этого стадія припадка часто считали себя вознесенными на воздухъ, парящими въ пространствѣ. Иногда припадокъ принималъ форму сомнамбулическаго состоянія и больной автоматически произносилъ отдѣльныя фразы изъ Св. Писанія или же слова, неимѣющія никакого смысла. Эти отрывистыя рѣчи цѣпились окружающими, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онѣ были непонятны.

Въ промежуткахъ между припадками конвульсіонеры находились въ постоянной экзальтаціи и вели аскетическую жизнь. Строжайшій постъ и непрерывныя бдѣнія нерѣдко доводили ихъ до смерти отъ истощенія. Но этимъ распинанія плоти не ограничивались. Фанатики подвергали себя добровольнымъ пыткамъ и мученіямъ, бичевались, вбивали себѣ гвозди подъ ногти, вырывали кусками мясо изъ своего тѣла, заставляли другихъ бить себя нещадно камнями или палками и увѣряли, что во время этихъ терзаній они чувствуютъ неописуемыя наслажденія. Нѣкоторые добровольно осуждали себя на мучительную смерть. Многіе изъ свидѣтелей припадковъ конвульсіонеровъ, вовсе не раздѣляя идей и экзальтаціи янсенистовъ,

однако заражались ихъ нервно-психическою болѣзнію и подвергались такимъ же припадкамъ конвульсій и экстаза.

Нашъ «просвѣщенный» XIX вѣкъ имѣетъ свои нервно-психическія эпидеміи и въ этомъ отношеніи мало отличается отъ вѣковъ варварства. Въ 1842—44 г. въ деревняхъ центральной части Швеціи распространилась эпидемія, которую называли *mal de prédication* или *Pre-digerkrankheit*. Она началась съ провинціи Смаландъ, гдѣ явилась пророчица Лиза Андеръ, 16-ти-лѣтняя дѣвушка, уже раньше страдавшая судоржными припадками. Лиза Андеръ заразила окружающихъ ее женщинъ и скоро въ болѣзнь достигла широкаго распространенія, преимущественно между женщинами, дѣвушками и дѣтьми. Припадки происходили слѣдующимъ образомъ. Больная падала, теряя сознаніе и подвергалась сильнымъ конвульсіямъ, подобнымъ истерическимъ. Затѣмъ наступало состояніе экстаза съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ внѣшняго міра. На пророчицу находилъ Св. Духъ, какъ думалъ народъ. Больная, лежа на спинѣ съ закрытыми глазами, начинала «выкликать» (подобно нашимъ кликушамъ) слова и фразы, обыкновенно имѣвшія смысломъ воззваніе къ вѣрѣ и покаянiю. Иногда больныя произносили длинныя проповѣди, развивая истины вѣры и искусно цитируя подходящіе мѣста изъ Св. Писанія; а между тѣмъ это были люди неразвитые и невѣжественные, въ нормальномъ состояніи съ трудомъ связывавшіе нѣсколько фразъ. Многія пророчествовали о грядущихъ событіяхъ въ наказаніе людей за грѣхи и о близкомъ концѣ міра. Придя въ себя больныя рассказывали, что онѣ были въ аду или въ раю и видѣли въ очію блаженство праведниковъ и муки грѣшниковъ. Административныя мѣры къ подавленію эпидеміи не достигали цѣли. Даже въ промежуткахъ между припадками у многихъ стремленіе къ проповѣдничеству

было такъ неодолимо, что они, будучи лишены, благодаря строгости полиціи, возможности проповѣдывать при народѣ, удалялись въ уединенныя мѣста и тамъ держали рѣчи.

Въ 1852 г. была невропатическая эпидемія между 9—13 лѣтними дѣвушками деревни Нидерэггененъ въ Баденѣ. Съ дѣтьми, сначала въ школѣ и въ церкви, а потомъ и дома стали дѣлаться судоржные припадки, въ родѣ пляски св. Витта. Послѣ конвульсій больныя впадали въ состояніе, подобное сомнамбулизму, въ которомъ они автоматически молились, пѣли гимны, цитировали св. Писаніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ судороги прекратились и дѣвочки, повидимому здоровыя, работали, учились какъ и до болѣзни. Однако еще долгое время ежедневно продолжали повторяться экстатическіе припадки, при чемъ дѣти проповѣдывали и пророчествовали, подвергаясь въ то же время галлюцинаціямъ мистическаго свойства.

Въ 1857 году въ Шабле въ Савойи возникла *эпидемія бѣсноватости*. Дѣло началось такъ. 9-ти лѣтняя дѣвушка, послѣ сильнаго испуга, стала ежедневно на нѣкоторое время впадать въ летаргическій сонъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ присоединились судоржные припадки. Конвульсіи, совершенно подобныя тѣмъ, какія бывали у средневѣковыхъ бѣсноватыхъ, начинались по окончаніи летаргій. Больная увѣряла, что причина ея припадковъ— вселившійся въ нее бѣсъ. Вскорѣ и другія дѣти заразились болѣзнію и число бѣсноватыхъ возрасло до нѣсколькихъ десятковъ. Больные бѣгали по лѣсамъ и полямъ, лазали по деревьямъ съ ловкостью обезьянъ, корчились въ ужаснѣйшихъ судорогахъ, кричали дикими голосами, богохульствовали и т. п. Мѣстный епископъ своими стараніями изгнать бѣсовъ еще болѣе раздулъ эпидемію и болѣзнь перешла и на взрослыхъ. Когда присланный правительствомъ врачъ отстранилъ духовенство и разъ-

единили больных, эпидемія затихла. Но въ 1864 году лишь только прежній епископъ опять явился на мѣсто дѣйствія бѣсовъ, болѣзнь разомъ вспыхнула снова. Не трудно представить, что произошло въ церкви, куда епископъ собралъ до 70 больныхъ, съ цѣлю торжественнаго заклинанія бѣсовъ... Впослѣдствіи эпидемія прекратилась сама собою.

Въ наше время особенно сильны религіозныя движенія въ Америкѣ, отличающіяся обыкновенно соціально-революціоннымъ характеромъ и подающія поводъ къ возникновенію многочисленныхъ сектъ и ученій, часто весьма странныхъ. Движеніе возникаетъ во время какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій и катастрофъ, напр. во время голода, или послѣ финансоваго кризиса; при такихъ условіяхъ въ людяхъ легко возраждается съ небывалою силою идея обращенія къ Богу. Являются фанатическіе апостолы, энергически ведущіе дѣло «пробужденія» (revivalist); странствуя съ мѣста на мѣсто, они пламенными рѣчами возбуждаютъ народъ, уже предрасположенный къ движенію. Проповѣди обыкновенно происходятъ передъ массою слушателей, подъ открытымъ небомъ (camp-meetings) и нерѣдко доводятъ экзальтацію толпы до изступленія, разрѣшающагося слезами, произвольными криками и судоржными припадками. Заразительность экзальтаціи такъ велика, что къ движенію примыкаютъ люди, незнавшіе раньше другаго бога кромѣ денегъ. Вѣроучители, какъ бы ни казались странны и даже нелѣпы ихъ ученія, во время «пробужденія» легко находятъ послѣдователей и становятся основателями новыхъ сектъ. «Среди такихъ-то нравственныхъ и духовныхъ движеній, говоритъ Диксонъ (Новая Америка) возникли и окрѣпли всѣ новыя религіи, всѣ новыя общины Америки, не только бѣдные тункеры, воинственные мормоны, безбрачные ше-

керы, но и могущественные методисты, строгіе пресвитеріане и пламенные универсалисты». Высокая степень экзальтаціи часто разрѣшается у этихъ сектаторовъ въ различныхъ невропатическихъ припадкахъ, при чемъ одно или нѣсколько лицъ заражаютъ цѣлую толпу. Такъ методисты по совершеніи богослуженія поютъ общимъ хоромъ духовныя пѣсни, при чемъ раздражаются рыданіями, истерическимъ смѣхомъ и падаютъ на полъ въ конвульсіяхъ. Шекеры въ своихъ общихъ собраніяхъ при пѣніи гимновъ становятся кругомъ, взявшись другъ съ другомъ за руки и впадъ въ экстатическое состояніе подвергаются конвульсіямъ, при чемъ трясутся, кружатся и прыгаютъ иногда по цѣлымъ часамъ. Не только во время этихъ припадковъ, но и въ промежуткахъ между ними шекеры часто имѣютъ галлюцинаціи, видятъ духовъ, разговариваютъ съ ними и получаютъ отъ нихъ откровенія.

Нельзя не упомянуть о своеобразной эпидеміи, чисто галлюцинаціоннаго характера, возникшей въ прирейнскихъ областяхъ, именно въ герцогствѣ Баденскомъ и въ Эльзасѣ, во время франкопрусской войны. Извѣстно, что на старыхъ стеклахъ, особенно когда на нихъ насыдетъ тонкая пыль, можно усмотрѣть неясныя и неопредѣленныя фигуры. Прирейнскіе крестьяне, взволнованные текущими событіями, бѣдствіями и страхами военного времени, стали видѣть на стеклахъ домовъ и церквей различныя опредѣленные фигуры и образы, — кресты, изображенія мадоннъ и святыхъ, или солдатъ, пушки, оружіе и потому подобныя религіозныя или воинственныя знаменія. По словамъ Despine'a, тысячи людей были захвачены этою иллюзивно-галлюцинаторною эпидеміею, крестьяне бросили свои работы и цѣлыя деревни по нѣскольکو часовъ въ день занимались созерцаніемъ оконныхъ стеколъ, усматривая на нихъ одни и тѣ же зна-

менія. Начавшись въ Раштадтѣ въ Баденѣ, эпидемія перешла во Францію, въ Виссембургскій округъ, и распространилась до Страсбурга, но черезъ непродолжительное время прекратилась (см. у Despine'a).

Въ самое недавнее время, именно въ 70-хъ годахъ, въ Европѣ снова проявилась *эпидемія спиритизма*, заглянувшая и къ намъ въ Россію. Мы не будемъ подробно описывать тѣхъ явленій, на которыхъ основывается вѣра спиритистовъ въ «духовъ»; съ этими явленіями публику достаточно познакомили русскіе спиритисты — гг. Аксаковъ, Бутлеровъ и Вагнеръ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи этой эпидеміи и о такъ называемыхъ «спиритическихъ явленіяхъ», не подвергая однако послѣднихъ подробной критикѣ (что сдѣлано и безъ насъ — въ Англіи Карпентеромъ, въ Германіи Вундтомъ, у насъ частію Шкляревскимъ и друг.) и укажемъ, что главная часть этихъ явленій легко объяснима на основаніи приводимыхъ въ этомъ этюдѣ явленій экзальтаціи, экстаза, безсознательной мышечной дѣятельности, галлюцинацій и нервно-психической контагіозности, въ особенностяхъ же на основаніи нижеупоминаемыхъ явленій гипнотизаціи.

Спиритизмъ возникъ въ Америкѣ. Въ 1847 году семейство Фоксъ поселилось въ одномъ домѣ въ Гидесвиллѣ (близъ Рочестера, въ штатѣ Массачусетсъ) и съ тѣхъ поръ въ этомъ домѣ съ разныхъ сторонъ стали слышаться необъяснимыя постукиванія. Живущіе въ домѣ составили условный алфавитъ, при помощи котораго невидимый виновникъ стука могъ, постукивая, разговаривать съ ними. Тогда обнаружилось, что стучить никто иной какъ «духъ» покойнаго Чарльза Рэй, когда-то бывшаго владѣльцемъ этого дома. Впослѣдствіи оказалось, что необычайныя явленія замѣчались только въ присутствіи двухъ сестеръ,

Маргариты и Катерины Фоксъ; куда-бы онѣ ни отправились, вездѣ ихъ сопровождали таинственные стуки. Слава объ этихъ сестрахъ, пользующихся особымъ расположеніемъ «духовъ» или душъ прежде жившихъ людей, распространилась по всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ и потомъ порешла въ Европу. Позже, когда сестры Фоксъ были подвергнуты внимательному изслѣдованію комиссіею ученыхъ, было найдено, что одна изъ сестеръ способна производить особаго рода звуки, щелкая сухожиліемъ произвольно сокращаемой мышцы о наружную лодыжку... Тѣмъ не менѣе, вѣра въ существованіе духовъ успѣла уже пустить корни въ Америкѣ. Скоро былъ найденъ слѣдующій способъ общенія съ духами. Лица, вѣрующія въ духовъ, усаживаются, въ приличномъ случаѣ настроеніи, вокругъ стола, положивъ на него свои руки. Черезъ нѣсколько минутъ глубокаго молчанія столъ начинаетъ двигаться, наклоняться изъ стороны въ сторону, постукивая ножками; все это происходитъ безъ всякаго активнаго дѣйствія лицъ, сидящихъ за столомъ. Какъ «столоверченіе», такъ и всѣ другія «спиритическія явленія», о которыхъ мы упомянемъ ниже, совершаются только тогда, если въ числѣ лицъ, устраивающихъ спиритическій «сеансъ», находится «медіумъ», т. е. лице, по натурѣ своей особенно способное быть посредникомъ между людьми и духами. Для болѣе чудесныхъ спиритическихъ явленій требуются и болѣе сильные медіумы. Увѣряютъ, что иногда при спиритическихъ сеансахъ стукъ происходитъ не отъ движеній стола, а отъ другихъ неизвѣстныхъ источниковъ, напр. постукиванія раздаются въ разныхъ углахъ комнаты, то подъ столомъ, то какъ-будто въ стѣнахъ. Впослѣдствіи спиритисты составили условную азбуку и духи, постукивая извѣстное число разъ, стали давать отвѣты на предлагаемые имъ вопросы. Поз-

же вошелъ въ употребленіе другой способъ веденія бесѣды съ духами. Устроивался циферблатъ съ нарисованными на немъ буквами, снабженный подвижною стрѣлкою; послѣдняя указывала послѣдовательно на различныя буквы, если она находилась въ связи со столомъ, за которымъ сидѣлъ медиумъ, или если послѣдній (не смотря на алфавитъ) держалъ руки на особой доскѣ, имѣвшей связь со стрѣлкою азбучнаго указателя. Такимъ образомъ могли быть получаемы различныя сообщенія отъ духовъ, какъ, напр., приведенное нами въ предъидущемъ этюдѣ сообщеніе относительно загробной жизни, полученное химикомъ Гэромъ отъ духа своего отца. Наконецъ, явились прямо «пишущіе» и «говорящіе» медиумы. Пишущіе медиумы, находясь подъ наитіемъ духовъ, пишутъ на бумагѣ сообщеніе духа, который будто-бы невидимо водить ихъ рукою. Говорящій медиумъ, впадъ въ «трансъ», т. е. ставъ орудіемъ вселившагося въ него духа, пророчествуетъ, говоритъ (по увѣренію спиритистовъ) на неизвѣстныхъ ему прежде языкахъ и пр. Спиритуализмъ, т. е. вѣра въ духовъ и въ возможность общенія съ ними здѣсь, на землѣ, быстро распространился по Америкѣ. Уже въ 1850 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было 30,000 спиритическихъ кружковъ (въ одной Филадельфіи около 300), въ 1856 г. число спиритистовъ въ Сѣверной Америкѣ дошло до 2,500,000, къ 1870 г. увеличилось до 8,000,000. Американскіе спириты образуютъ многочисленныя общества и имѣютъ обширную литературу.

Изъ Америки спиритуализмъ перешелъ въ Европу, и достигъ довольно значительнаго распространенія во Франціи и въ Англіи. Французскій спиритуализмъ, созданный Алланомъ Кардекомъ и Піераромъ, какъ ученіе во многомъ отличается отъ американскаго спиритуализма. Аме-

риканскіе спиритуалисты отвергли христіанство и создали свою религію, основанную исключительно на вѣрѣ въ духовъ, на общеніи съ послѣдними и на непосредственномъ откровеніи изъ загробной жизни.

Нѣкоторые американскіе медіумы достигнувъ извѣстности, пользуются своею медіумичностью какъ средствомъ къ наживѣ. Такого рода медіумы пріѣзжаютъ въ Европу, гдѣ даютъ, за извѣстную плату, сеансы и часто заставляютъ многихъ увѣровать въ духовъ. Но будучи призваны для произведенія спиритическихъ явленій въ кружокъ ученыхъ, эти медіумы всегда оказываются безсильными. Такъ потерпѣли крушеніе въ Петербургѣ извѣстные медіумы Юмъ и Слэдъ, производившіе большое удивленіе своими сеансами въ разныхъ городахъ Европы. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые извѣстные ученые если не вполне обратились въ спиритизмъ, то увѣровали въ реальность всѣхъ, даже самыхъ чудесныхъ спиритическихъ явленій; примѣры—Гэръ, Крукъ, Цѣльнеръ, Ульрици, Бутлеровъ, Вагнеръ и друг.

Въ спиритическихъ явленіяхъ, какъ они описываются въ спиритической литературѣ, много преувеличеннаго, неточнаго, а частію и прямо вымышленнаго. Безъ сомнѣнія, медіумы по профессіи суть въ значительной мѣрѣ фокусники. Но и та часть спиритическихъ явленій, реальность которой не подлежитъ сомнѣнію, весьма существенно зависитъ не столько отъ силы медіума, сколько отъ его умѣнья дѣйствовать на лица, составляющія спиритическій кружокъ, отъ его искусства управлять мыслями и дѣйствіями этихъ лицъ.

Что въ основаніи вѣрованій спиритовъ частію должны лежать реальныя явленія, — это слѣдуетъ предположить уже а priori. Безъ этого невозможно было-бы объяснить увлеченія въ спиритизмъ многихъ миллионовъ людей,

въ числѣ которыхъ находится не мало людей образованныхъ и даже ученыхъ. Не описывая подробно спиритическихъ явленій, мы отдѣлимъ только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ считаться реальными, т. е. дѣйствительно происходящими въ спиритическихъ сеансахъ.

Столъ, за которымъ сидятъ лица, производящіе спиритическіе опыты, можетъ *дѣйствительно* двигаться, если руки этихъ лицъ прикасаются къ нему, хотя никто *сознательно* и не толкаетъ стола. Неудивительно, если при этихъ условіяхъ столъ будетъ давать, посредствомъ движеній, отвѣты на предлагаемые ему вопросы. Эти опыты легче всего удаются безъ профессиональнаго медиума, если только лица составляющіе кружокъ, могутъ привести себя въ надлежащее настроеніе, т. е. въ состояніе напряженнаго ожиданія, соединеннаго съ большею или меньшею степенью экзальтаціи. Всѣ условія, при которыхъ удаются спиритическіе опыты, прямо благопріятствуютъ развитію такого настроенія. Люди нервные и мало впечатлительные обыкновенно ничего не достигаютъ въ спиритическихъ сеансахъ. Продолжительное упражненіе здѣсь, точно также какъ при гипнозѣ, играетъ важную роль, дѣлая субъекта впечатлительнѣе и развивая автоматическую сторону его нервнопсихической дѣятельности. Изъ предшествующаго изложенія мы уже знаемъ, что бываютъ безсознательные двигательные акты, что возможны безсознательныя мыследвигательныя дѣйствія. «Столоверченіе» есть именно одинъ изъ случаевъ такого безсознательнаго мыследвигательнаго дѣйствія. Участвуя въ спиритическомъ сеансѣ и желая, вмѣстѣ съ другими участвующими, чтобы столъ двигался, мы безсознательно толкаемъ его, невольно, въ силу принципа психической контагіозности и безсознательнаго стремленія привести себя въ унисонъ съ окружающими, сообщ-

разуя свои усилія съ усиліями другихъ участниковъ опыта. Въ результатѣ—столъ будетъ двигаться и давать своими толчками отвѣты на наши вопросы. Что дѣло происходитъ именно такъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что никогда отъ движущихся столовъ не получалось такихъ отвѣтовъ, которые не могли-бы быть получены если не отъ всѣхъ, то отъ кого-нибудь изъ участниковъ сеанса. Когда, въ кружкѣ не особенно ученыхъ людей, у которыхъ столъ тоже давалъ отвѣты на предложенные вопросы, я спрашивалъ напр. «въ какомъ году родился Кантъ», то получалъ отвѣтъ, весьма далекій отъ истины.

Спиритисты увѣряютъ, что въ присутствіи сильныхъ медіумовъ столы и другіе предметы могутъ двигаться безъ всякаго прикосновенія къ нимъ со стороны присутствующихъ лицъ. Я не допускаю возможности дѣйствительнаго движенія стола, если къ нему въ самомъ дѣлѣ никто не прикасается. Но я легко могу допустить, что при искусномъ медіумѣ, опытномъ въ «наведеніи» галлюцинацій на лицъ, находящихся подъ его вліяніемъ (какъ мы увидимъ ниже, такое «наведеніе» или suggestion — вещь весьма обыкновенная въ научныхъ опытахъ гипнотизированія), присутствующимъ можетъ представиться, что они видятъ поднятіе стола кверху, перелетаніе вещей съ мѣста на мѣсто и проч. При такихъ условіяхъ легко могутъ происходить галлюцинаціи въ сферѣ различныхъ чувствъ. При этомъ возможно, что нѣкоторые изъ лицъ, участвующихъ въ спиритическомъ сеансѣ, галлюцинируютъ каждый въ отдѣльности; я, напр., могу чувствовать прикосновенія, слышать стуки, видѣть свѣтящіяся руки и т. п. независимо отъ того, видитъ-ли тоже самое мой сосѣдь. Но если принять въ соображеніе общность настроенія, установившагося въ спирити-

ческомъ кружкѣ, если вспомнить о заразительности галлюцинацій, если обратить вниманіе на «сильнаго» и искуснаго медиума, умѣющаго «наводить» галлюцинаціи на лицъ, находящихся въ его распоряженіи и въ то-же служащаго какъ-бы связывающимъ средоточіемъ между всѣми членами кружка и этимъ прямо производящаго между ними нервно-психическое общеніе, — то станетъ понятнымъ, что здѣсь даны самыя благопріятныя условія для происхожденія коллективныхъ галлюцинацій. Съ этой точки зрѣнія объясняются всѣ изъ возможныхъ въ дѣйствительности, но въ то-же время чудесныхъ (для непосвященныхъ въ науку людей) явленій спиритизма. Но для того, чтобы это объясненіе могло быть понято не-врачами, я долженъ сказать, что я разумѣю подъ искусствомъ «наводить» извѣстныя галлюцинаціи или извѣстныя идеи. Поэтому, оставя пока въ сторонѣ спиритизмъ и спиритовъ, мы обратимся къ другой, повидимому, не менѣе чудесной области, къ искусственному сомнамбулизму и гипнотизму, гдѣ, какъ мнѣ кажется, мы и находимъ ключъ къ вѣрному пониманію спиритическихъ явленій.

Выше мы говорили объ *естественномъ сомнамбулизмѣ*, какъ о болѣзненномъ состояніи, характеризующемся или отсутствіемъ или измѣненіемъ (экстатическимъ) сознанія и автоматическою дѣятельностью органовъ движенія.

Нѣчто подобное представляетъ и *искусственный сомнамбулизмъ*. Въ этомъ состояніи сознаніе большею частію не теряется, но сомнамбула (для подобныхъ опытовъ употребляются по преимуществу женщины) впадаетъ въ состояніе, похожее на сонъ или на летаргію, причѣмъ лишается способности произвольнаго движенія, т. е. лишается воли, становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка, приведшаго ее въ это состояніе (магни-

тизера), и дѣйствуетъ по его приказу какъ заведенный автоматъ. Проснувшись, сомнамбула или ничего не помнить о происшедшемъ съ нею во время припадка, или вспоминаетъ объ этомъ весьма смутно. Такого рода состояніе вызывается извѣстными техническими приѣмами такъ называемой «магнетизаціи». Мнимую причиною этихъ явленій т. е. «животнымъ магнетизмомъ» много занимались, особенно во Франціи, въ теченіи первыхъ десятилѣтій нынѣшняго столѣтія. Этимъ предметомъ спеціально воспользовались не люди науки, но люди практики, такъ называемые «магнетизеры», связавшіе съ нимъ значительную долю шарлатанства.

Въ 1841 году англійскій врачъ *Бредъ* открылъ, что состояніе искусственнаго сомнамбулизма можно произвести безъ магнетизерскихъ манипуляцій («пассовъ»), если заставить впечатлительнаго человѣка въ продолженіи $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа упорно и неподвижно глядѣть на ярко блестящій предметъ. Бредъ называлъ производимое имъ сноподобное состояніе *гипнотизмомъ*. Однако до самаго послѣдняго времени люди науки, т. е. врачи, не обращали должнаго вниманія на эти явленія. Вопросъ объ искусствственномъ сомнамбулизмѣ и о гипнотизмѣ былъ выведенъ изъ забвенія, благодаря д-ру *Ш. Рише* въ 1875 году. Въ 1877 году извѣстный профессоръ нервныхъ болѣзней *Шарко* (въ Парижѣ) сталъ производить въ своей клиникѣ въ больницѣ Сальпетріеръ, передъ многочисленною публикою, свои поразительные опыты *гипнотизированія* истерическихъ женщинъ. Въ Германіи тѣмъ-же вопросомъ занялся, въ 1879 и 1880 годахъ, извѣстный фзіологъ *Гейденгайнъ*. Благодаря многочисленнымъ опытамъ какъ этихъ ученыхъ, такъ и многихъ другихъ (*Поля Рише*, *Вейнгольда*), мы знаемъ теперь, какъ произвести состояніе гипнотизма или сомнамбулизма. Не описывая по-

дробно всѣхъ относящихся сюда явленій (они составляютъ предметъ моего спеціального изслѣдованія, такъ какъ опыты гипнотизированія удастся дѣлать и мнѣ на подходящихъ субъектахъ, причемъ, понятно, можно произвести массу любопытныхъ психофизиологическихъ наблюдений), я только скажу вообще, — въ чемъ заключается *гипнотизація*. Если заставить впечатлительнаго человѣка на нѣкоторое время (напр. на полчаса) сосредоточить всю свою умственную дѣятельность на напряженномъ исключительномъ воспріятіи какого нибудь постоянного и однообразнаго раздраженія, то онъ впадаетъ въ состояніе, подобное *летарическому сну* или *катаlepsis*. Профессоръ Шарко употребляетъ въ своихъ опытахъ сильное свѣтовое раздраженіе, какую нибудь ярко свѣтящую точку (электрическій или Друммондовъ свѣтъ), Шарль Рише прибѣгаетъ къ осязательному раздраженію, производя поглаживанія или пассы (на манеръ магнетизеровъ) по головѣ и лицу гипнотизируемаго субъекта, я пользуюсь слуховымъ раздраженіемъ, привязывая карманные часы къ уху гипнотизируемой особы и заставляя послѣднюю, (при полномъ покоѣ и совершенномъ устраненіи всѣхъ другихъ впечатлѣній) упорно, ни о чемъ не думая, слушать стукъ часовъ. Смотря по субъекту и по продолжительности дѣйствія гипнотизирующаго раздраженія, явленія бываютъ различны. Въ большинствѣ случаевъ дѣло начинается съ произвольныхъ гримасъ, т. е. съ клоническихъ судорогъ мышцъ лица. Затѣмъ судороги распространяются на мышцы шеи, туловища и конечностей и становятся тоническими, т. е. мышцы приходятъ въ постоянное, сильное судорожное сокращеніе. Лицо обезображивается, жевательныя мышцы, энергически напрягаясь, стискиваютъ челюсти, такъ что самъ испытуемый субъектъ не можетъ открыть рта и даже эксперимен-

таторъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не въ состояніи разжать ему челюстей. Все тѣло сводится въ дугу, большею частію изгибаясь назадъ, т. е. происходитъ *столбнякъ*. Иногда получается тоническое, длительное сокращеніе всѣхъ мышцъ тѣла; т. е. человѣкъ какъ-бы окаменѣваетъ, впадая въ *каталепсію*. Если наблюдатель насильно измѣнить положеніе членовъ у каталептизированнаго субъекта, то онъ сохраняетъ всякое положеніе, всякую позу, какую-бы мы ни придали ему. Само собою разумѣется, въ такомъ состояніи человѣку невозможно говорить; вообще, онъ лишается способности произвольнаго движенія. *Лишеніе воли* есть характеристическая особенность гипнотическаго состоянія. Рядомъ съ разстройствами въ двигательной сферѣ, параличами, судорогами, контрактурами, автоматичностью движеній, у гипнотиковъ обыкновенно замѣчаются растройства чувствительности, именно — полная *потеря чувствительности* (анѣстезія) и *потеря чувства боли* (аналгезія). Можно колоть такого субъекта, рѣзать его, производить ему какую угодно хирургическую операцію, — онъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли.

Замѣчательно, до какой степени гипнотикъ, лишаясь собственной активности, впадаетъ во власть экспериментатора и становится полнымъ автоматомъ, игрушкою въ рукахъ послѣдняго. Даже чисто нервные симптомы, судороги, контрактуры (сведенія), анѣстезія, вполне находятся въ рукахъ экспериментатора, который можетъ заставить ихъ исчезнуть однимъ своимъ словомъ или прикосновеніемъ, можетъ по своему произволу заставить ихъ переходить съ одного мѣста тѣла на другое. Въ *каталептической* формѣ гипноза мышленіе обыкновенно мало разстраивается. Гипнотикъ все понимаетъ и слышитъ, даже способенъ мыслить до извѣстной степени, но не

можетъ безъ приказа экспериментатора говорить и двигаться.

Бываетъ другая форма гипнотизма, форма *летаргическая* или *сомнамбулическая*, которая обыкновенно получается изъ каталептической формы, но можетъ также быть вызвана и самостоятельно. Безъ судорогъ и контрактуръ, безъ каталепсiи, гипнотизированный субъектъ лежитъ или сидитъ въ креслѣ и находится, повидимому, въ обыкновенномъ снѣ. Въ этомъ состоянiи гипнотика экспериментаторъ можетъ заставить его дѣлать (автоматически) все что угодно, можетъ также «наводить» на него различныя галлюцинаціи, «внушать» ему извѣстныя представленія и мысли, однимъ словомъ — заставить его переживать съ реальною живостью разныя событія, по его (экспериментатора) выбору и фантазіи. Гипнотикъ будетъ пѣть, танцовать, кривляться, принимать невозможныя позы, писать по данному приказу, съ закрытыми или съ открытыми глазами — какъ угодно. А вотъ въ чемъ состоитъ «наведеніе» или «внушеніе». Экспериментаторъ подноситъ гипнотику какую-нибудь отвратительную и вонючую смѣсь, называя ее вкуснымъ кушаньемъ и приказывая ее кушать. Гипнотикъ ѣстъ тошнотворное блюдо съ выраженіемъ величайшаго удовольствія. Экспериментаторъ, напр., говоритъ: «развѣ вы не видите этого льва?» Гипнотизированный субъектъ тотчасъ съ реальною живостью видитъ льва (о чемъ иногда вспоминаетъ и послѣ опыта), пугается, кричитъ, бѣжитъ, молить о спасеніи. Или гипнотику предлагаютъ совершить путешествіе. Тогда передъ нимъ послѣдовательно проходятъ, съ поразительною живостью, всѣ тѣ образы, которые получаютъ нашимъ мозгомъ во время прогулки по посѣщеннымъ нами прежде мѣстамъ. Если экспериментаторъ скажетъ: «въ эту минуту вы превращаетесь

въ собаку» — то гипнотикъ становится на четвереньки, ласть, кусается, лижетъ, однимъ словомъ — въ совершенствѣ подражаетъ собакѣ. Придя въ нормальное состояніе, гипнотикъ иногда помнитъ всѣ испытанныя имъ галлюцинаціи, иногда-же совершенно не знаетъ, что онъ дѣлалъ во время гипноза. Такъ, если заставить человѣка, во время гипноза, написать нѣсколько словъ (подъ диктовку или самостоятельно) то, вернувшись въ нормальное состояніе, онъ не вѣритъ, что онъ самъ это написалъ. Другіе, придя въ себя, подробно описываютъ испытанныя ими во время гипноза сновидѣнія и галлюцинаціи. Мнѣ кажется, что и потеря сознанія можетъ быть произвольно вызываема экспериментаторомъ, хотя я самъ еще не могъ прямо убѣдиться въ этомъ. Если-бы я захотѣлъ основательно описать всѣ явленія гипноза, то мнѣ пришлось-бы занять цѣлую книжку. Экспериментальнаго матеріала по этой части у врачей достаточно (я говорю только о врачахъ, извѣстныхъ своею ученостію и своею добросовѣстностію, какъ напр. проф. Шарко, Гейденгайнъ, парижскіе врачи Шарль и Поль Ріше и др., оставляя въ сторонѣ прежнюю, весьма обширную, литературу «животнаго магнетизма», на которую, конечно, нельзя положиться). Я не даю здѣсь объясненій гипнотическихъ явленій, потому что невозможно вкратцѣ объяснить это людямъ, не имѣющимъ свѣдѣній по физиологій нервной системы. Я хотѣлъ только показать, что въ настоящее время врачи могутъ производить по произволу явленія, даже болѣе удивительныя чѣмъ тѣ, которыя происходятъ въ присутствіи спиритовъ-медіумовъ. При этомъ не нужно ни помощи «духовъ», ни чудодѣйственной «магнетической» или «одической» силы, а просто достаточно извѣстныхъ пріемовъ, которыми и вызываются разныя, иногда весьма поразительныя явленія, вполне

объясняющіяся фізіологією нервної системы и психологією. Впрочемъ, знакомство врачей съ этимъ предметомъ еще такъ ново, что изъ множества научныхъ объясненій для гипнотическихъ явленій ни одно не удовлетворительно выполнѣ.

Сходство въ состояніи гипнотизированнаго человѣка съ состояніемъ людей, участвующихъ, при ловкомъ медіумѣ, въ спиритическихъ сеансахъ, поразительно. Между этими состояніями можно провести почти полный параллелизмъ:

а) Условія опытовъ въ томъ и другомъ случаѣ однородны. При спиритическомъ сеансѣ человѣкъ гипнотизируется напряженнымъ ожиданіемъ явленій, имѣющихъ совершиться, а главныхъ образомъ—сосредоточеніемъ на одномъ и томъ-же осязательномъ ощущеніи (на чувствѣ прикосновенія къ столу). Разница между спиритическимъ и гипнотическимъ состояніемъ только въ томъ, что при спиритическихъ сеансахъ гипнотизація не достигаетъ высокой степени, такъ что обыкновенно дѣло не доходитъ до каталепсін.

б) Состояніе увлеченнаго спирита во время медіумическаго сеанса выполнѣ похоже на извѣстную степень гипнотической летаргіи. Это, такъ сказать, состояніе *отуманнѣнія*, гдѣ человѣкъ совершенно лишается своей воли и становится послушнымъ инструментомъ въ рукахъ опытнаго и искуснаго медіума. Если Шарко и Гейденгайнъ, не будучи чудодѣями по профессіи, могутъ «наводить» въ мозгу гипнотика какія имъ угодно представленія и галлюцинаціи, то неудивительно, что медіумъ, будучи въ то-же время ловкимъ фокусникомъ и мастеромъ своего дѣла, можетъ вызывать извѣстныя галлюцинаціи (обманы чувствъ) у людей, вѣрящихъ въ спиритизмъ. И при научныхъ опытахъ гипнотизаціи можно экспериментировать

сразу на нѣсколькихъ субъектахъ. При спиритическихъ сеансахъ дѣло медиума облегчается тѣмъ, что въ силу нервно-психической контагіозности каждое лицо, принадлежащее къ кружку, дѣйствуетъ на другихъ лицъ и заражаетъ ихъ своими галлюцинаціями и своимъ бредомъ. Гипнотизировавъ до желаемой степени публику, медиумъ приступаетъ къ «наведенію» и говоритъ, напр., что онъ видитъ огненную руку; неудивительно, что тогда и каждое изъ лицъ, участвующихъ въ сеансѣ, дѣйствительно увидитъ огненную руку.

с) Какъ опыты гипнотизаціи, такъ и спиритическіе сеансы удаются всего лучше съ нервными и впечатлительными людьми. Приобрѣтенное расположеніе въ томъ и въ другомъ случаѣ играетъ одинаково важную роль. Съ каждымъ новымъ сеансомъ на однихъ и тѣхъ-же лицахъ достигаются все болѣе и болѣе поразительныя явленія.

Надо прибавить, что не всѣ медиумы дѣйствуютъ одинаково. Нѣкоторые изъ американцевъ, именно «говорящіе» и «пишущіе» медиумы, умышленно гипнотизируются сами, впадаютъ въ «трансъ» или въ состояніе галлюцинаторнаго экстаза и тогда получаютъ откровенія отъ духовъ. Понятно, что такіе медиумы заражаютъ въ извѣстной мѣрѣ своимъ аномальнымъ состояніемъ и свою публику.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно для вѣрнаго пониманія спиритизма. Вообще, описанныя въ этомъ этюдѣ явленія гипнотизма, сомнамбулизма, галлюцинацій, экстаза, въ соединеніи съ фактомъ нервно-психической заразительности, даютъ ключъ къ объясненію всѣхъ спиритическихъ чудесъ, на сколько послѣднія реальны.

О размѣрахъ спиритическаго движенія въ Америкѣ, гдѣ это движеніе носитъ явственно религіозный характеръ, даютъ понятіе вышеприведенныя цифры численно-

сти американскихъ спиритистовъ. По свидѣтельству врачей, большой процентъ приверженцевъ спиритизма впадаетъ въ помѣшательство. Тѣ изъ медіумовъ, которые не принадлежатъ къ числу ловкихъ шарлатановъ и фокусниковъ, большею частію суть люди нервныя, конвульсіонеры, экстатики и галлюцинанты, что, конечно, немѣшаетъ, но, напротивъ, помогаетъ имъ быть искусными на практикѣ гипнотизаторами.

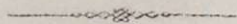
Въ заключеніе, резюмируемъ все вышеизложенное. Масса приведенныхъ нами фактическихъ данныхъ доказываетъ заразительность нервныхъ и душевныхъ актовъ, ихъ способность передаваться отъ одного субъекта къ другому. Имитативность, стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми, есть существенное свойство человѣка, существенная черта его психо-физической природы, данная въ самомъ устройствѣ нервно-мозгового механизма. Громаднѣйшая часть фізіологическихъ нервно-психическихъ актовъ заразительна; мы видѣли contagiозность головно-мозговыхъ рефлексовъ, contagiозность настроенія, чувства, страсти, побужденій, стремленій, идей; что касается до дѣйствій вообще, то они заразительны по столько, по скольку они сводятся на автоматическіе акты, или по скольку они опредѣляются настроеніемъ, чувствомъ или страстью. Точно такъ же заразительны и болѣзненные стремленія, болѣзненные чувства и страсти. Конечно, въ происхожденіи душевныхъ эпидемій играютъ роль различныя причины и условія, случайныя и частныя, общественныя и историческія, но, во всякомъ случаѣ, законы нервно-психической contagiозности здѣсь имѣютъ громадное значеніе. Крайняя экзальтація ведетъ къ общему разстройству нервно-мозговой

системы и неудивительно, что въ душевныхъ эпидеміяхъ мы такъ часто встрѣчаемся съ различными нервно-и психо-патическими явленіями, — гиперестезіями, анестезіями, аналгезіями, параличами, судорогами истерическими и эпилептоидными, съ пляской св. Витта, съ состояніями сомнамбулизма и экстаза, съ иллюзіями и галлюцинаціями. Доказать первичную заразительность этихъ страданій трудно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію высокая степень заразительности экзальтаціи — ихъ общаго источника. Во всякомъ случаѣ фактъ коллективныхъ галлюцинацій неоспоримъ.

Мы видѣли, какъ велико дѣйствіе нервно-психическаго контакта въ жизни индивидуальной, общественной, исторической. При слабомъ развитіи высшихъ мозговыхъ функцій — мышленія и воли — человѣкъ весь вѣкъ свой можетъ прожить жизнію пассивною, такъ-сказать, — машиною, служа копіею и зеркаломъ для окружающихъ его людей. При такомъ отсутствіи личной самостоятельности въ человѣкѣ не можетъ быть и рѣчи о нравственной свободѣ его. Только сознательное логическое мышленіе, самостоятельная переработка внѣшнихъ впечатлѣній, имѣющая конечнымъ результатомъ сознательное рѣшеніе воли, дѣлаютъ человѣка свободнымъ. Однако, и при высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія человѣкъ никогда *вполнѣ* не избѣжитъ дѣйствія нервно-психическаго контакта. Развѣ ученые и развитые люди никогда не участвуютъ въ повальныхъ заблужденіяхъ? — Факты прямо говорятъ, что современный высокій уровень знанія вовсе не гарантируетъ даже и интеллигентный слой общества отъ душевныхъ эпидемій (достаточно вспомнить что въ числѣ спиритистовъ не мало ученыхъ людей) и едва ли скоро наступитъ такое время, когда бы не могли имѣть мѣста повальные за-

блужденія и эпидемическое безуміе. Главнѣйшіе источники душевныхъ эпидемій — религіозное чувство, мистическія стремленія, страсть къ таинственному и необычайному — во всякомъ случаѣ нескоро изсякнутъ. Мѣняются только *формы* повальныхъ болѣзней души, мѣняется содержаніе бреда. Въмѣсто прежнихъ «чертей» выступаютъ на сцену «духи», или человѣческія «души», частью невещественныя, частью матеріальныя; этихъ «духовъ» можно замѣнить «таинственными силами природы» — и трудно предвидѣть конецъ этимъ смѣнамъ....

Что касается, въ частности, до новѣйшей душевной эпидеміи, — эпидеміи спиритизма, то ея симптомы совершенно однородны съ симптомами, представляемыми другими душевными эпидеміями. Указавъ на аналогію медіумическихъ явленій съ вызываемыми (для научной цѣли) врачами явленіями гипнотизма, мы дали ключъ къ вѣрному взгляду на «чудеса спиритизма».

СОДЕРЖАНІЕ.

Очеркъ прежнихъ и современныхъ воззрѣній на психическую жизнь человѣка и животныхъ.

Стр.

Вступленіе.

- I. Происхожденіе понятія о душѣ. — Вѣрованія дикарей. — Древнія вѣрованія Персовъ, Египтянъ, Индійцевъ, Китайцевъ. — Понятіе о душѣ въ античномъ мірѣ. — Знаніе и вѣра. — Понятія о душѣ у анимистовъ и у спиритуалистовъ (Перти, Корнеліусъ, Гэръ и Уоллесъ) 1—20
- II. Философскія понятія о душѣ. — Діогенъ Апполонскій. — Ксенофанъ. — Элеаты. — Пиеагоръ. — Аристипъ. — Демокритъ. — Эпикуръ. — Сократъ. — Протагоръ. — Парменидъ. — Платонъ. — Аристотель. — Стоики. — Скептики. — Христіанскіе философы. — Схоластика. — Возрожденіе. — Джіордано Бруно. 20—29
- III. Вэконъ и Декартъ. — Спиноза. — Философы XVII вѣка. Гоббсъ. — Локкъ. — Философы XVIII вѣка. Берклей. — Юмъ. — Кондильякъ. — Гартлей. — Вольтеръ. — Э. Дарвинъ. — Т. Ридъ. — Ламетри и его сочиненія. Гольбахъ. — Гассенди. — Робине. — Дидеро. 29—41
- IV. Лейбницъ. — Вольфъ. — Кантъ. — І. Г. Фихте. — Шеллингъ. — Гегель. — Шопенгауэръ. — Гартманнъ и „философія Безсознательнаго“ 41—61
- V. Кабанисъ. — Галль и френологія. — Гербартъ и математическая психологія. 61—66
- VI. Англійская новѣйшая психологія. — Д. Милль. — Д. С. Милль. — Г. Спенсеръ. — Бэнъ. — Льюисъ. 66—108

- VII. Нѣмецкая психологія послѣ Гербарта. — Бенеке. —
Лотце. — Происхождение понятія о пространствѣ; на-
тивисты и эмпирики. — Фехнеръ. — Вундтъ. — Матеріа-
листы 108—121
- VIII. Общіе выводы научной психологіи. — Психологическія
явленія суть частный случай явленій жизни. Про-
стѣйшія существа; bathybius, монеры, одноклѣточ-
ные организмы. Способность чувствованія какъ харак-
теристическое свойство нервной ткани. Отношеніе
между чувствительностью и сознаниемъ. Сознаніе
нишихъ животныхъ. Первое начало нервной систе-
мы. Нервная система въ элементарномъ видѣ. —
Механизмъ нервнаго аппарата у человѣка. Рефлексы.
Автоматическіе акты. Рефлекторные механизмы голов-
наго мозга. Дѣятельность коры головного мозга.
Центры мозговой коры. Мыслительная дѣятельность.
Нервно-психическое возбужденіе есть молекулярное
движеніе. Сознаніе. Безсознательная душевная дѣя-
тельность. Новѣйшія теоріи относительно сущности
душевной дѣятельности и сознанія. 121—147
- Заключеніе. — Монизмъ. „Вещь сама въ себѣ“.
Реализмъ. Абсолютная достовѣрность знанія. . . 147—153

Нервно-психическій контагіи и душевныя эпидеміи.

Стр.

- I. Фактъ душевныхъ эпидемій и коллективнаго безумія. — Рефлективные и автоматическія движенія и дѣйствія. Естественный сомнамбулизмъ; примѣры этого болѣзненнаго состоянія. — Автоматизмъ мысли и „мыследвигательныя“ дѣйствія. Значеніе чувства. Роль разсудка. — Патологическія состоянія сознанія. Экзальтація; экстазъ; галлюцинаціи и иллюзіи. Проявленіе въ болѣзненномъ состояніи способностей, не замѣчавшихся въ нормальномъ состояніи. . . . 153—177
- II. Имитация и нервная контагіозность. Значеніе подражательности. Заразительность движеній и дѣйствій. Заразительность аффектовъ и душевныхъ движеній. — Инстинктъ стадности. Коллективный энтузіазмъ. Паника. — Заразительность идей. Заразительность болѣзненныхъ душевныхъ проявленій. Заразительность преступленій. Заразительность судорогъ. — Коллективныя галлюцинаціи 177—196
- III. Историческія душевныя эпидеміи. — Крестовые походы дѣтей. — Эпидемія самобичеванія. — Эпидемическая хореоманія. Тарентизмъ. — Демонологія и демономанія. Зоантропія. Вампиризмъ. — Эпидемическая теоманія. Анабаптисты. Севенскіе пророки. Конвульсіонеры. — Эпидемія XIX вѣка. — Спиритическая эпидемія; ея возникновеніе и распространеніе. — Спиритическіе сеансы и медиумы. — Сходство между явленіями гипнотизаціи и „медіумическими“ явленіями. — Научные опыты гипнотизированія. — Общее объясненіе спиритическихъ и медіумическихъ явленій 196—233
- Общее заключеніе. 233—225

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСАНДРА ЛАНГЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Вундтъ, В.** Основанія фізіологической психологіи. Выпускъ I. Перевелъ и дополнилъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Викторъ Кандинскій. Ц. 3 руб.
- Льюисъ, Д. Г.** Изученіе Психологіи. Продолженіе «Вопросовъ о жизни и духѣ». Редакція перевода и этюдъ «Льюисъ, какъ психологъ». П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р. 50 к.
- Макадамъ, Стэв.** Практическая химія. Переводъ подъ редакціею профессора А. Д. Булыгинскаго. Ц. 1 руб
- Мейнертъ, Т.** Механика душевной дѣятельности. Переводъ Виктора Кандинскаго. Ц. 40 коп.
- Миллеръ, Н.** Бесѣда о гнилой жабѣ. Ц. 20 коп.
- Шапошниковъ, Н. А.** Курсъ прямолинейной тригонометріи. Ц. 80 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Лейкартъ, Р.** Всеобщая естественная исторія паразитовъ. Переводъ Н. Г. Зографъ.
- Темлинскій.** Золаизмъ. 2-е дополн. изданіе.

